

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал
№4 /98/ 2023

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№4 /98/ июль-август 2023

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)
Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)
Дизайнер-оформитель, веб-администратор: Дмитрий Игнатов (Воронеж)

Литературный экспертный совет

Байборodin Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.
Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.
Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 29.08.2023.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2023

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
E-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание

Премия «Искусство слова» 2023.....	3
Критика	
Владимир Спектор. Бездна пространства.....	5
Иванна Дунец. «Отряд СКЛОН» Александра Пономарёва.....	9
Публицистика	
Александр Балтин. К 150-летию М. Пришвина.....	11
Наталья Ячеистова. «В сердце моём всходит богатое солнце...».....	14
Поэты конца советской эпохи	
Бездны Петра Боровикова.....	17
Привал на поэтической тропе	
Нина Ищенко. Элиас, Донбасс, СВО – новый образ Рыцаря с лебедем.....	20
Галина Пиастро. О некоторых проблемах судейства в литературных конкурсах.....	27
Проза	
Нина Кромина. Иногда они мечтают... Рассказ.....	31
Анжелла Седых. Из цикла «Холстинки».....	34
Ирина Соляная. Сказ о казаке Пахомии, рассказанный Маркианом Горбоносовым (сказка).....	35
Дарья Фомина. Мама. Рассказ.....	39
Светлана Чернышёва. Динка, Зинка и другие (из цикла «Недетские истории»).....	41
Ева Зорина. Мы. Рассказ.....	44
Тамара Селеменева. Он будет жить у нас! Рассказ.....	46
Гузель Рахматуллина. Моя Данута. Рассказ.....	48
Элита Туресен. Рыжее «солнышко». Рассказ.....	50
Сергей Степанов-Прошельцев. Михаил Горбачёв (записки о первом и последнем президенте СССР).....	51
Игорь Фёдоров. Реквием бабьего лета. Рассказ.....	55
Татьяна Медиевская. Утренний туман. Рассказ.....	65
Поэзия	
Никита Брагин. «В час последнего грома».....	67
Николай Ерёмин. Июнь 2023.....	68
Нина Гаврикова. «Веретень жизни».....	69
Марк Польшковский. Разбуженные мысли. Онегинский венок.....	70
Сергей Шилкин. Из новых стихов.....	72
Ольга Флярковская. «Ничего на земле нету вечного...».....	73
Алёна Иванова. «Акварель узорной дали...».....	74
Григорий Гачкевич. Летняя подборка для детей и взрослых.....	75
Владислав Бусов. «Дежавю».....	76
Евгений Курочкин. «Нас не догонит осень!».....	77
Виталий Кузнецов-Новочеркасский. «На древе жизни...».....	78
Валерий Румянцев. «Но выход есть...».....	79
Александр Пензенский. «На далёких берегах...».....	80
Олег Шухарт. «... и скроюсь осенью вдали...».....	81
Валерий Мазманян. «Жасмин туманом плыл у окон».....	82
Обратная связь	
Новая книга	
Книга в подарок (о книге Натальи Ячеистойой «Тонкая грань»).....	83
Слово о Журнале	
С юбилеем, дорогие «Огни!».....	84
Валентина Останина. Читая «Северо-Муйские огни».....	85
Светлана Казакова. Журнал-праздник.....	86
Елена Зяблова. К 15-летию «Северо-Муйских огней», или «Подростку-долгожителю» – 15!	87
Творческий совет журнала	88

Премия «Искусство слова» 2023

Ещё одна. Из многих российских и международных премий.

Чем литературные премии отличаются друг от друга? Какую роль они играют в современном литературном процессе? Какие тенденции господствуют сейчас в русской поэзии и прозе?..

Идея учреждения новой премии возникла на Московской книжной ярмарке в сентябре прошлого года. У стенда издательства «Новое слово» Юрий Егоров (Литературный дневник Юрия Егорова), Максим Федосов (издательство «Новое Слово») и Нина Кромина (Литературная лаборатория «Красная строка») обсудили основные параметры проекта по созданию литературной премии, которая должна носить общественный характер и объединять разные литературные организации.

Литература – это искусство. Слово в литературе – это основной материал для создания произведения. Стихотворные и прозаические тексты лежат в основе создания сценариев для кинофильмов, песен, опер и либретто для балетов. Известно, что «словом можно убить, словом можно спасти...». Отсюда и возникло название премии, учреждённой в 2023 году – «Искусство слова», а цель премии – выявить авторов, чьи произведения продолжают традиции русской классической литературы, чеховские традиции, и продолжают развитие традиций современной русской литературы – Набоков, Шварц, Шаламов, Бродский и не должны им противоречить

«Это основной и главный критерий, объединивший все организации, вошедшие своими представителями в оргкомитет премии. Именно это понятие нас всех объединило, людей разного возраста, жизненного опыта, взглядов. Прежде всего это литература, не забывшая своё изначальное определение – искусство слова».

Особенностью премии является выдвижение авторов литературными организациями. Информация о претендентах и их литературных достижениях размещена на страницах ВК.

В состав организаторов новой премии вошли: издательство «Новое Слово», литературная лаборатория «Красная строка», литературное объединение «Точки» –руководитель Андрей Воронцов, литературное объединение им. Ф. Шкулёва – представляет лауреат региональных и международных премий Тамара Селеменова, литературное объединение «Рифма+» – дипломант премии им. Р. Рождественского Юлия Грачёва, издательство «У Никитских ворот» – представляет шеф-редактор Анна Баранова, журнал «Северо-Муйские огни» – Виталий Кузнецов, главный редактор журнала, член Европейского конгресса литераторов, «Фестиваль добрых сердец», руководитель литературного проекта «Экология души» Ольга Жданкина (С-Петербург) и литературный дневник Юрия Егорова.

Определены дипломанты, лауреаты. На дипломах – портреты выдающихся классиков.

В числе победителей: Мария Аверина (Москва), Наталья Ковалевская (С-Петербург), Александра Николаенко (Москва), Дмитрий Воронин (Калининград), Екатерина Полянская (С-Петербург), Ирина Ордынская, Алексей Зименков (Видное).

Мария Аверина – поэт и прозаик, блогер. Родилась 18.08.1985 года. Живёт и работает в Москве. Окончила Московский педагогический государственный университет им. В. И. Ленина, выпускница Русской театральной школы, отделения «Теория стиха и прозы», специализируется на изучении русской литературы XIX века, защитила диссертацию. Член РСПЛ и Союза писателей России. Автор поэтического сборника «Я не ищу внутри слова». Награждена дипломом имени И. А. Бунина «За верность отечественной литературе». Дебютный роман «Контур человека: мир под столом» в 2020 году номинирован на Всероссийскую литературную премию «Национальный бестселлер», литературную премию «Ясная Поляна», вошёл в шорт-лист Международной премии им. И. А. Гончарова.

Мария – модератор литературного блога. «Литературный клуб Марии Авериной» сегодня собрал более 200 000 подписчиков, в 2023 вошел в шорт-лист Литературной премии имени Александра Чаковского «Гипертекст» в номинации «Литературный блогер».

В 2022 году Мария Аверина награждена золотой медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

Ирина Ордынская – прозаик, драматург, сценарист, публицист, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Выпускница Литературного института им. А.М. Горького. Создатель и главный редактор журнала-библиотеки современной духовной литературы «Эхо Бога».

Автор восьми книг прозы: «Повести и рассказы», «Ангельский чин», «Святая блаженная Ксения Петербургская», «Отречение», «Игумен Сергей», «Святой Иерусалим», «Матронушка», «Монахини» и четырёх пьес: «Блаженная», «Игумен Сергей», «Чат в поднебесной сети», «Миллион роз». Автор сценария литературно-музыкальной композиции «Восхождение» к 100-летию со дня гибели Царской семьи. Победитель двух международных конкурсов драмы, Международного литературного форума «Славянская лира» (Белоруссия) и литературного конкурса «Лучшая книга года 2015» (Германия), лауреат конкурса Издательского совета Русской Православной Церкви «Новомученики и исповедники церкви русской» (2019), лауреат Международного конкурса «Автора – на сцену!» и премии «Золотой Витязь».

Екатерина Полянская – поэт, переводчик с польского и сербского языков. Родилась и проживает в Санкт-Петербурге. В 1992 году окончила Санкт-Петербургский Государственный Медицинский Университет им. И. П. Павлова. С 1993 по 2008 г. работала в НИИ травматологии и ортопедии им. Р. Р. Вредена. Член Союза Писателей России с 2002 г. Переводилась на польский, болгарский, японский, английский, сербский и чешский языки.

Александра Николаенко – прозаик, художник. Родилась 8 октября 1976 года в Москве. Автор романов «Убить Бобрыкина. История одного убийства» (2016), «Нога судьбы, пешки и собачонка Марсельеза» (2016), «Небесный почтальон Федя Булкин» (2018), «Муравьиный бог: реквием» (2022), сборников рассказов «Светофор, шушера и другие граждане» (2017), «Жили люди, как всегда. Записки Феи Булкина» (2021).

Наталья Ковалевская – родилась в Ленинграде, окончила Морской Технический Университет. Стихи начала писать с 9 лет. Публиковалась в Университетской газете «За кадры верфям», сборнике «СТФ-сегодня», альманахах «Лестница в небо», «Колокольчик», «Реквием». Является слушателем Школы поэтического мастерства «Линии времени». Участвовала в различных поэтических фестивалях и конкурсах. В 2015 году заняла третье место в Фестивале Мелодекламации «Струны города Питера» в номинации «Отечество». Заняла первое место в Фестивале «Цветок в петлице Петербурга на Книжных аллеях» в номинации «О природе», в конкурсе «Экология Души» в номинации «Экология».

Дмитрий Воронин – сельский учитель. Родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Автор трёх сборников рассказов. Участник двадцати альманахов и прозаических сборников в России, Украине, Беларуси, Германии. Публиковался в журналах «Наш Современник» Москва, «Подъем» Воронеж, «Север» Петрозаводск, «Вертикаль 21 век» Нижний Новгород, «Приокские зори» Тула, «Петровский мост» Липецк, «Лик» Чебоксары, «Балтика» Таллинн, «Берега» Калининград, «Великоросс» Москва, «Бийский Вестник» Бийск, «Алтай» Барнаул, «Наше поколение» Кишинев, «Новая Немига» Минск, «Простор» Алма-Ата, «Нижний Новгород» Н.Новгород, «Балтика» Калининград, «Дон новый» Ростов-на-Дону, «Русское эхо» Самара, «Отчий край» Волгоград, «Двина» Архангельск, «Литературной газете». Лауреат премии «Золотое перо Руси» и ряда международных литературных конкурсов.

Алексей Зименков – старший научный сотрудник Института мировой литературы (ИМЛИ) имени А. М. Горького. Окончил филфак МГУ имени Ломоносова. В 1971 году был направлен на работу в Государственный музей В. В. Маяковского. В 1986-м его пригласили в Институт мировой литературы, где он стал учёным секретарем группы, которая занимается изданием Полного собрания произведений Маяковского.

Член Союза писателей России. Руководитель ЛИТО им. Ф. Шкулёва, литературной студии «Акцент» и детской – «Слово». Председатель Общества краеведов Ленинского округа и член Союза краеведов России. Составитель и литературный редактор четырёх посмертных изданий стихов поэта Евгения Зубова, научный руководитель авторского коллектива первого обобщающего краеведческого труда, посвященного истории Ленинского района, «Видновский край с древнейших времен до наших дней» (2006), автор учебного пособия для средних школ «Ленинский район – моя малая родина» (2008), автор и составитель более тридцати других краеведческих изданий, посвящённых Ленинскому району Московской области. Автор текста на стенах Вечного огня Аллеи Славы в городе Видное. Награждён федеральными и областными наградами, в том числе Шолоховской медалью Министерства культуры РФ за участие в разыскании рукописи романа М. Шолохова «Тихий Дон» и материалов, связанных с историей его написания. Почётный гражданин Ленинского округа.

Торжественная церемония оглашения результатов состоялась в чеховской усадьбе «Мелихово» в последнее воскресенье мая.

Гран-при вручено Марии Авериной. Ещё 6 человек удостоены дипломов лауреатов и финалистов. На мероприятии выступили Дмитрий Воронин (Русский Гофман), Алексей Зименков (Лито имени Ф. Шкулёва), Нина Кромина (Красная строка), Ирина Ордынская (журнал «Эхо Бога»), Тамара Селеменова (Рифма+).

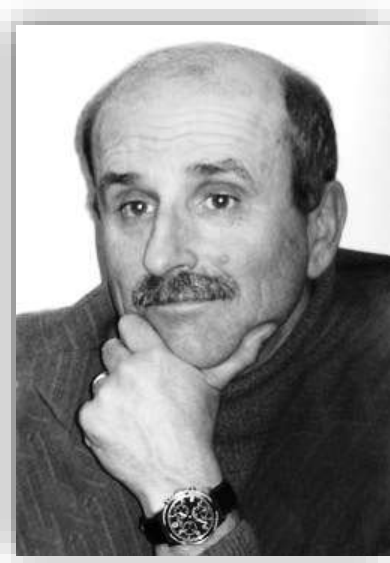
Зачитано приветствие участникам премии от журнала «Северо-Муйские огни». Премия состоялась, но работа по дальнейшему развитию проекта продолжается и уже сегодня к ней желают присоединиться ютуб-канал «Квартирник» из Краснодара, литературный фестиваль «Русский Гофман». Проект «Искусство слова» остаётся открытым для всех, кто намерен развивать чеховские литературные традиции, служить на благо современной русской литературы.

Татьяна БИРЮКОВА,
член Союза писателей России,
лаборатории «Красная строка» и ЛИТО им. Ф. Шкулёва

КРИТИКА

... всякий читатель — критик, и всякий критик — читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Владимир СПЕКТОР

г. Луганск, ЛНР – Россия

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных премий. Редактор литературного альманаха «Свой вариант».

Бездна пространства

«Пушкин! Он и в лесах не укроется: Лира выдаст его громким пением...» – так прозорливо писал о своём великом друге поэт Антон Дельвиг ещё в пору их общей юности. Он был прав. Пушкину нет нужды скрываться. Он и сегодня на виду у всего мира, как лучший поэт России. Да и не только. «Полагаем, что имя поэта А. С. Пушкина сохранится в 2037 году и что не только поэтические его произведения, но и прозаические сочинения будут собраны и перепечатаны...» И в этом тоже не ошибся другой современник гениального поэта, Фаддей Булгарин. Пушкина издают и будут публиковать всегда. Ведь он, как метко замечено Аполлоном Григорьевым, «наше всё». И подтверждением всему сказанному могут стать полки книжных магазинов, на которых произведения

Александра Сергеевича всегда на видном месте, и которые постоянно пополняются новыми изданиями, такими, к примеру, как собрание сочинений «Весь Пушкин», подготовленное издательством Александра Стручкова.

И стихи, и проза Пушкина удивительно современны и актуальны. Это свойство гениальной литературы. Так же современны сегодня пьесы Шекспира и Шиллера, проза Толстого, Достоевского, Чехова, поэзия Лермонтова, Байрона, Гёте... Как бы ни менялся мир в своём движении по пути к совершенству, открывая всё новые возможности, превращая некогда фантастические идеи в реальность, природа человека неизменна. И, по-прежнему, точнее и трогательнее, чем Пушкин, о жизни и надеждах, мечтах и разочарованиях сказать невозможно:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт – то будет мило.

Вот уже два столетия эта формула остаётся неизменной и неопровержимой. Как всё гениальное. И о любви лучше, чем Пушкин, тоже не скажешь. Можно по-другому, тоже хорошо и талантливо, оригинально и трогательно, как делали это Цветаева, Пастернак, Ахматова, Петровых, Есенин, Юрий Кузнецов... Но Пушкин сказал так, что сегодня его слова помнят и повторяют все влюбленные, говорящие на русском языке (и не только):

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...

.....
... И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

.....
Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Любовь к Пушкину не тревожит, она радует и вдохновляет. Его лирика – это «чистейшей прелести чистейший образец». В ней воплощение изящных чувств и возвышенных качеств человеческой природы, данное в лаконичных, ярких и запоминающихся на всю жизнь строках. Добавим – в гениальных строках. Это понимали его современники, с этим согласны их потомки вот уже на протяжении более чем двух столетий. Казалось бы, в технократический век, подаривший людям мощные компьютеры, способные слагать стихи, выбирая из множества рифм самые оригинальные, популярность поэта и его гениальных творений могла бы пойти на спад. Но этого не происходит. Магия его строк, их волшебное звучание по-прежнему чарует всё новые поколения, и всенародная любовь к поэту остаётся неизменной. Не зря, обращаясь к Пушкину, писал столь же незабвенный Тютчев: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..».

Кроме поэтического гения, в Пушкине привлекают, восхищают такие благородные свойства, как честь и достоинство, смелость и решительность, стремление к самосовершенствованию и готовность к самопожертвованию во имя идеалов, искренний патриотизм. Поражают пророческий дар, глубокий ум, эрудиция, умение мыслить не просто образно, красиво и оригинально, но и с философским размахом, на полное постижение которого не хватит и целой жизни.

... Зачем от гор и мимо башен
Летит орёл, тяжёл и страшен,
На чёрный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет...

И всё же для поэта и патриота Пушкина гражданственность лирики была негласным, но твёрдым условием, которому он следовал неизменно. Он не был ни шовинистом, ни злорадным ненавистником других народов, нетерпимым к иному мнению. Он просто любил своё Отечество, даже обличая недостатки, которые видел и желал их исправления. Но при этом одно из главных свойств автора и его поэзии – справедливость, уважение к читателю, независимо от его убеждений и места проживания. Удивился ли бы он, глядя на нынешние, совсем не братские взаимоотношения стран, бывших некогда одной общей державой? Вероятно, и да, и нет. Да, потому что каждому здравомыслящему, совестливому человеку больно смотреть на злые распри родственных людей или народов. Нет, потому что, имея дар пророка, он всё это предвидел.

... Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Пушкинский глагол всегда духоподъёмен и «сладостно вольнолюбив». Любовь к родному отечеству для него – не пустые, дежурные слова. Это основа жизненной позиции, выстраданной и неколебимой. Она прослеживается во всём его творчестве, увлекая, волнуя, подавая пример читателям и поэтам, всем, кто душой следует за ним, не предавая своих идеалов, убеждений, Родины и друзей.

... Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Впрочем, предательство известно в мире с древнейших времён. Удивительно актуально звучат пушкинские строки, обращённые к политикам западных стран. Такое впечатление, что написаны они совсем недавно:

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?..
... Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?..
... От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Сколько лет прошло... Но неизменно лишь удивление: «Почему не учит время политиков, президентов, генералов, простых людей, которые готовы так легко верить проходимцам, ломая жизнь себе и всем во имя мифических завоеваний». Не хватает Александра Сергеевича, который писал, будто предвидел. И ему можно верить.

... Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны...
... Зачем дрожащею рукою
Ещё он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!

Но ненависть без любви бесплодна. Она обречена на поражение. Пушкин утверждал это всем своим творчеством. Дефицит понимания этого разрушает общество, мораль и, в целом, жизнь. Тем не менее, поэт дарит надежду, что победа будет на стороне правды и любви. Как верно оценивал другой гений Фёдор Достоевский: «...Жил бы Пушкин доле, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе». Пушкин жив в нашей памяти, и его предсказания торжества справедливости звучат по-прежнему утешительно и вдохновляюще.

... Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Ещё напор – и враг бежит.

Бегут который век, который год не только враги отечества, отяжелённые грехами, гонимые судьбой, по воле рока все мы мчимся неведомо куда и зачем, пытаюсь догнать ускользящую тень мимолетного счастья.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Относительно молодой человек, каким был Пушкин в 1836 году, создал этот четырёхстрочный шедевр философской поэтической мысли.

И в нём, собственно, вся человеческая жизнь с её мучительными проблемами и попытками их преодоления, познанием себя и тернистого пути к божественному совершенству (возможно ли оно?), борьбой с собственными заблуждениями и предрассудками, ибо зачастую главный враг сидит в нас самих.

Друзья и враги, прошлое и будущее, любовь и ненависть, надежды и разочарования – всё это мир пушкинской поэзии, мир нашего бытия, в котором есть место для всего, в том числе и для безмятежного счастья (которое редко, но случается). И чаще всего это бывает в детстве. Вот уже более двух столетий детство немыслимо без сказок Пушкина, которые приходят к нам в первые годы жизни и остаются в ней навсегда. Его сказки – это как целебный источник для души и ума, который дарит заряд добрых чувств и светлых мыслей, воспитывая милосердие, сочувствие, сострадание. Справедливо и провидчески сказал о себе Александр Сергеевич:

... И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Он будет любезен нам не долго, а всегда, а его чудные сказки читаются, издаются, экранизируются и помнятся в любом возрасте. Его Лукоморье давно уже стало нашим. И, как сказано, дураки его сказок умнее сказок современных дураков.

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...

Сказочный мир Лукоморья, в котором отважный Руслан борется за свою любовь, хитрый поп повержен смекалистым работником, а старуха своей жадностью и гордыней выводит из себя не только старика, но и золотую рыбку, немыслим без сказочных картин природы. Описания её у

Пушкина волшебны не только в сказках, но и в лирических стихах, в «Евгении Онегине», поэмах, везде, где речь заходит о красоте и чарующем обаянии окружающего нас пространства, будь то лесные заросли или степные просторы, речная гладь или небесная высь. Причём, красота их не зависит от поры года или суток, погоды или настроения. Эти картины, и наяву, и особенно в стихах поэта, всегда остаются неизменно прекрасными.

... Унылая пора! Очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса –
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса...

.....
 Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
 На дровнях обновляет путь;
 Его лошадка, снег почуя,
 Плетётся рысью как-нибудь...

.....
 ... Под голубыми небесами
 Великолепными коврами,
 Блестя на солнце, снег лежит;
 Прозрачный лес один чернеет,
 И ель сквозь иней зеленеет,
 И речка подо льдом блестит...

В детском саду или школе каждый из нас учил, читал и декламировал какие-то из этих пушкинских строк или четверостиший. Да и потом вся жизнь не только в России, но и везде, где звучит русская речь, в какой-то мере проходит под знаком Пушкина. Его книги и собрания сочинений издавались миллионными тиражами. И продолжают издаваться. Его день рождения давно стал всенародным праздником и именно в этот день отмечается День русского языка. Кстати, очевидцы рассказывали, что в день его 150-летия салют в Москве был таким же потрясающе ярким и масштабным, как в День Победы. И это не удивляет. Ведь Пушкин любим всенародно и искренне, как одно из главных достояний русской и мировой культуры. Не зря даже строгий Белинский говорил о нём: *«Он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности»*. «Неистовому Виссариону», как называли знаменитого критика, можно верить. Но более всего нужно доверять гению поэта, его стихам и прозе, которые сопровождают нас по жизни уже более двух столетий. Сменяют друг друга поколения, *«летят за днями дни»*, но Александр Сергеевич Пушкин стоит на своём постаменте и будет стоять на нём вечно, ибо русская речь и культура окончания не имеют.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
 Летят за днями дни, и каждый час уносит
 Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
 Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля –
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

«Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объёмлющая священным холодом вдохновения читателя... Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти сочинения перечитываешь несколько раз...» Это оценка великого Гоголя, который, как все гении, тоже был пророком. Бездна пространства – в каждом пушкинском слове, мысли, чувстве, и это пространство подарено, завещано всем нам. Осваивать его – это значит читать и перечитывать Пушкина, наслаждаясь мудростью и красотой Слова, величием простоты и простотой величия. Это значит, помнить и любить то, что забывать нельзя – свои истоки, Родину, родную речь и культуру. В которой есть солнце, чьё имя – Пушкин.

Лицейский сад. Осенний дым. И сквозь него всё менее заметны последней реставрации следы, и в помутневшем зеркале воды мерещится мне Всадник Медный. Здесь всё знакомо по стихам – и эти воды, и аллеи, и ветер, вольный дух Борея, что гонит лист к моим ногам, а тучи – к дальним берегам, всё тот же... Память не стареет. Над непокорною главой гудят деревья вековые, и, продолжая волшебство, звучат, звучат стихи его, над Украиной и Россией, над целым миром... Вопреки нелепым козням и запретам. Стихи воздушны и легки, они близки и далеки, как слово. Как любовь Поэта... (авт.).

Иванна ДУНЕЦ

г. Колпашево, Томская обл.

Филолог. Поэт. Эссеист. Критик. Член литературных объединений «Отдушина», «Вдохновение». Лауреат ряда областных и международных литературных конкурсов. Руководитель литературной студии «Первая капель» при МБУ «Библиотека».

«Отряд СКЛОН» Александра Пономарёва

|приключенческие повести, 2021|

Предчувствия – это не моя тема. Если я здесь – значит, я нужен...

А. Пономарёв, кн. 1, «Сокровища Касимовского ханства»

Когда вы открываете новую книгу, нет момента слаще, чем предчувствие новой истории. А если в этой книге пять историй? Пять повестей, объединённых главным героем – полковником Чёрным, стали настоящим подарком моему внутреннему подростку, до сих пор любящему читать приключенческую литературу.

После прочтения романов Сергея Алексева, я пыталась читать произведения современных писателей, созидающих в этом жанре, но... эмоции, интерес и градус накала сюжета, оставляли желать лучшего.

И вот, когда ты перестаёшь ждать, а просто время от времени перечитываешь произведения одного из любимых писателей, к тебе приходит книга нового автора. Та самая, что разрушит мой внутренний миф о невозможности встать ни одному писателю на одну ступень с Алексеевым.

Из аннотации оргкомитета премии «Ясная поляна» к книге А. Пономарёва «Отряд СКЛОН – специалисты-кладоискатели особого назначения»:

«Книга написана в жанре военных приключений. Серия из пяти повестей, объединённых между собой персонажами, которые, оказываясь в калейдоскопе необычных и опасных событий, находят правильное решение и всегда добиваются успеха.»

Принято решение сформировать отряд СКЛОН. Специалистов-кладоискателей особого назначения возглавил полковник Геннадий Чёрный. Его подразделению поставлена задача – поиск и извлечение старинных кладов на территории нашей страны. Не всегда всё идёт гладко, но взаимовыручка и воинская смекалка придут на помощь военным. Не зря любимая поговорка полковника Чёрного – «Старый воин – мудрый воин».

И это не просто приключения команды, созданной с целью поиска сокровищ и кладов для пополнения государственной казны, это истории о вечных ценностях. Вы не читаете книгу, вы смотрите захватывающий многосерийный фильм о доблести, дружбе, предательстве, взаимовыручке и, конечно, любви.

Каждая следующая повесть погружает вас в предысторию предыдущей. И даже если вы прервались в своём чтении на какое-то время, автор деликатно протянет вам руку памяти и расскажет о ключевых событиях предшествующей истории.

Но если вы прочтёте их сразу, у вас сложится стойкое ощущение, – вы были рядом. Вы прожили с отрядом СКЛОН самые невероятные события, которые в нашей обычной жизни почти невозможны к воплощению. И, ставший к пятой повести уже легендарной личностью, Геннадий Юрьевич Чёрный станет для вас не просто командиром отряда, а близким другом, на мнение которого можно смело положиться, а на протянутую руку помощи – с благодарностью опереться.

«Командиром отряда милиции особого назначения тогда ещё подполковник Чёрный был назначен всего полтора года назад. До этого мотало его по городам и весям. Срочную служил в Афганистане, потом устроился в только что созданный Московский ОМОН, и покатило: Фергана, Абхазия, Осетия и две чеченские кампании...»

Именно капитаном и пришёл Геннадий Чёрный в Липецкий ОМОН. Переводом. В Липецке жила мать. К приезду сына она уже была очень больна и вскоре умерла. Семьи у Чёрного не было. Не успел. Он был женат на своей работе. Служба... Чёрный так и остался в отряде. Совсем недавно он заочно окончил Московский юридический институт и считался классным специалистом, да ещё и богатый опыт, приобретенный им в «горячих точках». Вскоре, после ухода в отставку командира отряда, эту должность предложили ему. И он не отказался...»

Не откажется полковник Чёрный и возглавить уникальный секретный отряд специалистов-кладоискателей особого назначения, не в его правилах отказываться от выполнения поставленной задачи, даже если эту задачу практически невозможно реализовать.

Геннадий Юрьевич отберёт двадцать бойцов из личного состава отряда милиции особого назначения, также в его распоряжение поступят радист, повар, альпинисты, спелеологи и... экстрасенс. Все действия, перемещения и события, связанные с выполнением особых задач отрядом СКЛОН, будут предельно засекречены.

И это только начало, друзья! Спойлеров я не терплю, поэтому о том, как военные кладоискатели эти самые клады искали, вы прочтёте сами. Интересно, захватывающе, интригующе! Словом, повести читаются «на одном дыхании». И да. Одиноким полковником будет не просто достойно и успешно руководить работой отряда, в это удивительное время он, наконец-то, встретит своего родного человека – прекрасную Варвару, его любовь, опору и поддержку.

«Полковник прошёлся по лагерю, достал из кожаного чехла бинокль и принялся разглядывать окрестности. Около курганов копошились «спецы», дымила походная кухня. Варя суетилась у столов, собирая посуду после завтрака. Вокруг шумели степные ковыли, светило солнце, пели птицы. Курорт, одним словом. Постов командир не заметил, даже в бинокль. Молодцы парни! Маскировка – первый сорт.

Он убрал бинокль обратно в чехол и направился к кухне. Его как магнитом все время тянуло в эту сторону. С чего бы? Он пока не знал, но уже догадывался.

Эта Варвара не давала ему покоя, чего с командиром раньше не случалось никогда. Поэтому он даже себе боялся в этом признаться.

Варвара расхаживала вдоль столов и пела на мотив «Сердце красавиц»:

– Чайничек с крышечкой, крышечка с шишечкой, шишечка с дырочкой, из дырочки пар валит...»

Писатель Александр Пономарёв, произведения которого и разрушили мой внутренний миф о невозможности встать ни одному писателю на одну ступень с Алексеевым, – наш современник.

Родился и живёт он в городе Липецке. Является выпускником филологического факультета Липецкого государственного педагогического института и Республиканского института МВД России (практическая психология). Александр Анатольевич и сам служил в органах внутренних дел РФ. В отставку ушёл в звании подполковника милиции. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Автор прозаических произведений. Драматург, пьесы которого широко идут в театрах России. Член Союза писателей России. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов. Прочсть его подробную биографию (библиографию) вы можете на литературной карте Липецкой области:

<http://map.lib48.ru/personalii/urozhentsy-lipetskogo-kraya/311-ponomarjov-aleksandr-anatolevich-1969>.

«Отряд СКЛОН» Александра Пономарёва насчитывает пять повестей:

1. Сокровища Касимовского ханства,
2. Тайны северных пирамид,
3. Казна Стеньки Разина,
4. Чудь белоглазая,
5. Калым от Ермака Тимофеевича.

В этом году планируется издание шестой повести из серии «Отряд СКЛОН – специалисты-кладоискатели особого назначения». Аннотации к новому произведению я пока не видела, но уверена, что сюжет следующей повести будет настолько же захватывающим, как и сюжеты предыдущих!

Хорошего чтения, друзья!

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг, свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки. Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

К 150-летию М. Пришвина

Михаи́л Миха́йлович При́швин (23 января (4 февраля) 1873 года, Хрущёво-Лёвшино, Соловьёвская волость, Елецкий уезд, Орловская губерния, Российская империя – 16 января 1954 года, Москва, СССР) – русский и советский писатель, прозаик и публицист, военный корреспондент. В своём творчестве исследовал важнейшие вопросы человеческого бытия, размышляя о смысле жизни, религии, взаимоотношениях мужчины и женщины, о связи человека с природой. Своё место в литературе Пришвин определил так: «Розанов – послесловие русской литературы, я – бесплатное приложение. И всё...».

Музыка много определяла в его жизни; в юности игравший на мандолине Пришвин почитал музыкальные ритмы той силой, что определяют и жизнь, бытование человека на земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли; потрясшего его вагнеровского «Тангейзера» писатель слушал бесчётное число раз...

Сплошная сила литого, золотого звука великого немца!

Пришвин, казалось, стремился также строить тексты свои – сплошным музыкальным потоком, добываясь комбинационного эффекта ясности и глубины.

Звук вёл мысль: и звук выстраивал пейзаж, который Пришвин, чувствуя необыкновенно, превращал в кадры солнца...

Он и фотографией увлекался страстно: и первую свою книгу «В краю непуганых птиц» проиллюстрировал собственными фотоработами.

... удивительный – прорастает в реальность «Женьшень»: таинственный корень, с которым связано так много легенд и такое количество удивительной правды.

Повесть Пришвина ткётся с той мерой искусности, когда мастерство незаметно, завораживает результат: кажется, ни у одного писателя не было в арсенале столько слов для описаний природы...

Её живая плазма переливается огнями музыки и поэзии: так, будто за каждым листком стоит неповторимость собственной судьбы, а всё вместе – объединяются они в богатство единого человеческого древа.

Волшебно проходят пятнистые олени...

«Кладовая солнца» укрупняет один день до величины поэтического произведения: без рифм, разумеется...

Финал войны, сироты, ведущие нехитрое хозяйство, сошедший снег, дети, собравшиеся за прошлогодней клюквой.

Параллельно – идёт история двух собак, оставшихся жить в лесу в силу ряда обстоятельств.

Будет трагедия: однако – с благополучным исходом, конечно, дети пересекутся с одной из собак, что останется жить у них; и расцветут волнующие, волшебные цветы музыки, и... ясности: торжественности природных чудес и волхования слова.

Пластика пришвинского стиля велика: он придаёт словам почти ощущаемый физический вес – словам, словосочетаниям, суммам фраз...

Пришвин писал о животных так, будто ощущал характеры их, видя в каждом индивидуальность.

Он украсил историю русского художественного слова настолько немеркнущими произведениями, что свет, идущий от них, только разгорается с годами...

Он чувствовал рост трав, их мистическое – и такое земное – движение к солнцу; он ощущал каждый листок: видя целостность великолепной массы, и зная, насколько состоит она из отдельных элементов; он входил в храм природы благоговейно: как писатель, прежде всего, но и – как фотограф...

В шуме леса отражалась вагнеровская мощь: а Пришвин чрезвычайно был увлечён музыкой великого немца.

... ярко и буен был отец Пришвина: он разводил орловских рысаков и выигрывал на бегах, увлекался цветоводством, создавая удивительные орнаменты из естественных даров природы, был страстным охотником, изрядным садоводом; однако, проигравшись в карты, продал конный завод и заложил имение, и умер, разбитый параличом...

Мать Пришвина происходила из старообрядческой семьи: и градус каления, когда речь шла о достижении цели, вероятно шёл от этого корня.

Ей удалось выправить положение дел и дать детям достойное образование.

Разными путями шёл Михаил Пришвин, учась, постигая жизнь, её корневые основы; разные пути постепенно сходятся к пантеону творчества, войдя в который, обретается понимание цели и смысла бытия.

Творчество! Сколь сильно наэлектризовано благородным светом сие понятие...

В 1907 году Пришвин становится корреспондентом газеты «Русские ведомости».

Он много путешествует, этнография и фольклор влекут его своими сияющими лентами; он сотрудничает с разными газетами, много публикуется, постепенно становясь известным в литературных кругах; знакомится с М. Горьким и Дм. Мережковским, А. Ремизовым и А. Н. Толстым.

Автобиографическая повесть «Мирская чаша», поначалу отвергнутая редакторами, рассказывает о странствиях и захватывающих увлечениях писателя; она полна разнородным содержанием, которое, алхимически работая, и составляло огромную личность великолепного Пришвина.

Охота и краеведение, становясь сильными страстями писателя, определяют появление серий очерков и рассказов для детей.

Последние легки: их кристальная ясность играет природными красками в той же мере, в какой Пришвин открывает для себя тайны природы.

Лес – как таинство. Лес – как своеобразная природная церковь, что особенно ощущается осенью, когда многообразие цвета завораживает, как богослужение.

Отношение его к событиям 17-го года было противоречивым: от неприятия – в силу избыточного насилия, до примирения, которое не сулило, однако, гладкой жизни.

Дальний Восток, пристрастно исследованный во время соответствующего путешествия, становится объектом описания: появляется книга «Дорогие звери», из которой вырастает повесть «Женьшень».

Лица зверей!

Пришвин бесконечно вглядывается в них, изучая столь мало знакомый человеку космос; и белка, и лиса достойны внимания ничуть не в меньшей степени, чем персонажи-люди.

Север манит: в своеобразии его природы, не говоря о своеобразии небес, заложено столько величественного.

Особняком стоят монументальные дневники Пришвина: достоверность наблюдений, ёмкость образов, колорит – тут законченное художественное произведение, наполненное яркой работой мысли и последовательным исследованием лет, выпавших на долю писателя.

И снова цветут фотографии: увлечение, сопровождавшее Пришвина, до конца, до финальных дней его бытования на земле.

С записными книжками Пришвин не расстаётся никогда.

Они растут, напластования впечатлений обрабатываются, и крепнут дневники, чья многотомная летопись тянет на эпопею.

Сколько узно писателем о жизни природы, о плазме её волнующей, о волшебстве тончайших изменений, происходящих постоянно.

Афоризмы мелькают...

Вместе дневники словно нанизаны на глобальную мысль: о творчестве, как единственной созидательной ценности.

... он фотографировал людей, он сделал цикл фотографий об уничтожении колоколов Троице-Сергиевской лавры.

Он был неустанен в творчестве: словно магический порошок его и определял жизнь, чья внешняя сторона была всего лишь гарантией бесконечного продолжения трудов: трудов, раскрывавшихся столь различно и ярко, весомо и трепетно, нежно и величественно.

Наблюдатель: и, применительно к Пришвину, это определение стоило бы написать с большой буквы. Наблюдатель пристрастный и пристальный, неуспокоенный, равнодушный и кропотливый, вглядывающийся в мельчайшие природно-погодные изменения так, чтобы крупно проявились они в слове – тоже крупном, словно раковина святящимся изнутри, и в лучевой силе оного раскрывается сама метафизика природы...

О! она, будто используя Гераклитовы изменения, и скрывает многое, и разворачивает бесконечными панорамами пред человеком: перед Пришвиным, всматривающимся в обычные дива так, что проступает потаённая суть.

Перед нами – «Времена года»: произведение, в недрах которого Пришвин записывает все природные изменения в течение года; и оттенки, словно собираемые им в короба страниц, играют яркой насыщенностью: звука, цвета, нежности...

Необыкновенно передаются природные ароматы: будто на медовых крыльях счастья вливаются они, пропущенные сквозь фильтры страниц, в читательское сознание.

Чудесная «прекрасность» природы передана через меру приятия всего, что преподносит она человеку; произвольно всплывает знаменитое рязановское: «У природы нет плохой погоды...».

Осень хмурится. Осень собирает фиолетовые туши туч, гонит их на нас...

Осень союзна с увяданием, со смертью, и – тем не менее... именно она дарит византийскую какую-то избыточность красок: низвергается зыбкое золото листы, дрожа и переливаясь нюансами цвета; и каждый лист – будто фантастическая карта несуществующей страны...

Как в детстве собирались гербарии!

Пришвин предлагает словесный вариант оного: необыкновенно живой и красочный...

Багровый и зеленоватый, рдяный и снова золотой, меченый точками и пятнами ржавчины, рыжины; краски буйствуют, словесная живопись бесконечна; и нежность, овевающая страницы, словно свидетельствует о бесконечности жизни, эти краски и породившей.

Счастье тоже имеет свои оттенки – волнами накатывает они, и волокна отзвуков в душе переливаются волнообразно.

Пришвин призывает постичь изначальный природный язык, и, сконцентрировавшись на нём, изменить отношение к миру: убрать хмурые краски, бессмыслицу тоски.

Природный мир всегда откроет нечто необычное: и всякий силуэт падающего листка будет просвечен световым ракурсом...

Очень русская проза Пришвина неожиданно переключается с мистически-тонким восточным взглядом на мир – с бесконечным вглядыванием в каждую деталь: ведь недаром листок, свернувшийся на подоконнике, напоминает улитку.

Всё связано со всем: и какая бездна живой философии таится в оном ощущение!

Видеть, как времена года сменяют друг друга – настоящее счастье: и писатель учит ему: проникновенно-простому и такому полнозвучному...

... трагический «Соловей» Пришвина...

Рассказы о ленинградских детях, о судьбах, напитанных трагизмом изначальным, о наждачной правдебытия, которую... можно исправить, однако: ибо в огромном пространстве Советской страны не должно было быть бездомных детей...

Пространная нежность Пришвина, словно вписывающая людскую реальность в реальность природы, совершенна по-особенному: Пришвин пишет о детях, как о... побегах деревьях, превосходящих последние таинственностью...

Вот детдом: тянет ли он на большую семью?

И да, и нет: кому-то посчастливилось обрести новых родителей, кто-то вырастет в нём; но тайны судеб будут пространно и вместе компактно, с экономией литературных средств рассмотрены Пришвиным: чтобы ничего не было упущено.

И дети, вынутые им из истории реальности, словно вписываются в пространство истории литературы навсегда...

... и снова ударят снопы света из пространства «Кладовой солнца», вновь заиграют оттенки понимания деревенской жизни: огромного материка, ныне ушедшего под метафизические воды...

После книг Пришвина теплеет на душе, наполняется она тайными пульсациями, чью правду сложно отрицать.

... «Кашеева цепь» раскроется как своеобразный роман-матрёшка, словно уместя в себе несколько романов: психологический, роман-воспитание, повествование о русской революции; и всё переплетено суммами философских мыслей, изящно и тонко.

Чудесен главный герой – фантазёр и романтик: и думающий самостоятельно (что есть ум – как не способность мыслить вне стереотипов?), и действующий активно...

В детстве организовал путешествие в Азию: неизведенное манит: а Азия щедра на подобное; и поплыли мальчишки на лодке, поплыли, переполненные мечтаниями и азартом, и уплыли довольно далеко – прежде, чем не вернули их...

«Поплыли в Азию, попали в гимназию».

Жизнь главного персонажа развернётся бурно: жажда социальной справедливости толкнёт его в революцию: и год проведёт в тюрьме за переводы с немецкого марксистской литературы; и, демонстрируя волю к жизни и силу стойкости, придумает себе... путешествие.

Внутреннее путешествие на Северный полюс: с предполагаемыми тяготами и красоты, с волнообразными накатами световой энергии, подчиняясь которой, не позволит ситуации во внешней жизни раздавить его.

«Кашеева цепь» пронизана романтической приподнятостью: но и конкретная романтическая линия обретает живую плоть: к политическим приходили на свидание девушки-невесты, и вот такая – под вуалью – посетила Алпатова...

Он отправляется на поиски: Германия раскрывается, мир растёт, девушка уехала, а герою необходимо... напасть на след...

Стиль Пришвина характерен: он вкусный, в меру обстоятельный, он густой, как мёд.

«Весь огромный музей предстал Алпатову как воспоминание сказки, и чудом казалось, что ту же самую сказку переживали все художники с далёких времён. И он шёл из одной залы в другую очарованный и как бы пьяный от постоянных рассказов в красках и линиях одной и той же своей собственной сказки».

Сказка! Ключевое слово! Слово и в самом Пришвине было нечто от... очарованного странника, проходящего жизнью с одной жаждой – изведать как можно больше.

Полное поэзией произведение врачует от депрессии – тонкой своею нежностью, необыкновенным плетением драгоценных словес.

... запястье, приложенное к уху, позволяет расслышать пышный прибой листьев.

А выше – за листвою клёна, будут шуметь необычайно звёзды, живущие своей жизнью, вероятно – более насыщенной, нежели наша, земная...

И монументально возвышаются дневники писателя: всю жизнь вёл, фиксировал всё, что происходило: в душе, и во внешнем мире; густо и плотно заполнял страницы мёдом текста, в котором переплетались тугими волокнами история и проза, детское удивление миром и размышления, наполненные умудрённостью.

Пришвин творил свой литературный эпос, и, обращённый в современность, какую бы она ни была, сияет он великолепием словесного многообразия и мудрыми мыслями метафизического злата.

Наталья ЯЧЕИСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Рассказы за чашкой чая», «Пути земные и небесные» и др.. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«В сердце моём всходит богатое солнце...»*(к 150-летию со дня рождения Михаила Пришвина)*

В своём литературном творчестве Михаил Пришвин уделял первостепенное внимание природе, жизни птиц и зверей, взаимодействию человека с окружающим миром. Автор циклов рассказов «Лисичкин хлеб», «Разговор птиц и зверей» продолжал традицию русской классической литературы, заложенную Сергеем Аксаковым, Иваном Тургеневым и другими русскими писателями. Язык его рассказов – живой и яркий, сюжеты – при кажущейся простоте – интересны и познавательны. Глубокий знаток природы, обладавший поистине энциклопедическими знаниями, заядлый охотник, он умел детально, увлекательно, с любовью поведать читателям о жизни самых разных животных и птицах. «Но всех дурашливее я считаю куропатку... Куропатка от ястреба только голову спрячет в снег, а хвост весь на виду. Ястреб берёт её за хвост и тащит, как повар на сковородке» (рассказ «Птицы под снегом»). «Однажды наверху Туманной горы барс скрылся от меня под камнем. Я сделал далёкий обход по хребту, узнал замеченный камень, очень осторожно подкрался, но страшного барса под этим камнем уже не было» (рассказ «Барс»).

С 1905 г. и до конца своей жизни (то есть почти полвека) Пришвин вёл Дневник. Свои записи он делал тайно, и о существовании Дневника никто не подозревал. В своих дневниковых записях писатель никогда не лукавил, не приспособлялся, не боялся – он всегда прямо и чётко свидетельствовал свою гражданскую позицию. Но Дневник Пришвина – это не просто отражение внутреннего мира автора, это портрет эпохи, почти фотографическое изображение происходящего вокруг. То, что Дневник полностью дошёл до нас сквозь многие десятилетия революций, войн и пожаров, сквозь время доносов, лагерей и всеобщего страха – настоящее чудо! Воистину «рукописи не горят» – если им предначертано донести до потомков нечто важное, если в них сокрыт культурный код народа и дышит живая история.

Дневниковые записи 1917-1918 гг. имеют особое значение в силу понятных причин. Писатель, которому в ту пору исполнилось сорок четыре года, стал очевидцем тотальной ломки старого привычного строя и зарождения нового, доселе не виданного. Пришвин сразу узрел разрушительную силу перемен. Это стало возможным благодаря его укоренённости на земле, любви к сельскому труду, к природе – всему тому, что было свойственно семье, в которой он рос и воспитывался. «Нужно как-то вовсе оторваться от земли, от любви к цветам и деревьям, к труду земледельца, чтобы благословлять это сегодняшнее разрушение», – писал он.

В первые годы после революции миллионы достойных, мыслящих людей были вынуждены покинуть Россию, спасаясь от большевистской секиры. Но для Пришвина такой путь был неприемлем: он горячо любил русскую землю, природу, свою усадьбу, ставшую для него малой родиной. Для него разлука с Россией была равносильна смерти, он понимал, что как личность и как писатель он сможет существовать только здесь. Но и певцом революции он быть не мог. И вот в этих условиях Пришвин находит удивительное, потрясающее по своей простоте и спасательной силе решение – он будет радоваться тому Божественному, что сохранилось: окружающей природе, солнцу, птицам, своей свободе, да и просто возможности жить и писать! Разве этого мало для подлинной радости? Ведь это – бесценное сокровище! Жизнелюбие станет его спасательным кругом. «Вы создали контроль Советов и Съезда Советов над нашей пищей. Но поверьте, что над духом моим не вам, пролетарии, создать контроль».

Пришвин искренне проникается такой теорией, она становится стержнем его личности и бытия. Не только самому радоваться жизни, но и нести эту радость как можно большему числу людей – вот к чему стремился писатель. И надеялся, что капля за каплей любовь подточит камень ненависти, и среди людей воцарятся мир и добрая воля. «Мы слова найдём такие, чтобы винтовки падали из рук, это очень опасные слова, нас могут за них замучить, но слова эти победят».

В мае 1917 г. Пришвин перевёз из столицы в Хрущёво (Орловская область) свою семью, дабы переждать беспокойное революционное время. Здесь у него было добротное хозяйство – дом и 32 десятины земли, полученные в наследство от матери – под садом, огородом, вырубленным лесом. Хрущёво встретило его не слишком любезно. Работать никто не хотел, да толком и не умел. Повсеместно росла ненависть к помещикам, желание всё отобрать и поделить. Положение Пришвина и его семьи становилось всё более неустойчивым. Его раздирали противоречивые чувства: уехать? остаться? «19 мая. Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревьями, рощей и травами, где нет мужиков». «20 мая. Днями и ночами обдумываю в семье положение: дороги все эти деревья, с которыми вырос, все эти яблонки и липки, похожие на тёток и бабушек, и разные мечты о земле, пережитые тут при чтении с детства Толстого, Успенского, Лескова, Тургенева, и труд, вложенный в постройки...».

Но ситуация в стране всё более обостряется, идёт непрерывное противоборство сторон за власть. В ноябре к власти приходят большевики. Экономическая жизнь в стране парализована,

газеты не выходят. Разобраться в том, что происходит, крайне сложно. Пришвин приезжает в Петроград, чтобы быть в гуще событий и самому, в силу своего разума и интуиции, сделать соответствующие выводы. Об Октябрьской революции Пришвин записал следующее: «Большевистское нашествие, в сущности, есть нашествие солдат с требованием мира... Вот совершилась теперь мировая катастрофа и наступила диктатура пролетариата» (7 ноября 1917г.).

Несмотря на внутренние колебания (семья осталась в Хрущёво, и известий от неё нет) и опасность обстановки в городе, Пришвин остаётся в Петрограде. «Не уехал в деревню – тут остался, в аду» (21 декабря 1917г.). Но и в этих тяжёлых условиях Пришвин обеими руками держится за своё кредо жизнелюбия. Когда он приходит в канун Нового (1918-го) года к Ремизову и спрашивает, есть ли новости, его прислуга отвечает: «Россия погибает». На что Пришвин говорит: «Неправда. Пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет».

Новый 1918 год Пришвин встретил с Ремизовыми в Петрограде, среди революционной стихии и жуткой стужи. В стране царил голод и разруха. В новых условиях менялись и сами люди. Кто-то из бывших знакомых уехал за границу, кто-то исчез, кто-то изменился до неузнаваемости. Войны и революции не проходят бесследно для человеческих душ, калеча и травмируя их. «И народ этот короткий война научила шагать через людей, как шагал он там через трупы людей, поверженных своими пулями, так шагает теперь через родных и святых».

В апреле 1918 г. Пришвину удаётся выехать в Хрущёво. В деревне его ждала безотрадная картина. Казалось бы, глубокое отчаяние должно охватить человека при виде крушения своего корабля – родового поместья, привычного хозяйства, сада, быта. Да, Пришвин не избежал этой печали; он запишет: «дня три я очень горевал». Но потом вступает в силу закон жизнелюбия, он стряхивает с себя отчаяние и выходит навстречу радостному созерцанию и созиданию. «Проснувшись ночью, я стал думать: «Неужели же солнце, и звёзды, и весеннюю траву-цветы любил я только потому, что солнце и звёзды светили мне на моей собственной земле и травы-цветы росли в моём собственном саду?» Утром я почувствовал, что в сердце моём всходит богатое солнце, открыл ставню, и солнце моё встречается с солнцем небесным: так мне стало радостно, так весело. Я напился чаю, взял железную лопату и стал в чужом саду раскапывать яблонки».

Надо жить сегодняшним днём, радоваться ему – несмотря ни на что! Это – единственно верный подход, но он требует большого мужества.

«16 мая. Завтра погибнет мой сад под ударами мужицких топоров, но сегодня он прекрасен, и я люблю его, и он мой. Прощаюсь с садом и ухожу, я найду где-нибудь сад ещё более прекрасный: мой сад не умрёт». Гибель любимого с детства хрущёвского сада становится для Пришвина символом утраченной родины. Но родина остаётся в душе. И возможность чувствовать себя творческим человеком даёт силы жить. «4 июня. Завет художнику. Помни, что раз ты художник, жизнь тебе хороша, нехорошо стало – вырвись, освободись!». «20 июня. Личная задача: освободиться от злости на сегодняшний день и сохранить силу внутреннего сопротивления и воздействия».

Условия жизни в деревне становятся всё более тягостными, нет элементарных удобств и самого необходимого. Но писатель не теряет силы духа и надежды. Он по-прежнему способен видеть красоту окружающей природы, он верит в победную силу добра. И ему помогает молитва. «24 сентября. Я молюсь: силу мысли и чувства даждь мне, Господи, на каждый день, на каждый миг!».

Как писатель ни осознавал грозящие ему бедствия, он всё же до последнего надеялся сохранить островок былой безмятежности – свой дом в деревне. Но и с этой мечтой приходится расстаться. Ему предстоит покинуть горячо любимые места, в которых прошли его детство и юность, с которыми связаны лучшие воспоминания его жизни. «6 октября. Вчера в мое отсутствие пришла «выдворительная» (документ о выселении). «8 октября. Меня провожал Василий и голос зайца, а я сам, как заяц, нет-нет и присяду, и оглянусь на Хрущево: быть может, последний раз вижу...».

Пришвин переезжает в Елец. Здесь – свои трудности. Повсеместно царит голод и холод, грабительские обыски, насилие, но всему этому надо противостоять – силой духа, любовью, светом. «28 октября. Прошло всего 18 дней с того дня, как я с узелком в руке оставил Хрущево, а кажется, год прошёл. И у всех так время проходит, наполненное бессмысленной галиматьёй продовольственных забот... Я должен противопоставить силу насилию. Как и чем победить царящее зло? Разящей силой любви можно только его победить – где взять эту силу?».

Москва. «22 ноября. За полтора месяца со дня разорения... не написал ни одной строчки первый раз в литературной своей жизни. Не прочёл ни одной книги. Оставить так – гнус, нельзя так оставить, а чтобы всё распутать – свет нужен. Дай, Господи, увидеть свет!».

В декабре 1918 г. писатель, как бы подводя итог уходящему году, пишет: «Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы остаться свободным, а свободу я понимаю как возможность быть в себе... Жить в себе и радоваться жизни, вынося все лишения, мало кто хочет, для этого нужно скинуть с себя лишнее, перестрадать и наконец освободиться. Задача моя состоит в том, чтобы возбудить других к тому же».

В 1922 г. Пришвин пытается легализовать свою литературную деятельность. Он посылает свою автобиографическую повесть «Мирская чаша» в журнал «Красная новь», но получает отказ по политическим мотивам. Тогда он отправляет рукопись напрямую Троцкому! И получает от него ответ: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна». Удивительно, что писатель не подвергся в результате такого ответа

гонениям и преследованиям! После этого Пришвин начинает писать детские рассказы, очерки о природе и охоте, этнографические очерки – то, что может быть опубликовано в советских издательствах. Именно по этим произведениям мы и знали Пришвина с детства. Вся эта проза проникнута жизнелюбием, гармонией с Божественным миром.

Михаил Пришвин являет для нас пример необычайной стойкости, гражданского мужества, творческой энергии, веры и жизнелюбия. Писатель прожил долгую жизнь; он умер в Москве 16 января 1954 года в возрасте 81 года. На последнем этапе жизни писатель был вознагражден за верность своему жизненному кредо. В 1940 году, в возрасте 67 лет, он встретил Валерию Дмитриевну Лиорко (Лебедеву), с которой вступил в брак и прожил в счастливом супружестве последние тринадцать лет. Им удалось приобрести небольшой участок земли в деревне Дунино и построить там дом-дачу (ныне музей Пришвина), из окон которой открывались прекрасные виды на окрестные просторы. Всё здесь напоминало писателю его любимую усадьбу в Хрущёво, здесь он опять обрёл своё счастье.

«День нашей встречи с Лялей, за нами осталось 13 лет нашего счастья. И теперь вся моя рассеянная жизнь собралась и заключилась в пределах этих лет. Всякое событие, всякое сильное впечатление теперь определяется как бегущие сюда потоки. ... Любовь есть вечное мгновение...».

Михаил ПРИШВИН. Рассказы-миниатюры о природе.....

Красные шишки

Росы холодные и свежий ветер днём умеряют летний жар. И только потому ещё можно ходить в лесу, а то бы теперь видимо-невидимо было слепней днём, а по утрам и по вечерам комаров. По-настоящему теперь бы время мчаться обезумевшим от слепней лошадям в поле прямо с повозками.

В свежее солнечное утро иду я в лес полями. Рабочие люди спокойно отдыхают, окутываясь паром своего дыхания. Лесная лужайка вся насыщена росой холодной, насекомые спят, многие цветы ещё не раскрывали венчиков. Шевелятся только листья осины, с гладкой верхней стороны листья уже обсохли, на нижней бархатная роса держится мелким бисером.

– Здравствуйте, знакомые ёлочки, как поживаете, что нового?

И они отвечают, что всё благополучно, что за это время молодые красные шишки дошли до половины настоящей величины. Это правда, это можно проверить: старые пустые рядом с молодыми висят на деревьях.

Из еловых пропастей я поднимаюсь к солнечной опушке, по пути в глуши встречается ландыш, он ещё сохранил всю свою форму, но слегка пожелтел и больше не пахнет.

Пень-муравейник

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками, и сохранившие прочную свою форму. Если, однако, придётся сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой выползет множество муравьёв, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранившим обличие пня.

Тёмный лес

Тёмный лес хорош в яркий солнечный день, – тут и прохлада, и чудеса световые райской птицей кажется дрозд или сойка, когда они, пролетая, пересекут солнечный луч, листья простейшей рябины в подлеске вспыхивают зелёным светом, как в сказках Шехерезады.

Чем ниже спускаешься чащей к речке, тем гуще заросли, тем больше прохлада, пока, наконец, в черноте теневой, между завитыми хмелем ольхами, не блеснёт вода бочага и не покажется на берегу его влажный песок. Надо тихо идти: можно увидеть, как горлинка тут пьёт воду. После на песке можно любоваться отпечатками её лапок и рядом – всевозможных лесных жителей: вот и лисица прошла.

Оттого лес называется тёмным, что солнце смотрит в него, как в оконце, и не всё видит. Так вот нельзя ему увидеть барсучьи норы и возле них хорошо утрамбованную песчаную площадку, где катаются молодые барсуки. Нор тут нарыто множество, и, по-видимому, все из-за лисы, которая поселяется в барсучьих норах и вонью своей, неопрятностью выживает барсука. Но место замечательное, переменить не хочется: песчаный холм, со всех сторон овраги, и всё такой чащей заросло, что солнце смотрит и ничего увидеть не может в своё небольшое окошко.

Рожь наливают

Рожь наливают. Жара. По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи – как перина: это вышло оттого, что воде между полосками было хорошо стекать. Так на перинке со скатами рожь выходит лучше. В лучах заходящего солнца теперь каждая полоска-перина так пышна, так привлекательна, что самому на каждую хочется лечь и поспать.

Поэты конца советской эпохи.....**Боровиков Пётр Владимирович** (14 декабря 1968 – 28 августа 2007)

Печатался в «Вечернем Нью-Йорке», в журнале «Вестник» (Вашингтон).
В 2001 г. вышел первый сборник стихотворений «Колебание голоса».

/Книгу стихов смолянина Петра Боровикова мне довелось прочитать холодной дождливой осенью в Нью-Йоркском госпитале. Глядя в забрызганное окно на цементно-серую воду Ист-Ривер, неторопливо – ватно-скользящие над городом облака, я раздумывал о печально-неотвратимом факте современной культуры – постепенном исчезновении эпистолярного жанра не как разряда литературы, а непременно обстоятельстве нашей жизни. Говорят, что интернет заменил письма, как естественный прогресс сделал гусиные перья музейным воспоминанием.

Книга П. Боровикова тоже вряд ли писалась гусиным пером или набиралась из типографских касс свинцовыми литерами. Ничего подобного мне и в голову не приходило. Автор назвал её «Flatus vocis» – «Колебания голоса» (лат.). И у меня было ощущение, что я получил эту книжку, как письмо, которое приходит осенью с дробными дождями, серым пролётом туч, грустью и желанием услышать колебание знакомого голоса.

Книжка Петра Боровикова – интимная, и от этого значительная, серьёзная, требующая от получателя книги-письма внимания и работы души и памяти. Пётр Боровиков – поэт самостоятельный, сложившийся и в то же время непрерывно ищущий – слова, формы, точной метафоры, смысла, той интонации, которая делает его стихи похожими на личные письма. И дарят радость, ощущение маленького счастья на фоне неизбежного изначального трагизма жизни...

Георгий Вайнер (19 октября 2005 года, Нью-Йорк)/

Бездны Петра Боровикова

Элегический покой тонким, рыжеватым осенним раствором прольётся в пространство, и нити, протянутые в души от стихов П. Боровикова, завибрируют ответной грустью:

Прячется солнце в рыжие чащи,
не настоящим кажется день.
Мысли о смерти осенью чаще
с листьями тащут мокрую тень.

Хотя – интонация стоически-спокойна: возможно, мысли о смерти страшнее её самой, так естественно венчающей жизнь – если никто не предложил других вариантов?

Пётр Боровиков прожил 38 лет – высказавшись плотно и полно, а кем услышан... становится не очень важно в нашенские времена, поэзию низведшие на уровень филателии или разведения кактусов...

Хочешь не хочешь – поверишь в высшие инстанции: ведь кто-то же дал дар писать стихи?

Возможно, и запределье открывает вариации посмертного творчества, не представимого нам, здесь, в низине, в недрах вечного вращения юлы юдоли.

«Flatus vocis» называлась единственная книга Боровикова: «Колебание голоса» – и голос его действительно порою рвался рваными ритмами, и стихи возникали зигзагообразно, вспыхивая напряжением иных словесных полос, давая умиротворение в других фрагментах общей речи...

Колебания...

Вибрации...

Не ими ли был сотворён мир: во всём многообразии форм и дарований, в индивидуальных, таких сложных проявлениях человеческой личности?

Теперь вот я
строчу тебе, не поднимая взора,
с озиркою полуночного вора,
на кончике чернильном остря
твоей строки.
Но – это честный страх, изнеженная, с позволения, робость,
боязнь пораниться, упасть, скатиться в полость
растянутого рта реки,
в которой ты,
стоя по щиколотку, слушаешь ли, внемлешь
её гортанному величию и с тем лишь
ты сводишь веки, как над ней мосты.

Странно сочетались – размашистая щедрость выплёскиваемых в мир созвучий, с истовым напряжением бытия, которое фокусировалось порой на самом кончике пера, на острие, способном прокалывать сердце – чтобы добывать из него духовную кровь.

Но – чтобы обрести оное колебание голоса необходимо всё время вслушиваться в шумы пространства, в его завораживающую тишину, в амбивалентность простора, бесконечного над головой: бесконечного же и в недрах сознания: всё время вслушиваться – и тогда можно постигнуть ангельские звучания:

В сумрак коричневый, дальше и выше,
пагодной нишей, в елей собор
разноголосьем льётся на крыши
в заросли вишен ангелов хор.

Ада и рая поровну было намешано в поэзии Боровикова: за взрывными строками следовали умиротворённые, и подобный баланс, живописуя душевный пейзаж поэта, позволял судить и о мере его одарённости: достаточно высокой, чтобы, будучи сейсмографом бытия, улавливать тончайшие нюансы оного.

Стихи поэта пестры: в них есть нечто от восточных ковров, орнамент которых словно зашифровывает жизнь: сложную, даже ежели кажется простой:

Я упорно искал тебя, но не нашёл,
там, где в бархатном сумраке взвившийся шёлк,
у бедра танцовщицы,
обжигал кровожадные лица
на пестревших коврах
мусульман.
Ветер с моря елозил в песках,
проверяя свой азимут в белых дырявых носках,
продавцов целлулоидных рыбок.
В ливне прятался рынок,
и фонтаном сухим серебрился
кальян.

Переливаются, соплетаясь волокнами, цвета гранатные, медовые, густые; называемые существительные даны мощно и округло: ажик целлулоидных рыбок этих можно взять в руку, ощутить.

... его одиночество кажется фундаментальным и счастливым: и, завернувшись в него, как в метафизический плед, можно расслышать «Наставления святого духа»:

Честно. Не думай, что будет завтра.
Чавкай, смотри в окно, доедай свой завтрак,
восторгаясь от снежного переполоха.
Одиночество – это не так уж плохо.
После чая попробуй – заговори со снегом
так же свободно, как говоришь ты с небом.

В этом возможном отсутствии завтра – сквозь предчувствие ранней смерти – мерцает и истина правильного бытия: жить нужно конкретикой сиюминутности: а коли уж отнесёт стихи в гипотетическую, непонятную вечность, так это снова связано с волей духа, не дающегося нам в конкретике.

Впрочем, и одиночество одиночества порою весома, поэтому:

Милый друг мой, мне сегодня одиноко.
Ни вина нет к ужину, ни чая.
Отражаясь в зеркалах квадратных окон,
с фонарями близорукими скучаю.

Пётр Боровиков творил красивые стихи: плотные и вещные, нежно-воздушные и огненно-пламенные.

Как жаль, что для того, чтобы быть услышанным поэту в наши дни необходимы всякие раскрутки и финансовые вливания: и невозможен естественный процесс взаимодействия читателя с творцом созвучий...

Александр БАЛТИН, редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни»

Пётр БОРОВИКОВ. Стихи.....**Агасфер**

Полдня жёлтый дым на парапете
в листьях олеандровых зажат.
На мужском, загадочном портрете
пятна света влажные дрожат.
Южный ветер с моря треплет в спальне
паруса гранатовых портьер.
Не встречал на свете я печальной
образа, чем старый Агасфер.

Снег кудрей на бархатном камзоле,
низкий лоб с прожилкою креста.
В полнолуние глаз тоскою колет
вечности безликой пустота.
Терпкий хмель в серебряном потире.
Рябь морских, волнующих зеркал.
Ты давно в потустороннем мире
свой пейзаж безмолвный отыскал:

там покрыты храмов пропилеи
изумрудом пальмовых платков,
и скрепят на водах Галилеи
лодки черноглазых рыбаков,
там закат под вечер стружкой крови
льётся в остывающий песок,
спит пастух в тени ливанской хвои,
и чернеет матовый восток,

облака плывут неторопливо,
осыпая золотом дома.
Разве жизнь в янтарных переливах
Для тебя зловечная тюрьма?
Что ж ты скажешь, пленник мироздания,
на укор бессмертия в судьбе?
Люди глут, что вечно жить – страданье.
Многие завидуют тебе.

Жизнь, рожденье, хлопоты, венчанье,
старость и далёкий свет звезды.
Кто из нас не вздрагивал случайно,
встретив похоронные следы.
Не смотри так холодно и строго,
злых столетий грешный властелин.
В Рим ведут нас многие дороги,
Лишь одна ведёт в Иерусалим.

Бормотанье старцев, детский лепет.
Горький вкус жасмина валит с ног.
Я вдыхаю иудейский трепет
от развалин жёлтых синагог.
Исчезают звуки, тени, всплески.
Плавится горячий парапет.
Я один, и только в странном блеске
предо мной мистический портрет.

Видя жизнь короткую, большую,
всё равно любой из нас слепец.
Люди верят часто лишь в чужую
смерть, не веря в собственный конец.
Жаркий полдень. Сонная погода.
Ровное дыхание портьер.

Всех нас забирают сны и годы.
Ты один остался, АГАСФЕР.

Flatus vocis

Прячется солнце в рыжие чащи,
не настоящим кажется день.
Мысли о смерти осенью чаще
с листьями тащут мокрую тень.
В сумрак коричневый, дальше и выше,
пагодной нишей, в елей собор
разноголосьем льётся на крыши
в заросли вишен ангелов хор.
Розовый штрифель в воздухе тощем
ветер полощет, на волосок
жизнь задержалась, может быть, проще
в вымокшей роще пулю в висок.
Добрая нимфа в белом наряде.
Свадьбы в Элладе. Милый Эрос!
Разве, погибнуть не сладко ли ради
локона, пряди светлых волос?
Разве, страдание – признак бессилья? –
в сломанных крыльях нет красоты.
Разве любовь в нас слабее насилья? –
грустно спросил я у пустоты.
Ржавые листья, серая морось.
Времени скорость. Отблеск зари.
Только норд-вестью, щемящею в голость
местности голос плачет внутри.
Что ж, расставаться надо без злости,
там на погосте вправо ветра
шапки срывать, раздавая по горсти.
Если мы гости, значит, пора,
в ночь уходить, наглотавшись лекарства
годы-коварство. Где ты, обрыв? –
крикнем без боли, шагнувши в пространство
вечного царства, дверь приоткрыв
прикосновение губ или клавиш.
Что ты прославишь в красных гробах?
Осень на золото не переплавишь,
но выбираешь: свет или прах.

Сонет

Когда-нибудь, когда меня не станет,
осенний ветерок в промокшем сквере
берёзами с тобой перелистает
все наши дни, звеневшие, по мере
того, как там, на тёмном небосклоне
срывались звёзды, падая под ноги,
и ночью светлячки в твои ладони
слетались словно крохотные боги.

Пока июль полощет ливнем крышу,
и празднично подпрыгивает сердце,
я в воздухе произвольно слышу
адажио, укрывшееся в нишу,
и чувствую в полуденном концерте
любовь к тебе
и неизбежность смерти.

Привал на поэтической тропе.....**Нина ИЩЕНКО**

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтеневского общества Луганска. Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020), «Настя, приезжай!» (2022) и «Эти русские» (2022).

Элиас, Донбасс, СВО – новый образ Рыцаря с лебедем

Война в Донбассе, начавшаяся в 2014 году под знаменем воссоединения с Россией, перешла в 2022 году в новую фазу: в феврале 2022 года началась СВО (день Z) и в том же году республики Донбасса вошли в состав Российской Федерации. Художественное отражение в слове событий этого трагического восьмилетия позволяет сохранить смыслы и образы противостояния с Украиной, воодушевлявшие людей Донбасса все эти годы. Отражение события в искусстве – один из способов трансляции его смысла сквозь пространство и время, нашим современникам вне Донбасса и другим поколениям. В этом аспекте представляет особый интерес поэма «Элиас» и образ военного Донбасса, созданный в этой поэме Еленой Заславской.

Поэма Елены Заславской «Элиас» написана в Луганске в 2022 году и выложена на сайте автора. Поэма посвящена военным событиям на Донбассе с 2014 года. Особенностью поэмы является художественный синтез личных впечатлений автора, живущего в обстановке войны на Донбассе, и широкого спектра семантических ассоциаций, символически включающих топографическое пространство Донбасса в несколько культурных миров. Рассмотрим основные культурные пространства, интегрированные в поэме, а именно: античность, европейская католическая культура, русская культура. Сюжетом, позволяющим соединить топографию Донбасса с этими рядами смыслов, выступает история о Рыцаре с лебедем.

Рыцарь с лебедем

Рыцарь с лебедем – персонаж ряда европейских литератур. Первые тексты о нём сложены в XII веке на территории Льежа или Фландрии. В разных европейских традициях он называется Лоэнгрин, Лоэрангрин, Элиас.

Рыцарь с лебедем – легендарный предок реального участника Первого крестового похода Готфрида Бульонского. Именно в составе его генеалогии впервые появляется эта история, разбитая на три части, условно названные «Рождение Рыцаря с лебедем», «Рыцарь с лебедем» и «Конец Элиаса». Популярность история приобрела в XIX веке, в эпоху расцвета романтизма и пробуждения интереса европейцев к средневековой культуре. Первой в это время стала известна средняя из трёх частей, выступавшая как самостоятельный сюжет. Эта часть легла в основу поэмы Елены Заславской, и на этой части мы сосредоточим наше внимание.

История Рыцаря с лебедем известна как в хрониках, так и в поэтических произведениях. Ольга Попова суммирует сюжетную схему истории следующим образом:

Рыцарь с лебедем прибывает в ладе, влекомой лебедем;

Рыцарь с лебедем вступает в брак;

Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает;

От рыцаря с лебедем происходит знатный род.

Татьяна Михайлова отмечает, что, хотя история Рыцаря с лебедем чисто литературного происхождения, она включила ряд фольклорных мотивов, бытовавших в разных устных традициях европейского континента. Базовым является мотив о браке человека с чудесным существом из иного мира. Иной мир, мир волшебных созданий, существует наряду с миром людей. В этот мир ведёт водный путь, доступный только мифическому персонажу. В истории Элиаса таким персонажем-медиатором оказывается лебедь.

Супруг из иного мира

Брак с Элиасом завершается тем, что рыцарь покидает свою супругу. Мотивировки этого поступка различаются в разных версиях. Чаще всего приводятся два варианта: жена рыцаря нарушает запрет не спрашивать его имя и за рыцарем приплывает лебедь. Эти варианты встречаются один без другого или комбинируются. Ольга Попова показывает, что таким образом в литературный текст входят фольклорные представления устной традиции.

Сюжет о браке с персонажем из иного мира известен в фольклоре всех народов. Характерной чертой этого архаического сюжета являются брачные табу, отражающие реальные практики древних сообществ. Так, Елеазар Мелетинский отмечает среди архаичных брачных табу следующее: муж и жена не должны называть личного или родового имени друг друга. В случае нарушения табу супруг

может вернуться в родительскую семью. Как мотивы запретного вопроса и его нарушения, так и мотив поиска потерянного супруга характерны для сказочных сюжетов о браке смертной женщины с существом из иного мира.

Имя не только в языческих, но и в средневековых обществах всегда связано с происхождением, оно показывает социальный статус персонажа и указывает на его родину и предков. В литературных текстах об Элиасе запрет спрашивать об имени означает запрет говорить о стране, откуда он родом, рассказывать об ином мире. Так, в «Песни о Рыцаре с лебедем и Готфриде Бульонском» Элиас просит не спрашивать откуда он прибыл, потому что его страну никто не знает и никогда не узнает. Это объяснение констатирует факт – пришелец из иного мира не говорит о своём мире среди обычных людей, что принимается как данность и поэтом, и его аудиторией.

Рыцарь-изменник

Единственным автором, давшим рациональное объяснение мотиву запретного вопроса, является Вольфрам фон Эшенбах (1170 – 1220). В рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (около 1200 г.) Рыцарь с лебедем, Лоэрангрин является сыном Парцифалья, одного из рыцарей Грааля. Лоэрангрин также состоит в братстве рыцарей, ищущих Грааль. Лоэрангрин у Вольфрама фон Эшенбаха объясняет, что если любой из рыцарей Грааля, правящий в одной из земель, будет спрошен о том, кто он, Бог сразу же позовёт его обратно. Запрет на вопрос мотивируется тем, что Анфортасу, Королю-Рыбаку, хранителю Грааля, слишком долго пришлось ждать, когда ему зададут спасительный вопрос о Граале, хранящемся в его замке, чтобы он смог завершить свою миссию.

Попытка рационализации выглядит не до конца продуманной, но она позволяет интегрировать в сюжет тему поиска святого Грааля. Легенды о святом Граале складываются в европейских культурах в XII – XIII веках. Грааль означает чашу с кровью Христовой. Эта чаша имеет мистический и религиозный смысл. Глубинный смысл поисков Святого Грааля в том, что это вечный поиск истины, поиск собственного я, Грааль нельзя заслужить и отвоевать силой, он подобен благодати, посланной свыше. Братство святого Грааля означает союз людей, объединённых духовной целью. Обретение Грааля важно не только для самого рыцаря, нашедшего его, но и одухотворяет, облагораживает, возрождает всю землю. Рыцари Грааля отказываются от обычной жизни и идут на подвиг ради священной цели.

В таком аспекте становится понятным, что рыцарь Грааля, вступающий в брак и ведущий спокойную жизнь, когда все его духовные братья заняты поисками, изменяет своей миссии. Вопрос об имени напоминает Рыцарю о его долге и заставляет его вернуться к поискам Грааля. Таким образом, Лоэрангрин-Элиас выступает как рыцарь Грааля, забывший о своих обетах ради брака. Когда супруга задаёт ему вопрос об имени, голос совести или голос Бога, что в данном случае одно и то же, заставляет его вернуться к выполнению миссии.

Вторая мотивировка расставания с супругой, появление лебедя, забирающего рыцаря обратно в иной мир, многими авторами приводится как общее место, без дальнейшей детализации. Брак с существом из иного мира по самому своему существу является временным, он всегда заканчивается возвращением иномирного персонажа в своё пространство. Такое развитие сюжета соответствует фоновым ожиданиям аудитории и не вызывает никаких вопросов. Так, во французской поэме «Рыцарь с лебедем» герой говорит, что покинет жену, когда за ним приплывёт лебедь. Этот мотив далее не развивается.

Братство Грааля в поэме «Элиас»

Подведём промежуточный итог. В средневековой легенде Элиас, Рыцарь с лебедем, приплывает по реке, соединяющей мир людей и иной мир, где живут нечеловеческие существа. В этом ином мире Элиас был занят поиском святого Грааля вместе с другими рыцарями братства. Ради брака Элиас забывает о своей миссии. Он покидает жену, когда она через несколько лет брака всё же спрашивает о его имени. В этот момент за Элиасом приплывает лебедь, и Рыцарь уходит в иной мир на поиски Грааля.

Этот сюжет включает три мотива из четырёх, найденных О. В. Поповой: Рыцарь приплывает по реке с лебедем; Рыцарь вступает в брак; за Рыцарем приплывает лебедь, и Рыцарь покидает супругу. Все три мотива присутствуют в поэме Елены Заславской «Элиас». Проанализируем три культурных пространства, включённых в поэму, и их связь как с географическим Донбассом, так и с сюжетом о Рыцаре с лебедем.

Формально поэма закольцована: в финале объясняется, как произошло то, что описано в прологе. Пролог написан от имени женщины, потерявшей Элиаса. Ей осталось только вспоминать его имя. История их любви описана в поэме.

Донбасс – мир мёртвых

Действие происходит на Донбассе. В поэме приводятся реальные названия конкретных городов Республик: Луганск, Донецк, Счастье, Станица. Пространство Донбасса описано как территория войны, идущей здесь с 2014 года:

Забывтый край. Война. Чума.
 С недавнего ещё пожары...
 Огонь и дым, и запах гари...
 минные поля...
 земля дрожит и стонет...
 разбитый храм...
 Мы попадаем под обстрел
 и... погибаем.

Уже в первой части поэмы появляется отсылка к некой общности: герой не один, он часть группы, обозначаемой как «мы». Мы находимся на территории Донбасса. Очевидно, что эта общность – ополченцы 2014 года, вставшие на защиту Донбасса. В то же время мифологическом пространстве поэмы это братство рыцарей Грааля, выполняющих свою миссию.

Реальные топонимы донбасского пейзажа тоже существуют как в географическом, так и в мифическом пространстве:

В лодке, запряжённой лебедем,
 по воздуху, а потом по воде,
 оттолкнувшись от подоконника,
 прямо в Донец.

Так, река, по которой Элиас приплывает в мир людей, оказывается самой крупной рекой региона, Северским Донцом. Она течёт среди донбасских степей и одновременно – в двух мирах, соединяя мир людей и иной, нечеловеческий мир. Как иной мир Донбасс характеризуется и в других произведениях Елены Заславской. Так, в поэме «Звезда Бетельгейзе» Донбасс как часть Новороссии оказывается несуществующей страной, «не нанесённой на Google Карты». Здесь наиболее ярко выступает характеристика Донбасса как земли, которой нет, не существует для живых и среди живых, что представляет собой древнейшее определение мира мёртвых, подлинного иного мира всех мифов.

Донбасс языческий

Иной мир в поэме «Элиас» имеет тройную природу, то есть располагается сразу в трёх символических пространствах. Это реальный географический Донбасс, но в то же время он населён волшебными существами, пришедшими из греческих мифов. Сама река, соединяющая миры, – это могучий Сиргис, упоминаемый Геродотом. На его берегах разворачивается современная война, описанная в образах античного мифа:

Здесь через минные поля
 бредут кентавры к водопою,
 под их копытами земля
 дрожит и стонет.

Козлобородый дерзкий Фавн
 из «мосинки» сбивает Дрона...

Водитель наш, как Ихтиандр,
 свои выкашливает жабры.

Хотя Ихтиандр – персонаж повести русского писателя фантаста А. Беляева «Человек-амфибия», но имя его составлено из греческих корней и означает «рыба-человек», то есть ещё одно чудовище греческого пантеона. Так тема России впервые в поэме соединяется с темой иного мира. В дальнейшем это сопоставление будет раскрыто автором, на чём мы ещё остановимся.

Итак, Донбасс выступает одновременно как географическое пространство войны и как иной мир, населённый волшебными существами греческих мифов.

Донбасс – земля Мадонны

В том же пространстве сквозь мифические напластования проступает ещё один, третий облик этой земли – это христианское пространство, земля Мадонны:

Мне видится разбитый храм
 и непорочная Мадонна...

Волны подо мною.
 Звёзды надо мною,
 словно
 очи ясные
 Мадонны...

Автор употребляет католическое именование Богоматери, что естественно для переложения средневековой католической легенды. В то же время перед нами явная отсылка к образу России как удела Богородицы, о чём писал Александр Дугин в своём исследовании русского дазайна. Эта характеристика России также будет использована автором далее.

Аспиды и драконы

Христианская составляющая поэмы реализуется в образах дракона и аспида, также населяющих Донбасс:

Минюя снайперов
и дронов,
летающих аспидов
и драконов...

В большинстве случаев аспид представлен в виде крылатого двуногого существа с рогами, клювом, крыльями и хвостом, но иногда подчёркивается ухо существа, то есть перед нами «аспид глухой». «Аспид», согласно апокрифической легенде физиологов, затыкает уши от гласа «обовающих». Ловля аспида становится метафорой проповеди, которую слышат верные и которую не хотят воспринимать дьявол и его слуги.

Дракон также представляет собой библейский образ. Наиболее часто дракон упоминается в книге Откровения Иоанна Богослова, где описывается конец света. В библейских текстах дракон, он же змея, символизирует Антихриста и по метонимии любого представителя злых сил. С драконами сражаются средневековые европейские рыцари. В то же время дракон в образе Змея Горыныча является и персонажем русских народных сказок, переносит читателя в пространство русского фольклора. В русском культурном пространстве христианская символика соединяется с народной стихией. К этому же фольклорному пространству сказки отсылает описание Элиаса после пересечения реки:

Новое имя. Новое лицо.
Новые шрамы поверх старых.
Будто в молоко нырнул
и вынырнул молодцом.
И мои затянулись раны.

Перед нами ещё одна отсылка к русской культуре и маркер принадлежности Донбасса к России.

Северный ветер и Северный крест

Перечислим отмеченные выше образы, связывающие Донбасс и Россию: Ихтиандр – чудовищный обитатель Донбасса из произведения русского писателя, Донбасс как земля Богородицы, библейские аспид и змей/дракон, а также обряд омоложения из русских сказок. Европейский сюжет разворачивается в русском символическом пространстве. Рассмотрим, как в поэме изображается Россия.

В первую очередь Россия ассоциируется с севером, с Россией связаны северный ветер и северный крест. Северный крест – видный астеризм в северном полушарии небесной сферы. Образован ярчайшими звёздами созвездия Лебедь – Денебом, Садром, Дженахом, Дельтой Лебеда и Альбирео. Россия выступает как страна, чей символ лебедь – посредник между мирами, призванный забрать героя обратно из мира обычных людей.

Также в поэме упоминается столица России:

Что тебе снится,
родная столица?
Снится Луганск тебе?
Или Донецк?
Счастье или
Станица?

Так символический центр России Москва связывается с основными топонимами Донбасса, иного мира, территории войны. Тема войны раскрывается и дальше в связи с темой православной империи и византийского наследия:

Война гыр-гыр-гыр.
Кладбище вширь, вширь, вширь.
Вот он ваш русский мир.
Вот он ваш Третий Рим!

Иномирный Донбасс, исключённый из нормальной жизни и погружённый в царство смерти, оказывается инобытием имперской столицы, ценой, которая платится за существование Третьего Рима и сохранение христианства.

Искушение миром без победы

Таким образом, иной мир, откуда пришёл Элиас, расширяется до России в целом. Это христианская империя и земля Богородицы, созидаемая среди войны, смерти и мифологических чудовищ, только и способных выжить в этом пространстве смерти. Воссоздание христианской империи на земле Донбасса – это и есть миссия братства Грааля, от которой отказался Элиас ради любви:

Восемь лет не смотрел я на образа,
восемь лет не прикладывал губ к потиру,
восемь лет со мной были её глаза,
восемь лет ни войны, ни мира...

Через восемь лет после начала войны, в 2022 году, любимая предлагает Элиасу навсегда остаться вместе в удалённом от мира небесном уголке:

Денеб, Эпсилон, Дельта,
NML, Тау, Эта, Ро...
Полетели со мною
на небо!
Там спокойно
и там светло.
Будем жить в созвездии Лебедя,
далеко от мирских забот.

Но место, которое она выбрала, совпадает с созвездием Лебедя, включающего северный крест. Это название – сигнал, пробуждающий Элиаса и заставляющий его вернуться в свой мир на поиски чаши Грааля:

– В небе вечером Северный крест –
мой ориентир в ночи.
Разрушенный маленький храм
я искал,
с Мадонной на целой стене.
– И что там?
– Святой Грааль.
Чаша, виденная во сне.

Лишь ею
я овладею –
Северный ветер
повеет!
Лишь ею
я овладею –
наступит день Z,
и встанет с колен
Рассея,
Моя большая Рассея,
Во славу грядущих побед!

Употребленное здесь просторечное название России – Рассея – ещё один способ подключить к повествованию мир народного творчества, архаичных русских мифов и древних героев. Россия древняя и современная, христианская и языческая выступает как единая сила в день Z, день обретения святого Грааля Элиасом.

СВО, Грааль и великая Россия

Подведём итоги. В поэме Елены Заславской интегрируются три символических пространства: античность, европейская христианская культура, а также русская культура, как христианская, так и языческая. Географический Донбасс существует во всех трёх пространствах: это иной мир, мир смерти и войны, в то же время мир, населённый персонажами греческих и библейских мифов, и одновременно – земля русских сказок и удел Богородицы. За включение Донбасса в пространство христианской империи борется братство Грааля, то есть ополченцы первой волны, 2014 года. В этом

контексте разворачивается история Элиаса, повторяющая сюжет средневековой легенды о Рыцаре с лебедем.

По реке Донец-Сиргис Элиас уходит из пространства смерти, покидает восставшие республики. В реальности по Донцу в 2014 – 2022 гг. проходила граница между республиками и занятыми Украиной территориями. Герой попадает на Украину, меняет имя, встречает любовь и восемь лет живёт простой мирной жизнью после смерти, забыв все ужасы войны. Восемь лет спустя любимая нарушает зарок: она не спрашивает имя рыцаря, но упоминает лебедя – символ иного мира и северной России в мифопоэтическом пространстве поэмы. Как и в средневековых поэмах, Элиас бросает мирную жизнь, возвращается в иной мир и продолжает поиски. Обретение Грааля в храме Богородицы знаменует наступление дня Z – начало возвращения Донбасса в русское пространство, отступление с этих территорий царства смерти, приход Русского мира и третьего Рима.

Так в поэме Елены Заславской средневековый европейский сюжет, включающий архаичные мифы о браке человека с существом из иного мира, разворачивается в современных донбасских реалиях и отражает христианские и имперские смыслы первого этапа идущей в Донбассе войны.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

Элиас

История Рыцаря с Лебедем в реалиях военного Донбасса. Все герои реальны, все совпадения не случайны, все права беззащитны!

Пролог

Ты сам выбрал эту роль:
 быть тенью,
 жить там,
 куда не проникает солнечный свет,
 куда душа моя по ледяным ступеням
 бредёт в кромешной тьме.
 Может, я забуду к тебе дорогу.
 Может, я никогда не приду.
 Может, я вымолю у Бога
 никогда не видеть свою беду:
 ни утром,
 ни в полуночных бдениях,
 ни в бреду,
 ни когда пьяна,
 ни лицом к лицу,
 ни в отражениях,
 ни бодрствуя,
 ни во снах.
 Но иногда,
 я спускаюсь на дно
 своего отчаяния,
 в гибельную стынь,
 окунаюсь в глаза печальные,
 в лазоревую синь.
 В прорубь вглубь.
 Кровь искусанных губ.
 Забудь.
 Не зови меня, тень.
 Но зачем,
 когда наступает день,
 я складываю из букв
 дорогое имя твоё?
 Элиас*.

*Элиас – одно из имён Рыцаря Лебеда, которого, как известно, в немецком варианте звали Лоэнгрин. В брабантском, нидерландском, варианте его звали Элиас. А так как автор сего текста питает особую любовь к королевству Нидерланды, было решено взять именно это имя для повествования. Русский вариант имени нашего героя на русском языке, мы оставим в секрете.

2.

В пути. Дорога как стрела,
 была бы, если б не ухабы,
 а так мы тащимся едва ль,
 так по волнам плывёт корабль.
 Водитель наш, как Ихтиандр,
 свои выкашливает жабры.
 Забытый край. Война. Чума.
 С недавнего ещё пожары.
 Здесь через минные поля
 бредут кентавры к водопою,
 под их копытами земля
 дрожит и стонет.
 Козлобородый дерзкий Фавн
 из мосинки сбивает Дрона.
 Мне видится разбитый храм
 и непорочная Мадонна.
 Наш путь далёк. Сокрыта цель.
 Огонь и дым, и запах гари.
 Мы попадаем под обстрел
 и... погибаем.

3.

Тёмная дума в сердце моём
 прорастает чёрным ирисом,
 бархатистым
 отстролистым цветком,
 забыть обо всём и
 забыться,
 не иметь
 ни пристанища,
 ни приюта,
 не иметь
 ни голоса,
 ни лица, –
 вот он мой путь,
 но когда сон,
 этот лёгкий мотылёк –
 предвестник утра,
 присаживается на ресницы,
 самые сладкие грёзы
 просыпаются...
 Презрев все законы,
 и закон земного тяготения,
 навстречу судьбе –
 в лодке, запряжённой лебедем,
 по воздуху, а потом по воде,
 оттолкнувшись от подоконника,
 прямо в Донец.
 Все считают меня покойником.
 А может, и правда,
 я – мертвец.

4.
 Минуя снайперов
 и дронов,
 летающих аспидов
 и драконов...
 Волны подо мною.
 Звёзды надо мною,
 словно
 очи ясные
 Мадонны.
 Могучий Сиргис*,
 мы все ещё живы!
 Быть может, мне всё приснилось?
 Но кровь закипает в жилах,
 и лебедь плывет неспешно,
 как будто в запасе вечность.
 Дева выходит на берег.
 Нам суждена эта встреча.
 Она – неизбежна.

* Сиргис – река Северский Донец, протекающая по территории юга Восточно-Европейской равнины, в том числе через территорию Луганской Народной Республики. Согласно трактатам древнегреческого историка Геродота Геликарнасского эта река в древности называлась Сиргис.

5.
 Новое имя. Новое лицо.
 Новые шрамы поверх старых.
 Будто в молоко нырнул
 и вынырнул молодцом.
 И мои затянулись раны.
 Восемь лет не смотрел я на образа,
 восемь лет не прикладывал губ к потиру,
 восемь лет со мной были её глаза,
 восемь лет ни войны, ни мира...
 А глаза её – небеса и свет,
 а глаза её – васильковый синий,
 и казалось мне, что счастливее нет
 человека в мире.
 Об одном просил я свою любовь,
 чтобы не допытывалась, не молила:
 – Ты же знаешь, милая,
 мой позывной,
 но никогда
 не спрашивай
 моё имя.

6.
 – Денеб, Эпсилон, Дельта,
 NML, Тау, Эта, Ро...*
 Полетели со мною
 на небо!
 Там спокойно
 и там светло.
 Будем жить в созвездии Лебеда,
 далеко от мирских забот.
 – Ещё не время.
 Небо подождёт.
 Земля моя
 напиталась болью,
 Земля моя
 из развёрстых недр
 Рождает героев,
 готовых кровью
 платить за возможность
 на ней умереть.

* Денеб, Эпсилон, Дельта, NML, Тау, Эта, Ро – звёзды созвездия Лебеда. Лебедь – созвездие северного полушария неба. Яркие

звёзды образуют характерный крестообразный рисунок – астеризм Северный крест, вытянутый вдоль Млечного Пути.

7.
 Северный ветер.
 Северный крест.
 Что тебе снится,
 родная столица?
 Снится Луганск тебе?
 или Донецк?
 Счастье или
 Станица?
 А враги говорят,
 будто здесь ОРДЛО,
 а враги говорят,
 Регион тринадцать,
 говорят – здесь Мордор,
 и не должно
 даже камня на камне
 от нас остаться.
 Война гыр-гыр-гыр.
 Кладбище вширь, вширь.
 Вот он ваш русский мир.
 Вот он ваш Третий Рим!

8.
 – Как твоё имя? Зачем ты здесь?
 Ответь! Не молчи.
 – В небе вечернем Северный крест –
 мой ориентир в ночи.
 Разрушенный маленький храм
 я искал,
 с Мадонной на целой стене.
 – И что там?
 – Святой Грааль.
 Чаша, виденная во сне.
 Лишь ею
 я овладею –
 Северный ветер
 повеет!
 Лишь ею
 я овладею –
 наступит день Z,
 и встанет с колен
 Рассея,
 Моя большая Рассея,
 Во славу грядущих побед!

9.
 – Дельта-Эпсилон – крылья.
 Денеб – хвост.
 Альбирео – клюв*.
 Я знаю, что ты любила,
 но лучше забудь!

* Обычно созвездие Лебеда изображается с Дельтой (δ) и Эпсилон (ε) в качестве его крыльев. Денеб, самая яркая звезда в созвездии, находится у его хвоста, а Альбирео – в качестве кончика клюва.

Эпилог

Глядя на небо,
 на Северный крест,
 он палец подносит к губам:
 – Это наш секрет:
 Мы когда-нибудь
 встретимся там.
 И свет моей жизни погас.
 Прощай,
 Элиас!

2022

Галина ПИАСТРО

г. Тольятти, Самарская обл.

Кандидат технических наук, доцент (техническая кибернетика). Преподаёт в Тольяттинском Госуниверситете. Пишет стихи, критику. Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в альманахе «Золотая строфа». Автор книги стихов «Аргументы».

Член МСП НС с сентября 2010 г.

О некоторых проблемах судейства в литературных конкурсах

Как мы читаем и отзываемся на чужие произведения. Небольшое размышление

Конкурсы, проводимые на литературных сайтах, дело обычное. В результате подобных соревнований жюри определяет пьедестал победителей. Для чёткости обозначения отдельных качеств произведений используются численные оценки, что очень удобно для последующего ранжирования суммарных баллов. Очень хорошо, если выдаваемые судьями оценки сопровождаются хотя бы краткими комментариями.

Как участник ряда конкурсов я знаю, насколько внимательно автор вчитывается в тексты отзывов, буквально в каждое слово, сколько эмоций порождает у него каждое критическое замечание или одобрительный посыл.

Как член ряда жюри я знаю, насколько важно тщательно продумывать и оформлять свои комментарии, стараться обосновывать все частные заключения – особенно отрицательные.

Если считать, что участник конкурса держит некий экзамен перед жюри на уровень своего литературного мастерства, то и член жюри, выдавая свои мнения (только цифровыми оценками ряда аспектов и/или с текстовыми сопровождениями), тоже в какой-то мере сдаёт экзамен – скажу громко – на профпригодность для подобного рода занятия.

Одной из проблем взаимоотношения судьи (критика, рецензента) и автора является аспект «понимание» – то есть насколько понят смысл заложенного в произведение, прочитана и интерпретирована образность, а иногда и междустрочие, так сказать.

Подобная проблема «перевода» особенно часто, как мне кажется, случается в поэзии – применительно к ней и пойдёт дальше речь.

Занимает меня тема, а как именно должно, нужно читать и разбирать стихи других авторов. Я не знаю, как нужно. Могу только сказать, как это часто получается у меня.

Есть абсолютно прозрачные стихи. Обычно, увидев в них до боли знакомые образы, фразы, избитые рифмы, с лёгким сердцем их откладываю. Если обязателен отзыв, пытаюсь найти хоть что-то нетривиальное в исполнении. Хоть что-нибудь живое.

Если стихотворение заставляет (о, какое слово!) вдуматься, навеивает разные ассоциации, то мне оно часто интересно. Здесь бывает так, что просто смакуешь некоторые идеи, образы, словосочетания, рисунок стиха, рифмы, даже отдельные словечки – об этом и пишешь в отзыве.

Есть и крайность в такого рода стихах: стих-шифрограмма. У автора, вероятно, в голове была некая чёткая модель того, что он хотел сказать, либо в основу положены известные только ему события, ассоциации, которые он облачает в камуфляж аллегорий. Не очень-то приятно, если чувствую, что это сделано специально, что напущен искусственный туман.

В последнем случае может возникнуть дилемма:

1) попытаться вникнуть, разобраться, понять;

2) оставить стихотворение в покое – не хочу разгадывать, неохота, и всё. Зачем? Не хочу и не буду решать именно эту шараду (а вообще, люблю это дело. И не только в поэзии).

Для случая 1) образуется вилка:

– упорное желание, даже азарт: найти, что называется, верное решение (полностью понять задумку автора) – бывает, если стихотворение заинтересовало, заинтриговало даже;

– сложилось какое-то своё видение – вот и славно. Имею право на своё толкование.

Замечу, что почти всегда, во всех случаях, постараюсь понять термины, собственные имена, названия чего-то и др. – то есть, перефразируя: мозги обязаны трудиться, чтобы душа восприняла хоть что-нибудь.

Ну и несколько слов об авторе: должен ли он писать так, чтобы всем было понятно.

Первое. Автор ничего и никому не должен, возможно, кроме себя самого, да и это отдельный разговор.

Это его дело, пояснять ли что-то, нет ли в «сложно сочинённых» фразах. Здесь, излишнее рвение не лучше непроницаемой вуали. Но и этот водораздел у каждого свой.

Второе. Потому иногда звучащее требование «Писать понятно!» говорит, на мой взгляд, об отсутствии хотя бы чувства юмора у требующего – понятие «понятно» (простите за тавтологию) слишком разноуровнево.

Термин «понимание» в данном контексте, мне кажется, имеет несколько значений:

1) что называется «до буквы распознать», что именно хотел сказать автор – всегда ли?

2) составить своё представление о том, что бы это значило – более вероятно,

3) понимать, осознать, что представлено «нечто эдакое» со словами, которые в рифму – тоже бывает, думаю,

4) а там и понимать нечего: однозначно, даже примитивно – ну, тут без ломки копий.

Для каждого из нас определение, на какую именно он попал ветвь, да и градация ветвей этих – чистой воды индивидуально. Но, повторюсь: член жюри (критик, рецензент), высказывая свои мнения по отдельным аспектам произведения, в какой-то мере сдаёт публичный экзамен.

Духа величье

В некотором царстве, в некотором государстве...

В некотором конкурсе было среди других, на выбор, и такое задание – про Африку. Участнику нужно сочинить стихотворение, соответствующее заданному изображению на картине: «Мозамбик. Малангатана Валенте Гвенья. "Птиц тоже ловят"». Плотная толпа фантастических птиц – разноцветных, разновеликих, с человеческими телами – и несколько полулюдей-полузверей.

На этот вариант задания было представлено единственное стихотворение

«Не глиной единой...». Автор: Yaralla (Алла Райц)

*Видно, бежит грубых рамен маетность птичья.
Мудрый, как жид, милый Дамон, вот тебе притча
Иосиф Бродский**

В скраде времён, притча гласит, Африка – центр мироздания.
С неба зерно золотом брызг сыпалось в знак воздаяния.
Было и трав, к слову, не счесть; рохо** тяжёлыми крыльями
Клади собрав, ладили песнь, славили Землю сто-дивную.
Райских земель в таинстве куц не охватить горизонтами,
Воздух, что хмель, свет вездесущ, чаяньем полнился, грёзами.

Вздумав слепить маетным днём сущность с себя и в подобие,
Взялись месить глину с зерном, с красными нильскими водами.
Чудо-голов им не сносить: сдвинулся мир в дисгармонии,
Выси – в раскол, синь погасив, оземь ударили молнии!
Рохо, что жар, с места снялись, благостей с крыльев откапало.
Вихрем кружа – в грозную высь... Притча в забвенье не канула.

*«Полно, Дамон, что за тоска правда двуличья.
Я утомлен. Альфа людска – духа величье.
Дух – благодать тверди иной к горсточке праха
дабы не знать в глине земной смертного страха».**

– А для чего, – спросит Дамон, – глину смешали и зёрнышки?

Глины комок, ливнем томлён, жизнью собьётся – зародышем
Сути простой, пусть не колосс – станет со временем прадедом.
Прежний устой в тело не врос: крыльев и силы не дадено.
Знает ли он, памятью зол: где-то за черными тучами
В небе зерно – золотом волн – зреет ручьями текучими.
И, ощутив духа простор в чаше сиротской цикличности,
Вечно в пути, глиняный сор, в рвении вольницы-личности.

Знай же, Дамон, в тяжкой судьбе слов семена не утеряны,
Далью идём к давним себе – в свет, через тернии времени.

**Подражания сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность. Иосиф Бродский*

***Рохо (суахили) – сущности наподобие ангелов*

Уже после получения вердикта жюри и по окончании конкурса это стихотворение было опубликовано автором: <http://litset.ru/publ/1-1-0-50364>

А потом мной была написана

Рецензия на стихотворение «Не глиной единой...».

Автор: Yaralla (Алла Райц)

Конечно, пишу это не потому (не только потому), что стихотворение не было адекватно, на мой взгляд, воспринято и оценено судьями (речь вовсе не об оценках в цифровом смысле этого слова).

Кое-кто из них был сильно озадачен тем, что ничего не понял – сочувствую.

Кое-кто отметил неблагозвучность и усечённость ряда выражений – может быть.

Кое-кто сетовал, что стихотворение слишком сложно, трудно воспринимаемо – бывает.

Но зато, думаю, Автору должно быть очень лестно, что его пожурили, в том числе, за... неадекватность следующих образов:

«что за тоска правда двуличья»

и

«Альфа людска – духа величье».

А эти слова принадлежат Иосифу Бродскому (мэтру от поэзии).

Вот так казус!

Итак, и эпиграф, и цитата внутри стихотворения помечены символом «*», а в сноске стоит:

**Подражания сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность. Иосиф Бродский*

Не буду затевать анализ, что именно подвигло И. Б. обратиться к «Сатире 2» Антиоха Кантемира (оттуда Дамон и др.), но некоторая переключка «Не глиной единой...» с темой стихотворения Бродского, образами, стилем очень интересна. Как необычайно интересно и всё это неординарное стихотворение.

Сюжетные особенности

Сначала напомним несколько странную формулировку конкурсного задания (см. выше):

«Участнику нужно сочинить стихотворение, соответствующее заданному изображению».

Мне сложно представить, каковое могло быть соответствие. Думаю, корректнее было бы предложить авторам представить некие ассоциации, вызванные картиной, фэнтези на основе изображенного или нечто подобное. Наш Автор пошёл именно по этому пути.

Хотя и не вижу особого смысла в пересказе вполне понятной сути, но пусть уж.

В эпиграфе и в первой строке упомянуто: это притча. То ли по мотивам предания какого-то африканского племени, живущего в ареале Нила, то ли – а я склоняюсь именно к этому – фантазия Автора по типу «гипотеза предания».

Рай на Земле. Рохо (сущности наподобие ангелов – см. вторую сноску к стихотворению) и есть поначалу обитатели этих земель, облаканных небом.

А потом... Лучше приведу фрагмент:

«Вздумаю слепить маетным днём сущность с себя и в подобие,
Взялись месить глину с зерном, с красными нильскими водами».

Но потом небеса разгневались. Улетели эти рохо.

А глина с зерном... А вот что:

«Глины комок, ливнем томлён, жизнью собьётся – зародышем

Суги простой, пусть не колосс – станет со временем прадедом».

Вот он базис притчи о сотворении человека (языческий базис, скажу так).

Всяко-разно потом бывало и есть с людьми. Но

«Далью идём к давним себе – в свет, через тернии времени».

Да уж: чтобы понять смысл – мне кажется – средней школы вполне достаточно.

Но не буду о грустном.

Пожалуй, можно спросить (Дамон мог бы спросить): «А почему “к давним себе”?»

Думаю, автор полагает, что у первозданного человека чистота помыслов была более выражена, более естественна, нежели у потомков, которые вместе с ходом прогресса впитали в себя и немало греховного в общечеловеческом смысле этого понятия.

Оригинальность раскрытия темы: жанровые, композиционные особенности

Композиция стихотворения весьма интересна: использованы две цитаты из Бродского. Две строки – в эпиграфе, чем определяется, что следует притча.

А потом, в середине, четыре строки – как своеобразная связка: продолжение притчи и «заявка» на размышления о жизненных путях человека, о вечном устремлении его духа.

Всё вместе воспринимается как диалог с постоянно брюзжащим Дамоном (см. Бродского).

В конце есть присущая всякой притче некоторая назидательность, но здесь это сделано ненавязчиво и жизнеутверждающе, скажу так.

А вот как говорит Автор (я уже приводила эту строчку):

«Далью идём к давним себе – в свет, через тернии времени».

А вот и Бродский:

«Альфа людска – духа величье».

Нешто пояснить... для тех, невнимательных.

Вот одно из толкований слова «Альфа»: основа, самое главное, основное в чём-либо.

Художественные приемы (образность, слог, лексика, ритмика, рифмы, стиль...)

Начну со стиля стихотворения... Иосифа Бродского. Несколько слов.

Не знаю, не ведаю, почему именно такой ритмический рисунок с двумя внутренними рифмами был им выбран:

«Так. Но в гробу, узком вельми, зреть себя нага,
бывши во лбу пядей семи, – это ли благо?»

Почему у него много и устаревших слов (днесь, речёшь, кабы, ноне и др.), и – в том числе, поставленных в упрёк нашему Автору – «усечённых» и своеобразных неологизмов (людска, овчий, скорбну, гляючи, тянуща ан... и др.)

У нашего Автора ритмический рисунок несколько иной:

«– А для чего, – спросит Дамон, – глину смешали и зёрнышки?

Глины комок, ливнем томлён, жизнью собьётся – зародышем

Сути простой, пусть не колосс – станет со временем прадедом.

Прежний устой в тело не врос: крыльев и силы не дадено».

Причём дактилические рифмы в концах строк придают и напевность слогу, и как бы сглаживают некоторую жёсткость ритма начала строк.

Почти везде рифмы очень удачны (мало ли, что я сильно не приветствую глагольные, но их всего-то парочка). Есть и парочка неточных – вполне допустимо. Хотя «гласит – брызг» никак не приму.

Весьма хороши некоторые явно ассонансные: «дисгармонии – молнии, зёрнышки – зародышем» и др.

Наш Автор не увлекался словотворчеством. Разве что «В скраде времён».

Скрадок – известное охотничье убежище. Полагаю, что здесь речь о прошедших временах, скрытых от наших глаз. Всего-то.

А я... склоняю голову перед этим четверостишием.

Отдельно о глине

Сначала несколько слов об адекватности образов (Автору упрекали и в обратном).

Ни нагромождения витиеватых конструкций, ни непереводимых неологизмов я не увидела.

По мне, всё и высокохудожественно, и информативно. И строго. И выразительно. Например:

«Вздумава слепить маетным днём сущность с себя и в подобие,
Взялись месить глину с зерном, с красными нильскими водами.
Чудо-голов им не сносить: сдвинулся мир в дисгармонии,
Выси – в раскол, синь погасив, оземь ударили молнии!»

Да, Голубой Нил, бывает, несёт и зелёные, воды, а бывает, и красные.

И глина – это же известный строительный материал у африканских народов – то есть смесь глины, подсохших стеблей злаков, воды.

Я это к тому, что показано хорошее знание «местного колорита».

Духа величье

Сначала о названии – выразительном, удачном: «Не глиной единой...».

Бродский определил человека как «глину земную».

Этот же материал при «создании» людей упоминается в мифах разных народов разных континентов.

Наконец, известна библейская история сотворения человека из глины.

Вспомним из Ветхого Завета: «Не хлебом единым жив человек»...

Так разве не интересно, как Автор представил «свою африканскую версию»?

Как подчеркнул вечность стремления к духовному?

По мне – очень и очень!!

Вовсе не переиграю с восторженностью, если именно как духа величье охарактеризую то, что проявил Автор – Алла Райц (Yaralla) – в стихотворении «Не глиной единой...».

Послесловие

Критический разбор чужих творений (здесь – стихов) в любом случае субъективен. Критик может увидеть в них только то, что он способен увидеть, и интерпретация воспринятого отражает только его собственный вкус, уровень общей и литературной образованности, отношение к рифмотворчеству, поэтический слух, ареал его лексики, даже отдельные качества его характера, наконец.

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Нина КРОМИНА

г. Москва

Кромина Нина Александровна родилась и живёт в Москве. По основной специальности библиотечарь-библиограф. В 2011 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Простор» (Казахстан), «Вологодская литература», «Москва», «Звезда», «Наш современник», «Невский проспект», «Северо-Муйские огни», альманахах и коллективных сборниках. Участник Литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Автор 3 книг прозы: «В городе и на отшибе» (2015), «Красная косынка» (2020), «Штрих, пунктир, точка» (2022). Член Союза писателей России. Руководитель литературной лаборатории «Красная строка».

Иногда они мечтают...

Рассказ

Выйдя на балкон, Илья Матвеевич застыл. Его взгляд поймал тот торжественный момент расставания неба с солнцем, ради которого толпятся на берегу моря отдыхающие, выползают на улицу жильцы окрестных домов. Медно-багровый диск утаскивал за собой день, уходил в воду, бросая на прощанье жёлтое, красное, фиолетовое.

Ещё минуту назад Илья Матвеевич, раздражённый, вспотевший, пытался вдеть одеяло в пододеяльник. Руки путались, переплетались полотнища. Он пытался вспомнить, как Марина, пожилая горничная из первого корпуса, терпеливо и неспешно обучала его. Определив одеяло на своё место, она строго и недовольно спрашивала: «Ну, поняли?».

Илья всё понял с первого раза, но выполнить столь сложное упражнение ему казалось невозможным. И от того, возмущаясь, бубнил себе под нос: «Господи, я же инженер, а не баба какая-нибудь».

Облокотившись на перила балкона, он ощущал наступление южной ночи, её благодатное тепло. Темнело на глазах. Внизу, в пансионате на первой линии, заголосили диджеи, приглашая отдыхающих на танец, время от времени, мелькая огоньками, по шоссе проезжали машины.

Махнув рукой на незастеленную кровать, подумал: «Завтра с утра застелю, приду пораньше, до двенадцати управлюсь». Спустился на дорожку, ведущую к выходу, и, с брезгливостью наступая на выползших улиток, незаметных в сумраке, под аккомпанемент хрустящих раковин вышел на дорогу.

Из-за невысоких гор медленно выплывала луна, маслянисто-жёлтая, с лёгким абрисом приветливой улыбки. Многоэтажки и редкие отели на побережье мерцали точками, за ними угадывалось море, и, когда стихали звуки, оно наполняло воздух шорохами и вздохами. «Как на картине, – подумалось Илье, и, вспомнив детское увлечение рисованием, захотелось достать блокнот, карандаш. – Сколько же лет я не рисовал?»...

Прошло всего две недели с того дня, как Илья Матвеевич, лишившись работы в столице, приехал в этот южный городок, в котором когда-то поселились его родители. Их квартира отошла младшему брату, где тот жил со своей семьёй. Илье в наследство достался брошенный кусок земли с кривой сараюшкой. Приживётся ли он здесь, или придётся возвращаться в Москву, ставшую чужой, незнакомой?

На месте родного НИИ, которому он отдал тридцать лет жизни, теперь высятся самые дорогие в Москве апартаменты с надписью «Большевик». Бизнес-центр, на который он так надеялся, сдаётся в аренду; коммерческий проект по компьютерным сетям, его последнюю надежду, съели конкуренты.

А дома? Тёща, по совету жены, продала домик в деревне и поселилась у них. Тёща, та ещё выпивоха, потихонечку втянула в свою орбиту жену. Сначала они выпивали в то время, когда Илья Матвеевич был на работе. Но после того, как он получил статус безработного, с ним перестали не только считаться, но и перестали на него обращать внимание. Взрослые дочери? Каждая жила в своей комнате, своей жизнью. Бросали утром безразличное «Привет» и уходили в своё. Он долго ломал голову, что делать и как с этим жить. Уйти, но куда?!

Может быть, вообще лучше не жить?!

Как-то, отвернувшись от супруги, распластавшейся на кровати, он долго разглядывал в прямоугольнике окна ночное небо и, зацепившись взглядом за искорки пролетавшего самолёта, решил, что пора и ему воспарить. Подсчитывая остаток средств на карточке, уснул. Ему приснился Игорёк, приятель, с которым он познакомился на берегу моря в одну из давних поездок к родителям.

Подходит и говорит: «Привет! Не купался? Чего так?! Идём, я тебе классных девчонок покажу».

Рыжие, выгоревшие на солнце травы, ржавые валуны, узкие тропинки между ними, ленивые козы. Поднимаются всё выше. Вид на море, деревенские дома, стройка, подъёмные краны.

«Тебе здесь нравится?» – «Не-а. Голо как-то, пустынно». – «А мне нравится. Смотри, здесь всё начинается, будет город, атомная станция. Кончу институт, приеду сюда, на АЭС пойду. А ты?» – «Нет, я в Москве останусь. Там жизнь!» – «А я здесь. Вот наш участок, – он показывает на колышек,

вбитый в землю, – разобью сад, виноград, вишни, абрикосы. А какой вид! Смотри, вон девчонки! Присядь за валуном. Отсюда их здорово видно. Гляди – в купальниках. Красивые!».

Две девчонки сидят на нескладном деревянном столе, вытянув ноги, в руках книжки. Одна – с толстой светлой косой, другая – стриженная худышка.

Худышка всё время вскакивает и, изображая канатоходца, балансирует на невидимом тросе, расставив руки.

Неожиданно она оглядывается, скидывает с себя купальник и, подбежав к металлической бочке, стоявшей недалеко от стола, лихо, без видимого напряжения, лишь дотронувшись до верха бочки, запрыгивает в неё, кричит подруге: «Марина, давай сюда!». – «Инка, ты что? Я не залезу».

Отложив книгу, неспешно, поводя бёдрами, подходит к бочке. Она то откидывает мешавшую косу, то, подтягиваясь на руках, старается вскарабкаться, и только когда худышка, схватив за руку, затаскивает её, плюхается, раскидав брызги. И почти тут же летит на землю её голубой купальник в горошек.

Игорь бросается вперёд и, подобрав девчачьи манатки, размахивая ими, кричит: «Теперь вы у нас в плену!».

Худышка выскакивает из бочки, стремительно подлетает к Игорю и, вырвав у него купальники, запрыгивает обратно...

Сон пронёсся молнией, оставив странное чувство радости и освобождения. А, может быть, это был и не сон? Может быть, воспоминания?

В этот же день Илья Матвеевич летел в Крым, трясясь в дребезжащем «ПАЗике», с волнением всматривался то в рыжую степь, то в мелькавшие низколобые горы, то вчитывался в названия придорожных кафешантанов («Завтрак», «Секс», «BRFNC», «Как у мамы», «Южная ночь»...), то изумлялся соседству православных храмов и мечетей, то потел и, снимая бейсболку, вытирал волосы.

Уже к вечеру, когда красное бросает отблески на рыжее и гаснет фиолетовым, отдуваясь, спотыкаясь о камни и поднимая дорожную пыль, он добрался до загородных участков. Некоторые скрывались за непроницаемыми каменными заборами или профнастилами, другие – за проржавевшей рабицей, многие – за лохматыми верёвками.

Около одного такого, с завалившимся набок сараем, Илья остановился.

«Наверно, это здесь. Вон и бочка, и валун».

– Вы не из этой дачи? – поинтересовалась худенькая, с проседью в коротких волосах женщина, выходя из калитки соседнего участка.

– Ну, если это дача, то угадали.

– Здесь раньше хорошо было. Цветы, виноград. Купили?

– Нет, это родителей. По наследству досталась.

– А сами откуда?

– Из Москвы.

– К нам надолго? На сезон или как? – и неожиданно выпалила: – Вам случайно работа не нужна? Для стройки деньги понадобятся. У меня, конечно, не густо, но лучше, чем ничего.

И тут же, не дожидаясь ответа, вынула из сумочки телефон.

– Марина, к тебе завтра мужчина подойдёт. Ты его оформи. Спасибо.

К девяти сможете?.. Да, да, конечно, на второй корпус... Спасибо.

Так у Ильи Матвеевича начался новый отрезок жизни. Хибару он кое-как укрепил, оставив забор прежним.

В свободное от работы время или копошился на участке, или, спускаясь к морю, рисовал в блокноте, который нашёл среди старых вещей. Порой, разминая на ходу спину, к нему подходил Игорь, который стал таксистом. Вытаскивал из заднего кармана джинсов пластмассовую бутылку и протягивал Илье. Тот не спеша откручивал пробку, делал глоток, другой.

– Ну, как?

В ответ Илья поднимал вверх большой палец.

– Ещё бы. Собственное. Ты пей, я ещё принесу.

Иногда Илья Матвеевич спрашивал Игоря: «Ну, и где твоя АЭС?». – «Слава Богу, почти совсем развалилась. Разберут скоро. Представляешь, что могло бы быть, если как в Чернобыле!».

«Ну, и где твой НИИ?» – спрашивал иногда Игорь Илью Матвеевича. Тот сначала с сожалением вздыхал, а потом усмехался: «Тогда бы я никогда не стал горничной».

Так и жил.

Но 25 августа (он даже запомнил дату), убрав номера и уже раздумывая, идти ли в «ПУД», заменивший «Продукты», или на участок, как вдруг около корпуса его окликнула Марина: «Давно хотела вас попросить, да всё забывала. В пятом номере поменяйте тумбочку. Вот ключ от склада. Вы хоть знаете, как туда пройти? Нет, не бельевой. Мебельный у нас в подвале, за третьим корпусом».

Прошёл по узкой дорожке между ухоженными цветниками, среди которых, рисуясь своей природной статью, создавали уют и одаривали тенистым спокойствием и ароматом сосны, пальмы, кипарисы. Гроздьями спускался с арок виноград. Да, здесь настоящий оазис! Пройдя мимо поляны с молодыми оливковыми деревьями, обогнул третий корпус, спустился по крошившимся под ногами ступеням и наткнулся на массивную дверь из тёмного потрескавшегося дерева. Навесной амбарный

замок цокнул, пискнул, впустил в темноту, в грибной запах сырости. Да, найти здесь что-либо, казалось, нереально. Но исполнительность бывшего советского служащего не могла подвести, и Илья Матвеевич, удивляясь слабому накалу электрической лампочки, принялся ворочать, переставлять. Попадалось всё что угодно: старые матрасы, обломки столов и стульев – но тумбочки, тем более пригодной для номера, найти не удавалось.

Неожиданно за досками мелькнуло что-то, удивившее яркостью. Разгрёб хлам – и о! чудо! На мольберте стояла картина. Илья оторопел. Солнце, такое живое, как вчера, ласкающее море. Уходит за горизонт, полыхает. Жёлтое, красное, фиолетовое. Птицами мечутся облака, плещется море. Перехватило дыхание, стоял не шевелясь, вздрогнул от неожиданности, когда за спиной, излишне громко, будто криком:

– Ну, нашли?

– Что?

– Я вас за тумбочкой посылала, забыли? А, вот что тут у вас? Да, приезжал к нам как-то художник, и то ли забыл, то ли бросил. И картину, и краски... Игорёк говорил, что вы рисуете. Забрали бы себе, всё посвободнее будет.

Так в избушке у Ильи появился мольберт, краски, и даже неиспользованные холсты и кисти. Краски подсохли, но выползали узкими червячками, кисти, хоть и топорщились щетинками, оказались вполне пригодными. Илья переставлял, переключивал, разглядывал холсты, читал названия красок на пожелтевших, заляпанных краской тюбиках. Краплек красный, кадмий лимонный, виридоновая зелёная. С трудом открывал, вдыхал их аромат. На большее не решался. Но вдруг, выдавив белила цинковые на холст, описал пальцем круг, вспомнил, что когда-то в Доме пионеров преподаватель, подойдя на занятии к картине, отодвинул его плечом и резким движением мазнул пальцем по его луне, казавшейся унылым пятном, и та засияла перламутровым блеском. А что если попробовать нарисовать солнце? Выпустил желток, аккуратно размазал его. Солнце осветило комнату. Неожиданно страх перед холстом исчез и, забыв о времени, пододеяльниках и упущенных годах жизни, почему-то излишне торопливо, то бросая краски на холст, то осторожно дотрагиваясь кисточкой, расставлял точки, запятые. «Рисуй рефлексам! – часто слышал он в студии. – Не забывайте про композицию».

«Так, значит, девчонок прописывать не буду, мазочками, мазочками... А валун? Вот здесь подсветить, добавить белил...».

– Илья Матвеевич, долго вас ждать? – услышал он за спиной раздражённый голос Марины. – Уже час, заселять пора. Мне что, за вас работать?

– Да-да, иду. Вот только пропишу задник.

– Не забыли, значит, детские шалости? Ну-ну, – в голосе женщины послышались мягкие нотки. – А мы тогда на вас озлились. Вы ведь за нами подсматривали.

– Да ладно, чего уж там, – в дверях появилась Инна Валентиновна. – Не смущай художника. Хорошее было время, молодое! Илья Матвеевич, нам бы столовую расписать. Ну, чтоб море, волны, беседка на мысу. Сможете?

Так у Ильи появилась ещё одна должность, которая не только добавила к зарплате горничной дополнительные доходы, но вселила в жизнь смысл и радость.

Раз в год в местном Дворце культуры проходил вернисаж. Илья Матвеевич готовился к нему заранее. Строгал деревянные, не спеша отмерял, нарезал, состыковывал. Рамки покрывал лаком. Игорь, подогнав дребезжащий жигуль, помогал приятелю с перевозкой. Вместе развешивали картины и мечтали, что кто-то из состоятельных отдыхающих отвалит за них кучу денег, и тогда...

– Тогда я отстрою дом, квадратов на сто, приглашу дочек. Пусть приезжают – хоть на отдых, хоть насовсем. С мужьями, детьми. Здесь хорошо. Райское место.

– Покажу твоим всю нашу округу, прокачу их к бухтам, покажу заповедник, озеро, ветряки. Пусть любят. К скифам заскочим. Там, конечно, археологи всё разрыли, в музей сдали. Но интересно.

В час открытия выставки у Дворца культуры собирался бомонд. Все нарядные, торжественные. Дамы в длинных платьях, модные причёски, макияж. Инна Валентиновна и Марина казались в толпе самыми изысканными. Инна предпочитала яркое – красное, оранжевое. Марина – голубое, светло-фиолетовое. Мужчины в белых рубашках, галстуках.

Илье Матвеевичу казалось, что жизнь только начинается, и, глядя на Инну, он обещал себе, что непременно к следующей выставке нарисует её портрет.

«А вот и моя фея», – говорил он, подходя к ней, и прикладывался к руке.

Так продолжалось несколько лет. Казалось, ничто никогда не изменит привычного хода жизни. Но, к огорчению многих, Дворец культуры закрыли на ремонт, вернисаж перенесли в библиотеку, а во время эпидемии коронавируса и вовсе отменили.

В городе всё чаще стали появляться военные, и время от времени из-за моря теперь доносятся взрывы и далёкие вспышки... Илья Матвеевич по-прежнему работает в пансионате, но в другой должности: обходит корпуса, приглядывает. Тумбочку он так и не нашёл, а старую, по указанию Марины, отнёс на склад. Краски засохла ещё больше, и рисовать становится всё труднее. Виноград у Игоря растёт на славу, и вино по-прежнему радует друзей. Иногда они мечтают...

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.
Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Из цикла «Холстинки»**Мыло на Троицу**

Не сегодня-завтра Троицына родительская суббота – последний день Церкви Ветхого завета и Рождение Новой Церкви, апостольской. Засветло никого на улице не встретишь: на погосте ли прибираются, на послушании ли трудятся. Галина Егоровна в келье утюжит белые одежды для отца Сергия и отца Александра, благочестивая Татиана Степановна Агничную просфорку печёт, с крестом и печатью, чтобы во время Таинства Евхаристии на Божественной Литургии священники вынули из неё святого Агнца (часть хлеба), а оставшийся антидор раздали непричастившимся верующим.

Такие же просвиры (приношения) пекли и в Киренском Свято-Троицком храме в годину иеросхимонаха Ергомена. Хлебец был белый-белый. Вкушали его с благоговением прежде обычного ядения, запивая святой водой, и тогда никакой нечистый дух не приближался к человеку, напротив, мысли и дела его обращались к добродетели. Здесь же святой старец читал: *«Господи Боже мой, да будет дар Твой святой: просфорá и святáя Твоя водá во оставлénие грехóв мо́их, в просвещénие умá моего, во укреплénие душéвных и телéсных сил мо́их, во здрав́ие души́ и тéла моего, в покорénие страстéй и нéмощей мо́их по безпредéльному милосéрдью Твоему́ моли́твами Пречисти́я Твоея́ Мáтери и всех святýх Твои́х»*. И вторили ему поющие на клиросе: «Аминь». Василий Великий, составивший молитвы вечерни Пятидесятницы, верил, что Господь, в особенности в этот день, благоволил принимать прошения об умерших и даже о тех, «которые в аду держатся». Посему прихожане шли в церковь пораньше, несли записки на панихиду, указывая имена усопших в родительном падеже (кого помянуть?). Если среди родных был монах, его имя писали в самом верху. На Лене были семейства священнослужителей не в одном колене. Пономарёвы, как помнится.

Но рассказ мой несколько застрял в прошлом, как в киселе. Не пора ли перейти к делу? Пока матушки и батюшки псалмы читали, у нянюшки дело-то и обнаружилось. Накануне отмыла все углы в доме, начистила добела полы. Блестят чашки в буфете, в жаровнях ни одного жирного пятна. В ведёрке весенние прутья зацвели. Березовый дух стоит. На высоких стульях у жарко натопленной печки устроена детская купальня для новорожденного Саввушки. Мыло у няни особенное, белое, приготовленное на «Заводе братьев Крестовниковых», с едва уловимым травяно-мыльным запахом. Оно для шёлковой кожи ребёнка в самую пору, не то что грубое дегтярное. Купленное на Троицу, оно не выбрасывается даже в обмылках. До самого последнего не подозревала, зачем из всех мыльниц собирался душистый шар, пока сама не стала мамой. По поверью, если намылиться таким куском, то зараз с тебя спадут недуги и болезни, тайные и явные.

Между тем, нянюшка смысла с дитятики все хворушки, никому не объясняя, что да как. А он, душенька, хлюпает ручонками, забавляется нехитрой погремушкой. Сверху льётся на него тёплая водичка из кувшина. Сначала капли по родничку стекают на сладкое личико, дальше на пузико, в самый пупок щекотно катятся. Няня приговаривает: «Как с гуся вода, с Саввы вся худоба...». В помощниках братья-сёстры. Приготовят махровое полотенце, тёплым с тщанием оботрут крохотное тельце и разгонят кровушку по пяточкам, по лапоточкам... Наденут длинную рубашонку, всё одно что крестильную. А сколько поцелуев взлетит, взовьётся! Ангел, храни небесного человечка! Под одеялко!

Хозяюшка позаботилась о счастливом лоскутном погребке, сшитом из тряпиц, принадлежащих роду. Глянесь на это чудо – и зардеется душа. Согрели её и военный китель деда Василия, и невесткино покрывало. В центре квадрат старой Гутиной шторы, отделявшей бабий кут от избы. С краю бабушкин горошек, в нём она горько голосила, провожая своих братьев на Гражданскую, голосила и когда мужа забрали. Пришили к нему, репрессированному, «враг народа» белыми нитками. Только через 10 лет отмылись – вернули честное имя!..

Сшита в лоскутную тоску вся мощь Рассеи (Раса Святого Духа). И как не разорвать эти лоскуты, соединённые надёжной женской рукой, так не свергнуть державную Русь никакому супостату! От его глумленья русский человек крепче делается, ведь с ним сама Земля вровень, Сам Господь. От няниного купанья до окопной пыли – правда жизни, и всё-то в ней – благословение.

А няня осенила честным крестом детскую, аж серёжки на ушах гранатиками закачались. Глянула поверх – океан Святой Троицы не вместить в голове. С красного угла взирает Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой в трёх Лицах, ипостасях равнославных и нераздельных, на всю семью, та уж в сборе. Перед вечерней трапезой запели Тропарь: *«Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святого, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче слава Тебе»*. Непонятны слова малым, но не задают вопросов, честно внимают словам молитвы. Бабушка потом разохотится, шепнёт о том, что важно, – обычно так. И окажется, что глагол «явлей» как поручение человеку какой-то миссии. Якобы на апостолов, учеников Христа, сошёл Святой Дух, и они совершенно переменились. Господь ими «уловил вселенную» и сделал так, чтобы все живущие на ней друг друга понимали. Един язык тепереча. И потому надлежит говорить так: *«Благословлю Господа на всякое время» (Пс. 33: 2)*.

Троицыно утро. Берёзовое кружево даже у кивота (божницы), где икона Андрея Рублёва. Всё кажется другим, среди кипенно-белых покрывал зелёное облако свежескошенной травы. Пахнет рощицей. В церковных окнах свет потоком. А вот яркой волной двинулся крестный ход. Теперь из

Спасской церкви он потечёт в Свято-Троицкий пустырь. Он сегодня именинник, ему и народ принимать, с иконами и хоругвями, как в былые времена... Нянюшка с ребятками едва поспекает. Нарядные. Растрогали. Господь с ними.

Август. Уже...

Ровным облаком, в лёгкой распашонке, на босу ногу, поцелованный в темечко Создателем выплыл на свет август. Возрастает он быстро. Набирает обороты, дразнит желтизной дерев, манит бодрыми рыжиковыми взгорками, осень ворожит. И уже напоённый дождевой влагой, разбуженный колоколом ветров, с всеобщими комарами и мошками, с грудными жеребцами и коровками, с острожными покосами, на милость пополам со смутю, твёрдо, верно, апостольским крестным ходом по-над землицю, по-над голубицею идёт по земле.

Душно, как перед грозю. Какое время! Настроение выйти на крыльцо тёплой зорюшкой, шагнуть в темечко молочного дня, перемахнуть через палисад и уехать в росные луга. В кармане, непременно, сборник Есенина. И не мимоходом, а, растворившись в серебряной поэзии рассветного утра, читать лёжа в траве, дыша сенной прелью, грибными наветами. Но стрелы ресниц смыкает вечность, покой и мир. А впереди громада дня.

Солнце зарится, подолом своим трясёт перед амбарами, перед качелями. Рисует лучами свои каноны. Куда ни глянь, Богородичные августовские холсты. На колени ставят, как перед образами, молиться, приветствовать Спасы. Родненькие мои! Льнут к сердцу! Как и гаревая полынь с твёрдыми сосцами на макушке, и жаркие высокие будылы остролистов у заплотов, и щитки будущей соломы, и хлебные головки семян наверху, и малиновая лебеда, и вейники в рябых платьях. Ропщешь перед этой красотой.

Но август не унять. Внемли его сокам. Черничными гвоздями пришиты лесные амбары, а к ним винным мороком уже ползёт кислица, брусничным киселём пахнет в горнице, пареной картошечкой, малосольными огурками. Вот так хоромы! Жизнь коромыслом повисает над горницей. Полны корбушки, лари, подполы. Месяцеслов яблочками балуется, кидает их под ноги. Хрусти на здоровье, нежь семью пирогами да шаньгами. Гостевые перила гнутся от тяжести, навалившейся внезапно! Крыльцо скрипит от быстрых шагов. Мухи зудят, отмахиваться в пору. Понасыпало радости! Отбавляй в лукошко, щедро, бойко. Придёт и к тебе. Уже...

Ирина СОЛЯНАЯ

г. Калач, Воронежская обл.

Соляная Ирина Владимировна. Лауреат международной премии «Антоновка сорок плюс» в номинации «Проза» (2019), фестиваля «Капитан Грей» (2020), литературного форума «Осиянное слово» (2021), XXII фестиваля «Славянские традиции» (2021), победитель конкурса «Стилисты добра» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Сибирские огни», «Вторник», «Молоко», «Нижний Новгород», «Эдита», «Горизонт», «Формаслов» и др.

Автор книги рассказов и повестей «Недолюбленные» – 2021 г. (шорт-лист международной литературной премии им Ю. К. Олеси).

Сказ о казаке Пахомии, рассказанный Маркианом Горбоносным

(Сказка)

– Расскажу вам, малые детушки, сказ не сказ, притчу не притчу, а правду истинную. Как ходил пинежский казак в страну дальнюю – Мангазею, да как побывал в мышьем царстве и живым воротился.

– Дед, ну что ты говоришь такое! Какой тебе казак пинежский? Не было их сроду в Пинежье. Казаки за Доном живут, на Урале, на Кубани бывають. В наших-то краях одни поморы!

– От нонче грамотных развелось, меня, старика Маркиана, учить! Аль ты не знаешь, что за службу худую да за участие в мятеже предок твой, казак вольный Пахомий Горбонос, с атамановым войском сослан был на Соловки? Али не знаешь, как потом бежал он оттуда да прижился на Пинежье?

– Деда, опять ты врешь всё. Предположим, что мы, Горбоносовы, и пошли от Пахомия, да только с атаманом Кальнишевским в семнадцатом веке царь-батюшка круто разобрался, а Мангазея когда была? Основали ее в шестнадцатом, да вольницей Сибирской была она меньше века.

Дед молча выбил трубку, постучав по тыльной стороне ладони. Берёг Маркиан Горбонос свою трубку, мог и о ней немало историй порассказать. Только все его сказы казались мне по молодости вихреватым враньём. Складным, велеречивым и весёлым, а всё-таки враньём, как про Пахомия, и от того я был немного раздражён.

– Не любо – не слушай, а брехать не мешай, – с деланной суровостью сказал мне дед и отвернулся к правнукам.

Алёнка и Димка сидели рядом с ним, как обычно, на низких скамеечках и ждали сказку. Им всё нравилось: и белая борода Деда, и его желтоватые от табака усы, и стеганая жилетка, в карманах которой всегда прятались карамельки, орехи, а то и лупоглазый человечек, вырезанный из чурочки. А когда Деда слезливо в конце рассказанной истории добавлял: «Вот помру я, кто ж вам сказку расскажет?» – Алёнка и Димка вскакивали, обнимали его и хором говорили: «Деда, ты не умрёшь! Не умрёшь никогда!».

Алёнка хмуро посмотрела на меня, а Димка погрозил кулачишком. Я понял, что меня не поддержали, и ретировался чистить картошку к ужину. Через приоткрытую дверь я слушал, как дед

выплетал новую витиеватую сказку, потому что старые «брехни» про чёрную собачку или про самоглядное зеркало он уже не помнил. Мне были видны белообрывая Димкина макушка, Алёнкины крысиные хвостики под алыми бантами, сутулая дедова спина, рыбацкие снасти у его ног.

– Нраву казак Пахомий был крутого, непокорного, – начал Деда, – за то в Соловецкий острожный подвал и попал. Просидел он в темнице пять лет, по случаю выкрал у монахов лодочку-долбёнку. Три дня мотало его вокруг Соловков. Очухался он – без воды, без крошки хлеба – глядь, вон остров Заяцкий. Ни жилища, ни костровища. «Ау, батюшки, ау, милья! Бейте батогами, только накормите пирогами», – воплет Пахомий. Подобрали безгласные монахи Пахомия, снова в темницу кинули. Через год Пахомий обратно удрал, подтибрил у самого митрополита лодку заговорённую, крепкую, самоходную. На этой лодке кругая острова дал: «Прощевайте, братушки, недосуг с вами» и доплыл до Пинежья. Чайки ему глаза не выклевали, волна за борт не смыла, вёсла не потерял. Отлежался год-другой в неге, стали казака бабы да девки одолевать, только всё не баские попадались. То косая, то кривая, то с тремя малыыми дитятками. И приданое неважнецкое за каждой: лисья шуба да белая льдина. На шубе спи, рукавом укрывайся, на льдине по гостям езд. Характером всё попережные, а варят одну бухоню.

Скука с ними Пахомия одолела, женитьба хуже острога ему показалась. Вздумал казак за лучшей долей пойти в землю Мангазейскую, вольную, где царского догляда нет, где люди от нужды не воплють¹. Но бабы за кафтан казака хватают, кажная к себе волокёт, страсть смертная! Еле вырвался.

Алёнка и Димка хихикали, ладошками рты прикрывая. Дед хитро на них поглядывал, раскуривая снова набитую трубку. Видно, что остановка в рассказе нужна была ему с мыслью собраться.

– Долго ли коротко ли, утресь² или ночь-полночь, а двинулся казак с обозом в Мангазею. Земля Мангазейская в тайге стоит непроходимой. А кто хозяин в тайге?

Алёнка с Димкой переглянулись и плечами пожали.

– Медведь! – кричу из кухни я и смеюсь.

– Топтыгин, – словно не слышит меня дед Маркиан, – и проверяет той Топтыгин у всех подорожные грамоты. Кто без оной – того гам! Остаются только сапоги, да и те без подмётки. И прячется той Топтыгин не в избе, не в хоромах, а в куцах зеленых. Сегодня тут, завтра – там. Ты к нему с боку, он к тебе – с тылу, ты к нему лицом, он к тебе – со всех концов. Всех попутчиков Пахомия съел, не подавился. С одного кафтан алый сорвал, на себя надел. Пахомий, пока Топтыгин переодевался, залез на лиственницу и за верхушку ухватился. «Эх, – думает Пахомий, – лучше б я ямальским волоком двинулся». День сидят, второй сидят. Топтыгин снизу, а Пахомий сверху. Никто уходить не собирается: Пахомию некуда, а Топтыгину незачем. Так месяц и просидели. Наконец Пахомию надоело сверху вниз на мир смотреть, он и предлагает Топтыгину, ежели тот сочтёт все иголки на лиственнице, то он, Пахомий, самолично к Топтыгину спустится на съедение. Топтыгин обрадовался и давай иголки считать. Одна, две, сто... Обсчитался. Начал заново. А Пахомий мешает, ветками трясет, да и ветер дует, верхушку качает. Не смог Топтыгин сосчитать иголки, цельный месяц мучился.

– Деда, Деда, – робко трясёт за рукав рассказчика Димка, – а что казак на верхушке дерева ел?

– А Топтыгин? – вторит ему Алёнка.

– Про это в сказке не сказывается, – неторопливо поясняет дед Маркиан и добавляет, – а тут и лето кончилось, Топтыгин пошёл в свою берлогу к зиме готовиться, а за долготерпение и находчивость подарил казаку дровенки лёгкие, самоходные. Без коня, без упряжи. Сами едут и себя ж понукают. Пахомий худущий, с лиственницы спрыгнул, чуть ветром его не унесло в сторону. Но в дровенки аккуратно приземлился! А они только того и ждали: взбрыкнули, два раза через Печору перепрыгнули. Не успел Пахомий познакомиться ни с волком, ни с рысью, ни с бурундуком, ни с лисой. Снова взбрыкнули раз – перепрыгнули через реку Надым. Пахомий увидал выхухоль – страхолудину несъедобную – и от страха не помня, как добрался до Мангазеи.

– Деда, а разве выхухоль страшная? – также робко спрашивает доверчивый Димка.

– Сам не видал, врать не буду, а только сказывают люди, что слепая она, да не крот, плавает, да не рыба, хвост как у выдры, нос дудочкой, чисто клюв у цапли, шкура бобровая, а кровь ядовитая. Такой вот оборотень – со всех животин взяла признаки, а своего не имеет.

– Дальше, дальше рассказывай, – торопит Алёнка.

Из кухни на порожек дома ползёт живой дух ужина: жареной, почти томлёной картошки с крупно нарезанными грибами. Димка оглядывается на меня: ему и сказку дослушать не терпится, и проголодался уже. Я кладу в плошку мокрую крупную клюкву, несколько ягодок падают на струганный стол. Я зову всех в дом, плотно затворяю дверь от появившейся в сумерках назойливой мошки.

Все мы стучим потемневшими липовыми ложками. Дед Маркиан других не признаёт. После инсульта пятилетней давности его правая рука чуть усохла, а левой он управляется не слишком ловко, от того и любит лужи, которые не нагреваются и не обжигают. «Гости к нам не ходят, потому бесовских приборов не держим», – буркает Деда мне в ответ на вопрос о том, где же вилки.

После ужина и кружки чая на семи травах сказка продолжается. Димка и Алёнка сидят на кровати, их ноги укрыты вязаным пледом – единственным наследством прабабки Устины.

– Как добрался Пахомий до Мангазеи, дровенки волшебные назад к Топтыгину уехали. А в поселении казаку обрадовались, – прихлебывая чай, молвил дед Маркиан, – раз удалец, по изволу³ Божьему, жив остался, следоват, пользу он принесёт превеликую. Так рассудил атаман Мангазейский и повелел селиться казаку не на отшибе, а в самом что ни на есть центре города.

¹ Плачут.

² Утро.

³ Усмотрение.

Дороги в Мангезее – широченные: три быка пройдут рядом и ярмами не зацепятся. Терема в Мангезее – высоченные: захотит пчела на верхний этаж залететь и на булку с маслом сесть – уморится и без сил упадёт. Стены вокруг города толстенные, а в башенках сидят пушкари с пушками и во все глаза смотрят: не идет ли ворог с горячим гостинцем.

Перезимовал казак на новом месте, быстро освоился: соболина торговля да водка. Ничего сложного. Иногда нанайцы кости мамонта приволокут – товар знатный, да и редкий. Нагрузят казаки рухлядь и костью свои кочи и ждут попутного ветра. Одному Пахомию не сидится на месте, он и не любит он попутных ветров ждать, скука его одолевает. Прознал он от нанайцев, что есть дальше Мангазеи земля заветная, только не найти её на картах и в описаниях навигацких. И путь туда только по суше, кабы знать, какой. Сказывали ему нанайцы, что богатства несметные в горах запрятаны. Золото в руки, как блин на сковородку выливается, а дорогу туда одни лишь шаманы знают. Был у нанайцев один шаман-пьяница беспробудный. Задолжал он казакам денег за водку, привязали они его к нартам, словно собачонку. Отпросился Пахомий у атамана как бы на откуп, шамана выкупил да и двинулся в путь-дорогу на собачьей упряжке, на тех же нартах шаманских. Путь их лежал к рубежам другого мира, через тайгу и тундру, к замёрзшему золоту.

Я видел, что под мерный говор деда Маркиана уставший за день Димка свалился на бок и задремал. Алёнка тарачила глазёнки, силясь не заснуть. Очень уж ей хотелось узнать, чем кончились приключения Пахомия. Я снова подогрел чайник. Деда примолк и стал колдовать с травами. Я развалился на лавке, разморённый ужином и уютом старого дома. Почти в углу избы в матицу Деда в молодости вкрутил кольцо для очеп⁴ и когда-то повесил детскую колыбель. В колыбели той качала бабка Устинья моего отца и трёх его сестёр. Все они сгнули на Великой Отечественной, которая не разбирала парень ли, девка, помор или кавказец, русский или чуваш. В этой же колыбели качала меня моя мать – Настёна, умершая от туберкулёза, когда мне было десять. Я воспитывался дедом Маркианом и отца помнить не мог, потому что родился в 1942 году. Школа – голодное детство, реальное училище – полугодовалая юность, армия – относительная сытость и заочный педагогический институт... И всегда со мной были дедовы бесконечные байки, рассказы и прибаутки. Не пришло мне в голову записать их. И теперь я посмеивался над Дедой, видя, что он стареет и становится ворчливым и вспыльчивым. Спустя много лет вспоминаю я себя, как тот очеп без колыбели.

– Собаки шустро бегут по тундре, дорогу к горам Бырранга хорошо знают. День бегут, два бегут, на третий устали. Легли полукругом перед нартами, как щит мохнатый. Сверху над тундрой ветер, снизу под тундрой гул. Спят собаки, шаман спит, а Пахомию не спится. «Ветер, ветер, – говорит он, – отчего ты в лицо дуешь, собакам бежать мешаешь». А ветер ему и отвечает: «Я вам навстречу дую, показываю, куда нарты поворачивать». Смекнул Пахомий, что ветер их от Бырранга прогоняет. «Нет, – думает казак, – Соловки меня не уморили, бабы пинежские не захомутали, медведь в тайге не съел, Мангазея не подкупила, ветра не убоюсь». Видит Пахомий, что шаман одним глазом на казака посматривает. Осерчал казак: «Ишь, хитрован, чего удумал? Быстро сказывай, что у тебя, чёрта узкоглазого, на уме?» Молчит шаман, притворяется спящим. Тряхнул его Пахомий за кухлянку вышитую, а из неё ворон вылетел, закаркал. Глянул казак кругом – не нарты под ним, а камни чёрные, а вместо собак – требушина гнилая. Горы кругом – сколько глазу видать, ни пути – ни следа. Кружал-кружал по щельям, а выхода нет. И ночь уж настаёт. Понял Пахомий, что шаман обманул его, наверняка душу его христианскую на золото для себя выменял. Сел казак на горячий камень и тужит.

Дед Маркиан, заметив, что и Алёнка уснула, со вздохом поднялся, укрыл одеялом правнуков, мне на лавку кивнул. Сам залез на печь, которую топил и летом. Вскоре мы уснули.

Утро на Карпогорах занимается рано, и я отвык от этого, как от светлых ночей и сумеречных дней, неярких, берегущих глаза, словно окутанных дымкой тайны. Дед Маркиан собирался, гремя ведрами, на рыбалку, но по наезженной колее тряслась «буханка», добираясь на нашу окраину деревни. Водитель что-то крикнул деду, тот всплеснул руками и забежал в дом.

– На ферму надо, – бросил он мне, – не до рыбалки.

И хотя дед уже лет десять как не работал, в самые трудные случаи за ним приезжали. Я ничего не стал спрашивать, а только накинул телогрейку и вышел следом. Дед Маркиан сел в «буханку», и она, подняв столб пыли, уехала.

Я пошёл рыбалить вместо деда, но удача мне не улыбнулась. Несколько окуней и две плотвички – больше разговору, чем улову. Вернувшись, я застал детей спящими. Почистил рыбку, сварил уху, не дождавись деда. Алёнка и Димка проснулись от запаха свежего супа, Алёнка шустро села на скамейку и стала жевать магазинный укроп. Димка зевал и оглядывался.

– Деда где?

– На ферму уехал.

До обеда маялись, ждали. В обед стало понятно, что неприятности не отпускают деда Маркиана домой. Возились по хозяйству, я устроил постирушки, тревожно поглядывая на дорогу. Деда приехал только к ужину, молча зашёл в избу, выпил воды из ковшика, снял кепку и утёр лоб.

– Дела не будет с этим ветеринаром, уже двух нетелей⁵ сгубил, а теперь и первотёлка издохла родами.

– Что делать? – глупо спросил я, видя расстройство деда.

– Дело будет уголовное. А какое тут вредительство, если человек – просто дурак?

⁴ Шест для люльки или иной рычаг.

⁵ Молодая телка.

– Деда, Деда, – стал дёргать старика за рукав Димка, – а мы уху без тебя варили. Сказку расскажи дальше.

Расстроенный дед Маркиан махнул рукой и пошёл в дом. Похлебал остывшего рыбного супа, приговаривая, что повар из меня, как из денщика генерал: погоны видал, когда к кителю пришивал. Я помалкивал, видя, как расстроен дед. Алёнка и Димка сидели рядом, смотрели, как дед ест и вытирает ложку о хлебный мякиш. После двух чашек чая дед подобрел.

– А до конца сказки недолго добрести осталось, – неожиданно улыбнувшись в желтоватые усы, ответил Димке дед Маркиан. – Сидит казак на камне, кручинится, а в голенище ему мышка малая юркнула. Начал Пахомий ногой дрыгать да вытащил мышь за ейный хвост. Оказалось, то не мышь, а сибирская животинка, по прозванию – пеструшка, а по-научному – лемминг.

«Чего это ты в сапог мой залезла?» – спросил Пахомий, а пеструшка ему и отвечает: «Проверяю, нет ли у тебя копыта!». Удивился казак, откуда могут копыта быть, а пеструшка снова говорит: «Тут нога ничейна сроду не ступала, только копыто. Овцебыки тут ходят да мыши».

– Деда, а разве бывают мыши с копытами? – смеётся Алёнка.

– Чего на свете божьем не бывает! – назидательно говорит дед Маркиан. – У леммингов этих на пальцах когти сильно разрастаются, лапки сходные с копытами становятся. Оттого и следы они оставляют приметные на снегу.

И тут я вижу не хитрого старика-сказочника, а старого врача-ветеринара, который запросто о любом зверьке, домашнем или диком, любую историю расскажет, достоверную и обоснованную. Становится мне от этого теплее на душе, словно проглянул из старика мой дед молодой, который всему учил меня, алгебру проверял да подзатыльники отсыпал за леность.

– Призадумался казак, – продолжает дед Маркиан, – что за место такое бесовское, что даже мыши с копытами? А пеструшка смотрит и усами шевелит: «Поведу я тебя, бескопытный, к нашей королеве, пускай решает, что с тобой делать». Поспешил Пахомий за пеструшкой. Он раз шагнёт, а пеструшка двадцать шагов делает. Нелегко казаку: под ногами угли горят, чад стоит. Бежит, а сам посматривает: что за горы такие? Снега ни крупницы, облака на вершинах висят паутиной, дымок всюду вьётся. Привела пеструшка Пахомия на самую высотную гору. Свистнула, а откуда ни возьмись – мышиное войско выстроилось. Все как на подбор: шубки рыжие, пузки серые, на спинках у каждой пеструшки полосочка. А в серёдке у них на золотом стульчике королева сидит. Лапки на пузичке сложила и на Пахомия глазками-бусинками смотрит. «Ну, здравствуй, бескопытное создание. Кто таков? С чем пришел? Убить или наградить тебя?» Набрался Пахомий храбрости и говорит: «Человек я не худой, не добрый. Глупый, пожалуй. На золото дармовое позарился, да шаману в обман попал. Ты меня не убивай, а так отпусти». Понравился королеве его ответ, и шмыгнула она ему в карман. «Неси, – говорит пеструшка, – меня в свой терем, буду тебе женой верной, со мной не пропадёшь. Вот такой мой ответ». Растерялся Пахомий, что сказать не знает. Сроду у него мечты такой не было, чтобы в жены пеструшку копытную взять, хоть и королеву.

– А, я такую сказку знаю! – махнул рукой Димка, – царевна-лягушка называется. Они поцелуются, и оборотится пеструшка девицей-красавицей. И будет пир на весь мир.

Алёнка толкнула в бок Димку, а дед Маркиан посмотрел укоризненно, как бы говоря, что замечание Димкино совсем уж не к месту. Я кашлянул и подлил чайку в кружку деду Маркиану.

– Делать нечего, казаку Пахомию надо из Бырранги выбираться. Пошёл он между скал, а королева из кармана ему путь указывала. Идёт и причитает: «Хотел погуще, попал ещё пуще, а жижу я и дома вижу». Миновали они горы да ущелья, вышли в тундру. Чует Пахомий, а с каждым шагом ему всё тяжелее и тяжелее идти. Никак не поймёт, в чём дело. Глянул на кафтан: батюшки! Пуговицы на ём золоченые в два ряда, сам кафтан кантом золотым расшит. Шапка на казаке теперича из золота, голенища сапог – и те золоченые. Сделал Пахомий несколько шагов, да и силы его покинули. Несподручно на себе пуд золота ташить. А пеструшка хихикает: «То ли ещё будет!». Глянул Пахомий, а неподалеку упряжка оленья стоит. К ней привязаны сани золочёные, камнями усыпанные. Сел Пахомий в сани, а пеструшка – прыг из кармана и машет ему лапкой: «Прощевай, казак, не поминай лихом!». Удивился Пахомий неожиданному повороту. «Нельзя мне, казак Пахомий, владений своих покидать, – говорит ему королева, – каждому своё. Тебе за храбрость да удал – награда, а мне домой пора. Да и не могу я за бескопытного замуж выходить, засмеют». Сказала так и лишь хвостиком махнула.

Пахомий печалиться не стал от невестинной потери, донесли его олени до самой Мангазеи. Глазом не успел моргнуть. А уж из Мангазеи на первом коче вернулся в Пинежье. Богатый, нарядный, и нос в табаке.

– Деда, – схватила за рукав деда Маркиана Алёнка, – а я думала, что Пахомий на пеструшке женится!

– А зачем ему чужеземная невеста? – спросил неожиданно сурово дед Маркиан, – приглядеться если, то у нас в Пинежье своих красавиц полно. Конопатых, с красными бантами!

Спустя много лет я понимаю, что в рассказах моего деда, то монотонных, то летящих вперёд на всех парусах, не было ни логики, ни цели, но от того они не делались менее интересными и не утрачивали своего очарования. Я жалею, что посмеивался и качал головой вместо того, чтобы переложить истории на бумагу. Не ручаюсь, что сказка про пинежского казака была точно записана. А Елена и Дмитрий часто потом гадали, откуда у деда было в запасе столько побасенок и историй, сам он их придумывал или собирал по округе. Спорили, отчего уже не найти таких сказочников. То ли ушли они вместе с деревней и её бытом, то ли в сказках теперь нужды нет вовсе. А самое главное – никто из них не знал, чем бы побасёнка закончилась, не случись беда на ферме и не скажи Димка деду про лягушку-царевну...

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Бодинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижаль» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

Мама

Рассказ

Дача. Июль. Солнечный полдень, на беззаботно-чистом небе ни облачка, и зелень яблонь и крыжовника кажется янтарной, как если смотреть сквозь осколок пыльного бутылочного стекла. Над банкой засахарившегося сливового варенья вьются настырные осы.

Я сижу в огромном алюминиевом тазу. Мне два года. На поверхности воды прыгают задорные утята – ярко-жёлтые, с красными клювами. Пахнет клубникой, она прыгает вместе с утятами в том же тазу. Хаотичный прыгающий танец клубники и утят создаю я: хлопаю по воде ладошками, подпрыгиваю на попе и смеюсь.

Я слышу жужжание шмеля. Мама ласково поглаживает меня по головке и тоненько смеётся над тем, как я пытаюсь ухватить губами уплывающую ягоду. В её глазах столько любви, что хватит для того, чтобы спасти весь мир. Если рай и существует, то, наверное, он именно такой.

Мне три года. На гладкой клеёнке стола разложены синие, красные, жёлтые треугольники и квадратики разного размера, вырезанные из цветной бумаги. Мы играем с мамой в мою любимую игру «Сложи квадрат». Собрать квадрат из четырёх маленьких квадратов легко и просто. Собрать квадрат из кучи маленьких треугольников – это целый квест. Я высовываю язык от напряжения, рассматриваю кусочки, перекалдываю, меняю их местами, тороплюсь, ошибаюсь, снова меняю местами. И вот он – собранный квадрат! Я подпрыгиваю на стуле, смеюсь и хлопаю в ладоши. Мама улыбается, и сразу расцветают морщинки, как солнечные лучики, по бокам её ласковых глаз.

Мне пять лет. Мама лежит на диване, над её головой светящийся стеклянный колокольчик – хрупкий ночник. Я сижу у мамы на спине и расчёсываю гребешком мамины волосы, плотные и блестящие. Под светом лампы волоски похожи на медную проволоку. Волосы пахнут мамой. Кожа пахнет мамой. В комнате пахнет мамой – её сладковатым мускусным запахом, смешанным с ароматом крема «Тик-так». Я обожаю расчёсывать её волосы. Мама задорно поёт «Я на солнышке лежу». Я подпеваю, не попадаю в ноту, стараюсь петь как можно громче. Мне уютно, легко и хочется летать.

Мне шесть. Мы с мамой стоим среди пахнущих пылью деревянных библиотечных полок и выбираем книжки. Мама обожает читать, и я тоже. Моя любовь к книгам зародилась от любви к маме. У нас традиция: перед сном мама читает мне что-нибудь интересное. И я каждый раз с головой проваливаюсь в сказочный мир, как Алиса в кроличью нору. Улетаю вместе с Элли и Тотошкой в Изумрудный город, путешествую вместе с Алисой Селезнёвой на другие планеты, смеюсь над проделками Тома Сойера или Эмиля из Леннеберги. Я уже умею читать сама, но мне хочется, чтобы мама посидела со мной и почитала. Смотреть на маму, следить за её меняющимся выражением лица, видеть, как поднимаются и опускаются брови, слышать её ласковый голос – вот моё маленькое счастье.

Просыпаюсь утром и вспоминаю, что сегодня мой день рождения – мне исполняется семь. Теперь я старше Кати, Ани и Юли. Интересно, что мама мне подарит. Может быть, новую куклу барби с кудрявыми волосами? А может, плюшевую собаку, которая поёт песенку? Или книгу про розовую кошку-хромоножку, нарисованную на асфальте мелом, и тётушку Кукурузу?

Целый день верчусь на кухне, лезу помогать маме с праздничным столом. Мама делает торт из покупных коржей, крем готовит сама из сливочного масла и сгущёнки. Ножки миксера кружатся так быстро, что сливаются в один белый жужжащий улей. Когда крем готов, мама даёт мне облизать холодные ножки миксера, и я вдыхаю ванильный аромат, зажмуриваюсь от удовольствия, когда на мой язык попадает мягкое, тающее, сливочно-сладкое. А ещё мама замешивает фисташковое мороженое из порошка в пакете. По вкусу такое мороженое на фисташки совсем не похоже, а по цвету напоминает салат. Вполне съедобно. Правда, оно хрустит льдинками на зубах, как прозрачные кубики на дне стакана с газировкой, но мне так даже больше нравится.

Пока готовим стол, меня съедает любопытство: что же мама мне подарит?

Вечером начинают собираться гости. Сначала приходят бабушка с дедушкой. Бабушка протягивает мне большую картонную коробку, перевязанную блестящей лягушачье-зелёной лентой. Отрываю, а там она! Я хотела эту куклу давно – влюбилась, увидев её в магазине. Лиза почти с меня

ростом, у неё две белокурые косички, открываются и закрываются глаза. На ней голубое кружевное платье – мечта!

Я прыгаю на диване и смеюсь. А что, интересно, подарит мне мама?

После бабушки и дедушки приходит мамина подруга тётя Наташа с дочками – Юлей, Катей и Аней. Тётя Наташа вручает мне белого мягкого зайца. У него дружелюбная улыбка, два ровных плюшевых зуба, в лапках – морковка, а сзади – пушистый помпончик хвоста. У зайки доверчивые чёрные глазки – так и хочется их потрогать. Они выпуклые, блестящие, гладко скользят в пальцах.

Пока взрослые разговаривают и пьют чай, мы с девочками играем в Лизу и зайца – знакомим их со старыми игрушками: Мальвиной, Буратино, двумя Барби и Кеном. Я играю, а сама краем глаза наблюдаю за взрослыми. Интересно, что мне подарит мама Леннеберги.

За окошком виден светящийся месяц, такой же, как в передаче «Спокойной ночи, малыши!». Мне очень хочется посадить на качели полумесяца нового зайку с куклой Лизой и покачать.

На настенных часах стрелка уперлась в цифру 9, тётя Наташа напудрила нос и подкрасила губы вишнёвой помадой, позвала Аню, Юлю и Катю, и они ушли. Бабушка с дедушкой поцеловали меня и маму и уехали к себе домой.

Неужели мама ничего мне не подарит? Но как так? Может, она просто забыла? Нет, этого не может быть.

Я сижу рядом с зайцем и куклой, которые перестали быть новыми – ведь мы в них уже поиграли. В моей голове роятся грустные думы. Я вздыхаю, то и дело исподлобья посматриваю на уставшую за день маму. Зевая, она прикрывает рот рукой, убирает со стола грязную посуду и относит её на кухню. Я обиженно цежу сквозь зубы:

– Ты мне ничего не подаришь?

Мама медленно оборачивается. Её брови уже так высоко, что, кажется, ещё немного – и они подпрыгнут до потолка.

– Как так – ничего? Я весь день готовила для тебя вкусный стол, пригласила гостей, сделала дома уборку. Разве это не подарок?

– Подарок, – неуверенно согласилась я.

Глаза щиплет, а губы солёные от слёз.

Мама стоит в растерянности. Немного подумав, она открывает дверцу шкафа и вытаскивает маленькую, с ладонь, проволочную собачку. «Вот, держи», – мама протягивает мне собаку. Собака смотрит на меня приклеенными бумажными глазами. Один глаз выше, другой ниже. Шерсть на проволочной спине собачки кажется ржавой, как застоявшаяся вода в дачной канаве. Я убегаю в детскую, утыкаюсь лицом в подушку и рыдаю.

Мне восемь лет. Жаркий майский полдень. Пот стекает ручейками по моей спине и по лбу. Мы едем на машине на дачу. Мимо пробегают ёлки, берёзы, а поле всё жёлтое, в одуванчиках, как в вылупившихся цыплятах. Папа за рулём нашего старенького москвича, насвистывает очень знакомую мелодию, рядом с ним сидит бабушка, на коленях у неё переноска с котом Рыжиком. Мама и я на заднем сиденье. Я прижимаюсь к маме, кладу голову ей на колени. Мама отстраняется, обмахивается журналом «Бурда», как веером:

– Ну не прижимайся, мне и так жарко.

В моём горле застревает комок обиды. Я отодвигаюсь, поворачиваюсь к окну и всю дорогу молчу.

Мне двенадцать. У меня несчастная любовь, к тому же вскочило пять прыщей, а главное – мне не разрешают ходить на театральный кружок, потому что четыре двойки подряд по алгебре. Мне глубоко наплевать, в чём разница между квадратом разности и разностью квадратов. Но мне далеко не всё равно, как Саша на меня смотрит, в какой цвет покрасить волосы и ногти. Я не хочу жить и подолгу молча, подперев щёку кулаком, смотрю с высоты пятого этажа на белёсые, будто посыпанные мукой кусты и асфальт. Моя соседка по лестничной клетке, рыжая полоумная Катька, на прошлой неделе, выпив водки, выбросилась из окна. Я видела, как внизу сбежались люди, как приехала скорая и увезла Катьку. А я так смогу? Я вспоминаю, как в книге «Преступление и наказание», которую я недавно прочитала, Раскольников пытается понять: «Тварь я дрожащая или право имею?». Ставлю ноги в тапочках на промёрзший пол открытого балкона. Пол покрыт прозрачным льдом, и моя нога скользит, съезжает к дырке между полом и перилами. Нет, не могу.

Мне тринадцать. В школе одни проблемы. Вызвали родителей к директору. Дома очередной скандал. Глаза матери сузились, превратились в две щелки, как у ядовитой змеи. В руках отцовский ремень, которым так и не воспользовалась.

– Зараза! Убила бы! – кричит мать и машет ремнём, а во мне с каждой секундой зреет решимость. Я поворачиваю ручку балконной двери, босиком, в лёгком платье вбегаю на скользкий балкон. Меня душат обида и боль, и я сквозь слёзы выдавливаю: «Я не хочу жить! Я никому не нужна, меня никто не любит!». Мама замолкает, лицо её становится таким, как будто ей дали пощёчину. Она как была, босиком, бежит ко мне и, стоя на ледяной плитке, прижимает к себе и шепчет: «Ты мне нужна. Я тебя люблю»...

Мне девятнадцать лет. Я собираюсь на новогодние каникулы с турклубом в поход – на заснеженный Эльбрус. Стою в штормовке и трекинговых ботинках, рядом с рюкзаком, который выше меня. Мама смотрит очень внимательно, тербит чехол от телефона. В её глазах тревога и боль, как у брошенной хозяйками собаки. Мне становится её жалко.

- Напиши, как в поезд сядете.
- Хорошо, мам.
- И дай мне телефон вашего руководителя.
- Ладно.
- И напиши маршрут, куда вы идёте.
- Ну а это ещё зачем? – удивляюсь я.
- А чтоб я знала, где потом твои кости собирать.

Мне уже тридцать. Это страшно много. Но мама говорит, что если иногда послушать, что я несу, то мне можно дать максимум лет пять. И улыбается своей хитрой, с прищуром, улыбкой – так улыбается только она одна.

Как-то я приехала к маме в гости, мы сидели на кухне, болтали. У мамы замычал телефон, и робот женским голосом произнёс:

– Здравствуйте, мы звоним от вашего сотового оператора, хотим улучшить оборудование, так как в последнее время выросла нагрузка... Скажите, из какого вы города?

Мама подмигивает мне и медленно, по слогам произносит:

– Йо-кна-па-то-фа.

Я зажимаю рот рукой, чтобы на том конце не было слышно, как я смеюсь.

– Простите, я вас не слышу.

– Йокнапатофа, – повторяет мама громче.

Пауза. Короткие гудки. Тишина.

Мне вспомнился эпизод из фильма «Отроки во Вселенной», где дети задавали роботам простой вопрос про А и Б, которые сидели на трубе, и роботы ломались.

– Искусственный интеллект Фолкнера явно не читал, – мама улыбается, и сразу расцветают морщинки, как солнечные лучики, по бокам её еловых глаз.

Мы сидим на кухне, задорно свистит на плите чайник. Мама держит в тонких пальцах, чуть отставив мизинец, фарфоровую чашку из чешского сервиза, пьёт маленькими глоточками медно-коричневый чай пуэр. Мы говорим про Фолкнера, смеёмся, и наша неторопливая беседа плавно утекает в приоткрытую форточку, в сизую ноябрьскую ночь.

Я грею руки о бока пузатой чашки и думаю о том, что если рай и существует, то, должно быть, он именно такой.

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

г. Вологда

Чернышёва (Чиркова) Светлана Николаевна. Родилась в 1979 году в селе Биряково Вологодской области. Окончила ВГПУ. В настоящее время работает в областной детской библиотеке. Публиковалась в литературных газетах (Вологда, Архангельск), в альманахе «Российский колокол», в журнале-студии «Листва», в журналах «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Страна озарения», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь». Является одним из постоянных авторов журнала «Северо-Муйские огни».

Динка, Зинка и другие

(из цикла «Недетские истории»)

Мечты сбываются

Всю ночь я не спала. То сваливалось одеяло, то сползала я следом. Солнце давно заглядывало в окошко, можно сказать, завтра уже наступило, а вот дня рождения нужно было подождать. Да что там день рождения? Он каждый год по одному сценарию: сладости, игрушки, карусели на Садовой. Главное... приедет бабушка! Я даже подпрыгнула в постели от восторга. А потом глаза закрыла и представила, как бабушка уже едет в электричке и гладит котёнка. Вероятно, он сидит в сумке и иногда высовывает голову – интересно всё-таки осмотреться по сторонам. Эта мысль так увлекла, что я уснула...

Проснулась – в дверь звонят. Сначала, конечно, подумала, что это будильник. И сегодня не воскресенье, а понедельник. Ну, бывает спростонья. Вскочила, натянула школьную форму и побежала чистить зубы, а навстречу – бабушка! Только ни сумки в руках нет, ни ящика или коробки, да и никаких следов кошачьей жизни... Я тут же заревела. Слёзы по щекам размазываю и слышу: «мяу-мяу». Неужели у бабушки в кармане поместился или за пазухой? Главное, он здесь. Серый комочек с беленьким ушком, вислоухой породы. Вот это счастье! Лучше не придумаешь.

Пушистый крокодил

Вы умеете кормить котёнка? Да это проще простого. Сначала покупаешь в магазине большую сардельку или несколько маленьких сосисок. Ну, если есть деньги в копилке. Можно, конечно, и у взрослых попросить, но они выберут для твоего пушистого друга что-то маловкусное, например, кефир, несладкий такой, с комочками. Сосиска – совсем другое дело. Да и сарделька тоже. Вот и остаётся одно – трясти копилку. И только я оказалась на улице, направилась в магазин, как навстречу мне Зинка, девчонка из соседнего дома, которая вечно синяками украшена. То на лбу, а то под глазом. В общем, она потихонечку всё и выпросила. Долго я сопротивлялась: делала вид, что тороплюсь куда-то. А деньги в карманах брякают, вроде музыки на телефоне, который месяц назад я потеряла.

– Слушай, – говорит Зинка, – пошли в пионербол играть, наши проигрывают.

Я, конечно, не поняла, кто «наши». Но если мы с Зинкой поучаствуем, то игроки проиграют уж точно. Потому что, когда мяч в нас летит, мы прямо в траву падаем, или в грязь, или в снег... как получится, в общем. Тем и отговорилась. Только она не успокоилась:

– Пойдём тогда Кольке язык покажем.

– Зачем, – говорю, – его итак «ходячей энциклопедией» обзывают. Когда на улице встречаю, все правила по русскому вспоминаются, и суффиксы, и приставки, и даже «не» с глаголами. Карту географическую вижу вживую: вот Африка, а здесь, – я широко развела руками, – Евразия. А если мы его обижать будем, взрослые скажут: «Какие глупые девчонки, правильно Колька сделал, что не стал с ним связываться!».

Зинка от таких моих размышлений даже побледнела:

– Значит, умник, а зачем он у меня спрашивал кличку самой большой реки мира?

– Не кличку, – поправила я с достоинством, – а географическое название.

И тут меня осенило. Как назвать-то серого котёнка? Может, Барсиком? Смех, да и только, он такой из себя породистый, а я ему дворовое имя придумала. Лучше уж Серопушориус! Хотя... наверное, и слова такого не существует. А котёнок есть, и он у меня дома, в коробочке на тёплой подстилке спит. Вдруг слышу: «Тима, Тима, Тимофей!» – это Зинкина бабушка младшего её брата окликает. И тут я мигом определилась. Пусть и человеческое имя, зато на Котофея похожее. И мы вместе пошли в магазин, на свою беду туда и Колька заявился. У прилавка встал и что-то высматривает.

– Это, – говорит Зинка, – он вид делает, что нас не замечает, чтобы обошлось...

Дальше я с ней разговаривать перестала. Вечно она задирается. А я не хулиганка. За всю жизнь только два раза стекло мячом разбила, да и то на спор, что попаду. Да ещё «бе-бе-бе» малознакомой овчарке сказала, она меня тут же и наказала – укусила за указательный палец... В общем, пока я колбасу покупала, Зинка к Кольке привязывалась.

– Знаешь, – говорит, – какой у Динки зверь дома? Сказала и зубы оскалила для устрашения.

– Не знаю, – отвечает Колька, – может, крокодил африканский, ты сейчас на него смахиваешь.

– Нет, – завелась Зинка, – не африканский, а страшнее, вертуханский, с опущенными ушами.

– Неправда, – поправляя очки, сказал Колька, – ушей не может быть, какой бы ни был породы!

Он готов был под прилавком проскочить, лишь бы от Зинки смыться, но она его за капюшон схватила. А тут и я с большой палкой колбасы подошла. Денег в копилке хватило. Решила: куплю, потом два года за кошачьей едой ходить не буду.

– Это для него, для Динкиного зверя! – говорит Зинка. – Видишь, сколько съедает за раз! А когда подрастёт, то мы его гулять будем с собой брать!

Колька постоял-постоял, с капюшоном в Зинкиных руках, и вдруг, ни с того ни с сего:

– Я тоже крокодила заведу, доброго, с гармошкой. Знаю одного аниматора... Он как заиграет, ваш вмиг начнёт на одной ножке подпрыгивать!

– Здравсьте, – говорю, – и с чего это мой Тимофей станет прыгать под чужую гармошку!

Тут Колька окончательно вырвался из Зинкиных рук, но меня это мало волновало. Мы обе погнались за Колькой, сначала вдоль прилавка, туда-сюда, потом до самого моего дома. А там мы уже помирились, так что в квартире моей он раньше меня очутился.

– Вот, – говорю, – смотри, кого ты обзываешь!

Мой котёнок как раз проснулся и выглядывал из коробочки.

– Милашка! – согласился Колька.

В общем, колбасой накормить котёнка Колька не дал. Оказывается, Тимофею целый месяц можно только тёплое молочко лакать. И я не расстроилась, потому что колбасу сама люблю. И Зинка, оказывается, тоже. Да и Колька от бутерброда с «Докторской» не отказался. Ел и приговаривал: «Всё-таки вкусную колбасу делают колбасные мастера»...

В школу

Не всегда мне хотелось идти в школу вместе с Колькой. А что делать?.. Учились в одном классе, да и сидели за одной партой... Такое решение проблемы с моей неуспеваемостью пришло в голову Марье Митрофановне. Будешь сидеть с Колькой – появятся в дневнике пятёрки! Списывать на уроках – это ещё ничего, почерк у Кольки разборчивый, да и своей головой думать не нужно. А что делать с ним... по дороге в школу? Если бы он согласился ворон со мной попугать или в классики

попрыгать, так нет – все два километра до школьного крыльца бубнит под нос правила, теоремы и географические названия. Я даже папе на него пожаловалась, и он меня обрадовал:

– Ты что, очень даже неплохо! Учить дома ничего не придётся, Колька по дороге всё расскажет.

Взрослые плохого не посоветуют, тем более папа. И я очень быстро в этом деле поднаторела. С утра, сами понимаете, голова свежая, вот забыть и не успеваю. Два километра ведь не двести. Главное, первой руку поднять, чтобы к концу урока из головы знания не вылетели. А на обратном пути уже я Кольку тренировала – по физкультуре. Нужно ему и там в отличники выбиваться, а то иметь четвёрку за прыжки совсем уж стыдоба. Вот и прыгали мы через кирпичи, и скамейки, и всё, что на пути встречалось. Пока я замечательную лужу не увидела! В жизни таких грязных и огромных луж не встречала!

– Не буду, – говорит Колька, – прыгать, слишком широкая.

– О чём разговор! Хочешь четвёрку за четверть получить, так получай!

И, разбежавшись, вмиг я эту грязюку перескочила, только Кольку чуть-чуть обрызгала: на лбу две капли да на шапке немножко побольше. Колька отряхивался совсем недолго, через две секунды в середине лужи очутился. Лучше бы стоял на месте и нравоучения бормотал!.. А что теперь? Нужно его из лужи выволочить. Во мне сразу что-то горячее забулькало, как в чайнике, даже щёки покраснели. Вот, думаю, навязался на мою голову. Наверное, он специально в грязь прыгнул и в сапоги зачерпнул, чтобы я его потом спасала и домой вместе с портфелем доставляла.

А nasledующее утро худшее началось. Колька Сидоров, который в жизни не болел, потому что уроки пропускать не любил, на больничный завалился. Ну а мне каково? Правил не знаю, да и списать не у кого. А Марья Митрофановна, как назло, на первом же уроке прямо ко мне:

– Расскажи нам, Дина, правило про суффиксы.

– Нет, – говорю, – я лучше про безударные гласные и частицу «не» с глаголами... А новое из головы вылетело.

– Вылететь могло, если бы в твою голову залетало. Придётся ставить двойку. Хотя давай так: с каким суффиксом – «ек» или «ик» – слово «листочек» пишется?

Тут я поняла, почему правило напрочь не помнила. Вчера, когда Марья Митрофановна про листочек объясняла, я его за окном увидела, он самым первым на черёмухе распустился. Как же я могла про него забыть?

– Вот он, Марья Митрофановна! Самый первый появился, весну предвещает.

– Не весну, а двойку по русскому.

Тут я мысленно к листику обратилась: «Если суффикс «ек», то махни мне»... И он колыхнулся, сильно так!

– «Ек», – говорю, – суффикс.

– Хорошо, – соглашается Марья Митрофановна. – А в слове «ключик»?

Я в карман глянула – нет ключика. Видимо, я его в дверях забыла, растяпа. Как же я домой буду возвращаться? Так расстроилась, что даже икать начала: «ик, ик, ик»...

– Ладно, – говорит учительница, – можно четвёрку поставить, но правило завтра всё равно спрошу.

А я всю большую перемену ключи в рюкзаке искала. И нашла, к счастью. В пятом кармане слева.

Прятки

Каждое утро мы с Тимофеем носимся как угорелые взад-вперёд по квартире. То под столом проскочим, то на стиральную машину запрыгнем. Я по спортивной лестнице карабкаюсь, а кот – по занавеске. Над нами можно два часа смеяться без передышки... Только с утра где возьмёшь столько времени? Родители на работу собираются. Мама, например, губы красит красной помадой, а папа шнурки разыскивает, которые вчера Тимка грыз, так что пришлось спрятать... от беды подальше. В конце концов, кроссовки-то он не съест. А то я книжку читала, ещё в первом классе, где звери к ужину просили дюжину прекрасных калаш. Так что Тимка ещё ничего, по сравнению... Я вообще его самым лучшим в мире считаю!

И мы принялись играть в прятки. Он маленький, поэтому спрячется в два счёта. И удаётся ему каждое утро куда-то залезть, так что я только к обеду его нахожу, когда из школы возвращаюсь. То ли он такой способный, то ли я абсолютно невнимательная. Так я думала, пока в школу бежала. А в классе портфель открыла и сразу нашла.

– Ты что, – зашептал Колька, – с кошками на уроки не ходят!

– Сама знаю, но куда его теперь-то девать?

– А ты его закрой в портфеле, только щёлочку оставь... чтобы воздух поступал.

А тут звонок прозвенел. Пришлось послушаться Колькиного совета и спрятать Тимку от Марьи Митрофановны. Только котёнок сидел смиренно примерно пятнадцать секунд, а потом принялся вместе с портфелем прыгать.

– Почему портфель на проходе валяется? – закричала Марья Митрофановна. – Быстро поставьте его возле парты, а лучше – на специальный крючок повесьте. Третий класс или ясельная группа?

Портфель я, конечно, словила. А то ещё чуть-чуть, и он в «живую шляпу» превратится, как в рассказе Носова. Того котёнка картошкой закидывали, когда он под шляпой носился. Если бы такое с моим Тимкой случилось, я бы с ума сошла!

Пока учительница новую тему объясняла, я так волновалась, что карандаш в руках скрипел, когда я им подчёркивала. И тут из портфеля мяуканье донеслось. Этого ещё не хватало!

– Потрясающе! – окончательно рассердилась учительница. – Неужели телефонный гудок нельзя отключить?

С соседней парты Милкин голос:

– Марья Митрофановна, у неё телефон новый, поэтому она с ним обращаться не научилась. Старый-то месяц назад в сугробе потеряла.

Откуда она знает, если я, кроме Кольки, никому не рассказывала? Я сразу захотела ему подзатыльник отвесить. Только Марья Митрофановна меня домой отпустила, чтобы я там телефон оставила. Ужасно я обрадовалась и даже Кольку простила.

Милка

Вчера домой я шла вся несчастная и одинокая. Хорошо, ещё Зинку встретила и пожаловалась, что Колька в Милку влюбился.

– Как это, – удивилась Зинка, – а мы-то в кого влюбляться будем! Ой, почему ты за ним не присмотрела? Всё-таки с ним за одной партой сидишь!

– Сидела, – говорю, – а сейчас меня Марья Митрофановна пересадила к Иголкину, хулигану. Сначала я даже обрадовалась – будем вместе уроки срывать. А после Колька стал Милку провожать и портфель ей вместе со своим на спине таскать, как двугорбый верблюд, вот я и расстроилась.

– Ну, давай тогда Кольку спасать! Терпеть не могу эту Милку, вместе с её косичками. И туфли у неё на каблукках дурацких... Вот только лужи просохнут, опять ими стучать на всю улицу станет.

– Да-а, – соглашаюсь я, – только что тут сделаешь? Красота – страшная сила!

Ну вот, мы шли и шли, вдруг откуда-то Зинкина мама появилась. И Зинка сообразила выпросить... из своей школы в нашу перейти. Что наша школа лучше, я подтвердила. Ой, какие мы были счастливые, когда всё получилось!

Как только Зинка в классе нашем оказалась, сразу Милке на ногу наступила. Пусть знает, как Кольке глазки строить! И вообще Зинка стала себя во всей красе показывать. С места кричит и отвечает всегда невпопад. Бедная Марья Митрофановна её десять раз пересаживала, но толк появился, когда меня с Колькой опять посадили, а её – с Сашкой Иголкиным. Наверное, Зинка решила в него влюбиться, чтобы Кольку на двоих не делить. А то он такой маленький, ниже нас на целую голову!

Тут за дело взялась Милка, раскапризничалась, тетрадку бросила и ручку на пол уронила, сказала, что вообще к бабушке в большой город жить уедет. А может, к тёте в деревню, там воздух свежее и уроков меньше задают. Но, в общем, Колька Милкин портфель больше не носил. Да, и мой тоже... Хотя я на него не обижаюсь, потому что с двумя портфелями очень уж трудно перепрыгивать лужи.

А после...

– Подчёркиваем главные члены предложения, – сказала Марья Митрофановна, – а потом второстепенные...

Я сидела и смотрела в окно. Там было солнечно и очень красиво. Листочек мой подрос и давно обзавёлся друзьями-листиками. А ещё на черёмуховых ветках появились белые кисточки цветов, совсем весенние. Рядом сидел Колька и подчёркивал по линейке, очень старательно. А мне учиться совсем не хотелось.

– Доделываем работу, – поторопила Марья Митрофановна.

Я сразу очнулась и едва не подпрыгнула, потому что предложение на доске очень понравилось: «Коля, Дина и Зина – лучшие друзья». Я успела до звонка быстренько в тетрадку переписать, даже подчеркнуть, рука сама собой сделала. Да разве могли быть здесь какие-то второстепенные! И я подмигнула Кольке и улыбнулась Зинке.

Ева ЗОРИНА

г. Будапешт, Венгрия

Зобнина Евгения Дмитриевна. Родилась в 1993 году в Приморском крае. Окончила факультет иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в г. Санкт-Петербурге. Училась на литературных курсах Марины Степновой, Майи Кучерской, Екатерины Оаро. Первая публикация в электронном журнале «Пашня». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Мы

Рассказ

Вчера прощалась со старой квартирой и думала о нас с тобой. Пыталась понять – когда расцвёл наш сад. Когда это округлое, гладкое слово «мы» дало свой первый зрелый побег? Вспомнилось, как клеили обои сразу после свадьбы – зелёные, с цветами. Мне двадцать два, ты на год старше. В рабочем комбинезоне – всё равно самый красивый.

А может, я ошибаюсь, и это случилось раньше? Помнишь, венерины башмачки, тёмно-розовые орхидеи, которые росли сорняком во дворе нашей музыкалки? В разгаре мая воздух почти засахаривался – настолько сладко они пахли ванилью; а в августе доходили семена, и стоило коснуться влажного, тугого мешочка, надутого под цветком, – перед глазами с треском разлетелся фейерверк крошечных бусинок. Большой взрыв, рождение мира в миниатюре.

И вот ты приходишь на урок сольфеджио, а в руках свежесобранный букет. Очки на носу – большие и толстые, как два бутылочных донышка; будто намеренно скрываешь глаза. Целуешь меня в щёку, торопясь, затаив дыхание. Я за последней партой, улыбаюсь в ладошку, и в носу щиплет от счастья. А у доски, за пианино, сидит учитель, Юлиан Антонович, и, мягко перебирая клавиши, говорит: «Запомните, музыка – это язык чувств».

Потом другая подборка воспоминаний: выпуск из университета, свадьба, ремонт в нашей квартире. Всё делали сами, без родителей. Я хотела казаться взрослой, а для тебя это был вопрос ценности: чем сложнее вначале, тем важнее итог.

Помню новенький магнитофон, залитую солнцем гостиную, как голубые пылинки танцуют в лучах. Из колонок льётся музыка; ты берёшь с пола отрезок плитуса и мешаешь в ведёрке клей. Перламутровая воронка кружится всё быстрее, не поспевая за компакт-диском. Ворсистый валик радостно хлюпает, и я вдыхаю едва уловимый, пресный запах крахмала: флизелиновый клей и промокшая бумага – так пахнет любовь.

Ты отрезаешь обои. Мгновение, и бумажная щека тяжело припадает к стене. Стягиваешь полотно чуть ниже, сводя рисунок – стебель к стеблю, лепесток к лепестку, пока там, где мгновение назад зияла плешь штукатурки, не расцветает жёлтый бутон – первый в нашем саду. Берёшь щётку, мерно проводишь вверх, затем вниз – будто не обои клеишь, а разворачиваешь нашу любовь – свежую, гладкую, во влажном разноцветье маков и роз, чтобы продышалась, пустила ростки и ползла по всем стенам, до самого потолка. А потолки в нашем доме – целых три с половиной метра.

Я сказала, что теперь это наш сад. Что наш сад – это и есть мы. Ты улыбнулся в ответ и сказал, что ничего не понял. Помнишь?

А потом всё переменялось. Я закрываю глаза и вижу другую подборку воспоминаний. Бледность больничного коридора, бесцветный, будто обеззараженный свет ламп, компьютерная томография. Слова того неприятного молодого доктора (будто ему происходящее казалось пафосным); как выговаривал его розовый, усатый рот: «Возьмите снимок. Видите пятна, похожие на лепестки? Это метастазы». И ты в коридоре, задыхаясь, уже после: «Да что этот идиот знает об онкологии?! Кто вообще рак сравнивает с цветами?!».

А мне теперь, знаешь, кажется, что он был прав: ведь рак пускает побеги в вечность. Возвращает нас туда, откуда мы пришли.

Прости, если говорю ерунду. Но ты заметил, что у твоего изголовья, прямо за плитой, теперь тоже выросли башмачки? Должно быть, ветер случайно принёс семечко. В жизни что-то всегда рифмуется. Выходит, что наша рифма – от начала и до конца цветы.

Потому мне и нравится наше с тобой общее представлять как сад. И потому прощаться с квартирой, с нашими обоями, было так сложно. Вроде как мы сами есть, только пока есть наш дом. Когда дочка впервые привела покупателей, у меня горло щипцами сжало. Это были молодожёны – красивые, юные, будто повторение нас. Девушка коснулась обоев и сказала: «Какие красивые», а парень поморщил нос и спросил: «Сколько лет вы их не меняли?». Будто любовь всегда о новизне. Им невдомёк, что наш с тобой сад полнился многолетниками.

Я тебя не утомила? Анна Алексеевна, мой бывший психолог, говорила, что записывать мысли на бумаге терапевтически полезно, мол, так горе проживается быстрее. А мне кажется, что я и правда пишу тебе – вот оставляю конверт прямо здесь, под камешком, и ты придёшь, как за кусочком хлеба на рюмочке, – присядешь в тишине, прочтёшь, призадумаешься.

Очень я упиралась не продавать квартиру; да ты и сам видел. Но дочь всё твердила: «Мам, ну три года уже прошло, как папы нет, пора жить дальше». А Анна Алексеевна твердила, мол, дом – всего лишь дом, и срывать обои – не значит предавать память.

Ещё она говорила (и вскоре мы расстались – её рассуждения стали мне претить), что любовь метафорична, и оттого разлюбить так сложно: она проникает всюду, становится цветами на обоях, бликами солнца на фотографиях. Но вместе с тем это иллюзия, и живёт она в голове – и вот теперь её надо срезать, сложить в коробку, скажем, из-под обуви, и убрать подальше, на самую верхнюю полку памяти. Мол, позабыть – в этом и суть прощания.

Но я думаю, что всё иначе. Что память – это не коробка сухоцветов; напротив, в воспоминаниях всё цветет. И прощание – это последний, самый красивый бутон в саду нашей истории. Прощание – это апофеоз встречи. И теперь наше «мы» окончено, неизменно, оно навсегда замерло в благоуханной вечности; и его не позабыть. Ведь саму нашу встречу не отменить, как не обеззвучить уже прозвучавший звук. И наш сад будет цвести даже вне гостиной – кто бы там ни жил и в какой бы цвет ни перекрасил стены.

Рассказала об этом дочке. Она улыбнулась и ответила, что ничего не поняла, – совсем как ты. А вчера вечером подписали бумаги, передали ключ новым жильцам. Всё равно тоскливо: я за порог не успела выйти, а муженёк уже блещит ножом, поддевает обои – проверить, отстанет ли полотно. Отошло легко, без сопротивления. Слышно было, как тихо хрустнул клей. И в воздухе – всего на мгновение – будто бы снова была ваниль.

Тамара СЕЛЕМЕНЕВА

п. Развилка, Московская обл.

Селеменова Тамара Николаевна. Родилась на Кубани. Окончила Академию народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Член Союза писателей России, литературного объединения «Точки» при Совете по прозе СП России (Москва). Участник литературной лаборатории «Красная строка», литературных объединений им. Ф. Шкулёва (г. Видное) и «Рифма+» (пос. Развилка). Публиковалась в местных СМИ, в «Антологии русской прозы» и «Антологии русской поэзии», в альманахах Российского союза писателей (2020, 2021, 2022). Призёр ряда международных и всероссийских конкурсов, финалист литературных премий «Наследие», «Русь моя». Лауреат премии «Золотое перо Московии». Автор книги стихов «Из детства я храню любовь к земле» (2018) и 2 книг прозы: «Ах, эти домашние питомцы» (2020), «Живёт, цветёт акация» (2022).

Он будет жить у нас!

Рассказ

Как-то наш сын пришёл домой позже дозволенного времени. Открыв дверь, я растерялась. На пороге сидел огромный пёс, а сын поспешно заявил:

– Это моя собака Макс. Он будет у нас жить.

Вот именно заявил, а не спросил разрешения. И ещё объяснил, что собаку продавал «нехороший» человек, он бил её и обижал. На меня внимательно и жалостно смотрел полугодовалый щенок немецкой овчарки. Шерсть рыже-чёрного окраса была настолько длинной и густой, что выглядел он как медвежонок.

Наша собачонка Джуля прожила в семье уже шестнадцать лет. Две собаки для небольшой квартиры – это многовато. Но что поделать, не выставлять же на ночь глядя на улицу.

На следующее утро я улетала на неделю в командировку.

– Постарайся до моего возвращения найти других хозяев для собаки, – наказала я строго.

Но всё же рано утром перед отъездом в аэропорт сама вывела Макса на прогулку, накормила и поставила ему воду. Пёс вёл себя безукоризненно, послушно выполнял все мои команды.

Командировка получилась трудной, о собаке я даже не вспоминала и только по дороге из аэропорта с сожалением подумала: «И зачем я настояла, чтобы сын избавился от пёски! Такой послушный, красавец...».

Я надеялась, что пристроить быстро его не удалось. Не так-то просто найти хозяина для огромного пса. Дома Макса не оказалось, на столе лежала записка мужа, что они с сыном уехали по делам и вернутся вечером.

После раннего рейса, устав с дороги, я задремала. Разбудил меня звонок нашей знакомой, которая попросила забрать Макса. Оказалось, его оставили до моего приезда. Я шла и размышляла о том, что собака мне практически незнакома и могла меня забыть. Как она поведёт себя, мне неизвестно. Справлюсь ли я, если что? Он ведь такой большой и сильный!

К удивлению, пёс встретил меня с огромной радостью, вертелся, вставал на задние лапы и выражал полный восторг, словно только меня и ждал. По дороге домой он забегал вперёд, заглядывал в глаза и, казалось, спрашивал, правильно ли себя ведёт. Макс был настолько дружелюбен, что растопил все мои сомнения. Дома я села в кресло и, почёсывая его за ушами, проговорила:

– Что же мне делать с тобой, лошадь ты этакая?

Пёс положил голову мне на колени, растопырил в стороны уши и застыл...

«Может, они понимают и чувствуют гораздо больше, чем мы предполагаем?» – подумалось мне.

Так или иначе, послушный и ласковый пёс прижился и стал любимцем всей семьи. Повзрослев, он превратился в такого красавца, что на прогулках многие на нас оборачивались. Я с удовольствием гуляла с ним. Жаль, в выставках мы не участвовали. Как переросток он был крупнее, чем положено для его породы.

Как-то раз ночью Макс всячески пытался нас разбудить: толкал носом, бегал на лоджию, вставал там на задние лапы, рычал. Мы его не поняли и даже отругали... А зря. Утром увидели, что наша машина стоит на кирпичках, а все колёса украдены.

А ещё сын привёл в дом афганскую борзую. Знакомые уговорили нас поддержать Мэри, так звали собаку, на время их поездки за границу. Выгуливал Андрей двух собак сразу, но иногда приходилось гулять с ними и мне. В руках я держала длинный поводок, на обоих концах которого по собаке. И вот однажды я не успела отдать Максиму команду, и он рванул за кошкой. Ремень я не удержала, Макс мчался, а на другом конце шлейки болталась Мэри. По пути она, бедолага, шмякалась, «квакая», то о дерево, то о мусорные баки...

Дома Макс вёл себя так, словно извинялся и передо мной, и особенно перед Мэри, всячески стараясь загладить свою вину: клал голову ей на спину, даже пытался лизнуть.

«Ну, простите, не удержался», – говорил его виноватый вид.

Через несколько дней случилось совсем уж неожиданное. У Мэри начались роды! Никто из нас даже не подозревал, что собака щённая, и, конечно, я совсем не была к этому готова. Сначала она стала скулить и метаться по квартире. Затем расположилась под столом, и из неё вышел тёмно-багровый мешок. До этого я никогда не принимала роды у собаки и сильно испугалась, ещё не

понимая, что происходит. И только когда из мешка появился щенок, стало, наконец, ясно. Умница мама сама прокусила оболочку и перегрызла пуповину.

Всё это время я лихорадочно дозванивалась ветеринару, но, к счастью, помощь специалиста не понадобилась, четыре хорошеньких щенка благополучно появились на свет. Тщательно вылизанные мамой, они тут же пристроились к её сосцам, согревались и, чмокая, пили вкусное молоко.

Командировка хозяев собаки оказалась бесконечной. Я раздала всех щенков. Бесплатно, главное – чтобы в добрые руки.

По работе мне приходилось много ездить по стране и за рубеж. Однажды, встретив меня из очередной командировки, муж сообщил, что Макс потерялся. Сын взял его с собой, против чего я всегда возражала, и когда они входили в троллейбус, собаку, видимо, ударило током. Макс взвизгнул, вырвался из ошейника и убежал. Его долго искали, но не нашли.

Бросив дома вещи, я сразу же отправилась на поиски. Расспрашивала бабушек у подъездов, мамочек с колясками, просто прохожих...

– Да, здесь ходила огромная овчарка, и, кажется, её отловили собачники, – неожиданно вмешался дворник.

Я помчалась на улицу Юннатов, где располагался собачий приёмник, и в него свозили отловленных собак. Один из работников показал множество животных, но Макса среди них не было. В вольерах сидели мелкие дворняжки. Издали слышался лай крупных собак, среди которого мне почудился голос Макса. Но к ним меня не пустили.

Тогда, в конце восьмидесятых, спрос на больших собак вырос, и я поняла, что, скорее всего, всех породистых и крупных продадут на «птичке» на Таганке. И следующим ранним утром мы с мужем уже были там. Он не верил в мою затею, но всё же походил со мной минут сорок, а потом уехал, посчитав, что всё это бесполезно.

Народ прибывал, и продавцов с собаками собралось множество. Несколько раз я ошибалась и подходила к псам, похожим на моего Макса. Один из них меня чуть не укусил, я едва успела отскочить. Ноги промокли в снежной каше и замёрзли. Но интуиция подсказывала: его приведут. И точно! Ближе к полудню я издали увидела своего Макса.

Он стоял понурый, с уныло опущенной головой, привязанный к столбу, его шею туго обвивал какой-то замызганный поводок, а взгляд выражал тоску и боль. Нос был в ссадинах и кровоточил. Обычно чистая и блестящая шерсть теперь выглядела тусклой и грязной...

– Макс, – окликнула я, и пёс так рванулся, что петля на шее чуть его не задушила. Он встал лапами мне на плечи и громко заголосил: «Гу-гу-гу-гу!». Никогда раньше я не слышала, чтобы собаки издавали такие звуки. Я попыталась его отвязать, и вдруг ко мне подскочил мужчина. Его злые глаза горели ненавистью, он переводил их с собаки на меня и грубо пытался вырвать из рук поводок. И тут я узнала в нём того, кто не пустил меня вчера к крупным собакам в приёмнике, соврав, что там только больные и давно отловленные.

– Собака продана, сейчас придёт хозяин, и вам мало не покажется, – припугнул он.

Но остановить меня не могли никакие угрозы, потому что я теперь не одна, со мной Макс!

– Это вам мало не покажется! Это мой пёс! Вы били несчастного по носу, чтобы сломить его волю. Сейчас он со мной и никого не боится. Вы же видите, он уже вздыбил шерсть и ощерился, и, если я прикажу – выполнит любую мою команду.

Только после этих слов негодяй отступил, а я спокойно освободила Макса и повела его в сторону улицы. В этот момент появился покупатель с новым поводком. И они вдвоём с горе-продавцом попытались нас догнать, но мы благополучно оторвались от преследователей, сменив на всякий случай в толпе направление движения.

Таксиста с трудом удалось уговорить взять нас. Другие, увидев огромного пса, попросту уезжали. Но всё же, наконец, мы поехали домой! В машине Макс сидел, тесно прижавшись ко мне и положив голову на плечо. Тело его была мелкая дрожь. Как только мы приехали, воспитанный и всегда послушный пёс потащил меня мимо лифта по лестнице так, что я едва поспевала. Дома никого не оказалось... Обойдя всю квартиру, он рухнул на пол и уснул у двери... Сон его был крепким, спокойным и долгим.

Увидев собаку, и сын, и муж несказанно удивились и обрадовались. Потом сын обнял меня и сказал:

– Никто, кроме тебя, не смог бы через столько дней отыскать собаку в Москве! Мы вдвоём не справились, а ты не отступила, верила, и у тебя всё получилось. Я так люблю тебя, мама.

Гузель РАХМАТУЛЛИНА

г. Уфа, Республика Башкортостан

Рахматуллина Гузель родилась, живёт и работает в Уфе. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Урал», «Южная звезда», «Без цензуры», участвовала в прозаических и поэтических сборниках издательства «Серебро слов» (г. Коломна), в коллективных сборниках «Открытый космос», «Маяк», «Дневник сердца», «Перископ 2022», «Мастера поэзии и прозы».

Автор книги прозы «Ген стрекозы» (г. Коломна, 2016). С 2016 года является членом общероссийской общественной организации «Российский союз писателей». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Моя Данута

Рассказ

Водитель автобуса громко объявил остановку. Задремавшая у окна после тяжёлой рабочей недели Ирина медленно поднялась, подхватила большую сумку с гостинцами для бабушки и вышла на улицу. Она с блаженством вдохнула запах цветущей белой сирени, которая росла на бабушкиной улице почти в каждом дворе.

Открыла скрипучую деревянную калитку и прошла в уютный дворик, благоухающий весенними цветами. Надежда Сергеевна любила цветы, и кирпичная дорожка к дому пробегала мимо цветущих тюльпанов разнообразных расцветок и форм, нарциссов, мускарей, жёлтых, белых, фиолетовых ирисов.

Бабушка обрадовалась внучке и сразу засуетилась. Через час на столе красовался пузатый самовар, румяные шанежки, радовал глаз пирог с черёмухой, крынка деревенской сметаны и зернистого творога, в пузатой кадучке золотились крупинки липового мёда.

Ирина, забыв о своей недельной диете, с радостью начала уплетать бабушкины вкусности, зажмуриваясь от удовольствия, пила свежий чай со сливками. Бабушка, имевшая татарские корни, обожала крепкий свежесваренный чёрный чай, который подавала непременно с молоком.

Поговорив о родственниках, обсудив последние семейные новости, Ирина переоделась. Они с бабушкой договорились, что любимая внучка поможет ей навести порядок. Сначала решили избавиться от старого хлама. Ирина поднялась на чердак и стала спускать вниз вещи, которые когда-то пожалели выбросить. Девушка с облегчением вздохнула, когда сбросила вниз последнюю коробку с какой-то макулатурой.

Надежда Сергеевна осматривала внизу каждую вещь и выносила ей вердикт: быть или не быть. Старую швейную машинку они отнесли на свалку, журналы и пожелтевшие газеты в баню, на растопку. Открыв картонную коробку, Ирина увидела в ней связку перетянутых красной ленточкой писем и книгу Алексея Карпюка «Данута». Девушка открыла первую страницу и увидела на обложке карандашный рисунок – набросок юной красивой девушки – и надпись: «Ты тоже, как Данута, но только не Яниса, а моя».

– Бабушка, смотри, какая интересная книга и рисунок. Не знаешь, чья? На маму не похожа. Может, это тётя Люба?

Надежда Сергеевна взяла в руки книгу, полистала её и улыбнулась.

Более полувека назад её, как отличницу и активистку, секретаря комсомольской организации ремесленного училища №3, наградили путёвкой на Международный фестиваль молодёжи и студентов в г. Москве. Из их республики поехал на фестиваль двенадцать человек.

Юную Надю поразила Москва. Они ходили в театры, кафе, музеи. Было очень интересно.

Возвращались в приподнятом настроении и очень усталые. В поезде Наде досталась верхняя полка, а на третьей полке, предназначенной для багажа, ехал на побывку домой солдат. Всю дорогу он не сводил с неё глаз, веселил, рассказывал интересные истории. Василий оказался парнем компанейским, и чувствовалось, что Надя ему понравилась.

Через месяц девушке пришло письмо с Дальнего Востока. Ей написал Василий. Видимо, незаметно для неё выпытал адрес у её сокурсников. Письмо было хорошее, о солдатской жизни, об увлечениях, и Надя ему ответила. Весной она получила посылку, книгу, открыв которую увидела свой портрет, нарисованный карандашом, и эту надпись. В письме солдат признался, что влюбился в неё с первого взгляда и скоро приезжает домой.

Василий поступил в художественное училище. Юноша мечтал стать знаменитым художником. Они часто гуляли, ходили в кино.

Была такая же весна. Василий пришёл к ней с огромной охапкой сирени.

– Надя, я приглашаю тебя в субботу к нам, хочу познакомиться с мамой и братом.

– Вася, я боюсь... И в качестве кого ты меня представишь?

– Конечно невестой, маленькая моя.

– Всё равно мне страшно...

– Ну, хочешь, ребят с собой позовём, Даню и Свету?

– Да, пожалуй...

Надя волновалась. Она то и дело поправляла лаковый ремешок на неброском ситцевом платье. Ремешок ей одолжили девчонки в общежитии. Вася украдкой любовался ею. Невысокая, с ладной фигуркой, высокой грудью, живыми карими глазами, его невеста была самой прекрасной.

Света тоже принарядилась. Новые туфли, яркая косынка на шее и юбочка в клетку.

– Дань, он же никого не видит, кроме этой пигалицы! Ну что он в ней нашёл?

– Он её любит, Света.

Семья Василия жила в деревне. Дом был бедный. Кроме пожилой матери Василия, там жил брат с женой и тремя детьми. Надя почувствовала себя не в своей тарелке, но будущая свекровь встретила

её приветливо, потихоньку узнала, что Надя сирота, что её родители умерли, а девочку определили в детский дом, а сейчас она работает на мебельной фабрике.

Утром дружной компанией помогали родственникам Василия сажать грядки. Надя, которая с детства росла в городе, натыкала лук-севок другой стороной. А Света при всех подняла её на смех.

Вечером Надя вышла подышать на улицу. Она услышала голос мамы Василия и соседки.

– Что, Аня, Васька твой невесту привёз?

– Да, Лена, привёз... Только не знаю, радоваться мне или огорчаться. Невестка – такая же голь перекатная, сирота. А я так устала одна рваться на всех. Тут Санька со своей оравой, а теперь ещё младший туда же. Правда, девка красивая...

– А я давеча посмотрела на них, морковь сажала возле вашего забора. Красивая, конечно, но городская, к работе не приучена. А вторая ничего: рослая, сильная и работает в огороде споро.

– Да... Ладно, пойду я.

Надя еле успела спрятаться за поленницей. Девушка загрустила и поняла, что не понравилась будущей родственнице.

Всю обратную дорогу Надя молчала, зато не умолкала Света. Василий громко смеялся шуткам и пообещал написать её портрет.

– Надя, давай завтра в кино пойдём.

– Извини, Вася, мне на работу.

– Надя, давай назначим дату свадьбы.

– Потом поговорим. Я устала, пока.

Всю неделю Надя думала над словами матери Василия. Она и правда была бесприданницей. Маму почти не помнила, а у отца была другая семья. Он никогда и не интересовался Надиной жизнью. В детском доме за все эти годы ни разу не навестил дочь.

В выходной девушка принарядилась и решила сходить к Василию, поговорить. Он снимал комнату в частном доме у своей дальней родственницы.

Надя прошла через калитку, подошла к раскрытому окну. Она представила, как ей обрадуется Василий, и улыбнулась. «Вот я дурочка. Мы же любим друг друга. Мало ли кто и что говорит».

Из комнаты через распахнутое окно доносились голоса.

– Светочка, детка, какие вкусные конфеты, спасибо тебе. А насчёт Васьки не беспокойся. Я всё сделаю, чтобы он с тобой был. Завтра пойдём к Бутырихе, заговорим вон, хотя б конфеты твои, Васька сладенькое любит, никуда не денется, вмиг свою Надьку забудет...

– Ой, тётя Мира, а я, если невесткой стану, подарю вам шаль белую, красивую... И ещё бусы красные гранатовые.

– Я уж постараюсь, деточка, – расхохоталась Васькина тётка.

– А Вася скоро придёт?

– К матери поехал, приболела Анна.

Надя тихонько пошла прочь от этого дома.

Василий не появлялся две недели. Как-то вечером, возвращаясь с работы, Надя услышала весёлый смех Светы и Василия. Они шли по парку и разговаривали. Надя остановилась.

– Надя, привет, – девушка, вздрогнув от неожиданности, оглянулась.

– А, это ты, Денис, здравствуй.

– Ты Ваську увидела? Вы поссорились что ли? Его тут тётка и Светка со всех сторон окучивают. Светка каждый день у них. То конфеты принесёт, то вина, проходу парню не даёт. Ты бы это... ну, меры что ли приняла...

– Да нет, Дань... Если б любил. Не променял бы меня на конфеты Светкины... Видно, правы его родственники, ему нужна не такая невестка, как я...

– Может, он сам решит, кто ему нужен?

– А он уже и решил... Видишь, ему хорошо со Светланой.

Через несколько дней Василий пришёл в общежитие с букетом белой сирени. Ему удалось продать свою картину, он купил невесте красивую косынку и решил сегодня поговорить с Надей.

– Эй, паренек, ты к кому это? – грозно спросила вахтёрша.

– Я к Надежде из сто пятой. Пригласите?

– А некого приглашать. Уехала она.

– Куда уехала?

– Ну, а я знаю? Уволилась с фабрики и уехала. Сказала навсегда...

Много лет уткло с того времени. Жизнь почти прошла. Она больше ничего не слышала о Василии. Надя много думала о том, как бы у них всё сложилось, если она тогда не сбежала. Любила ли она Василия? Сейчас уже трудно сказать. Наверное, любила, ведь так ей было больно тогда...

В память о той первой любви осталась только спрятанная когда-то на чердаке книжка.

Мысли Надежды Сергеевны прервала Ирина.

– Бабуль, можно я возьму себе эту книгу?

– Да, детка, бери. Пусть она останется тебе на память обо мне.

– Значит, это твой портрет...

– Давай-ка, внучка, передохнём и попьём чайку. У меня ещё черничное варенье припасено. Твоё любимое...

Элита ТУРЕСЕН

г. Москва

Коренная москвичка. Родилась в феврале 1947 г., окончила среднюю школу с полиграфическим уклоном, далее – МПИ. Владеет тремя скандинавскими языками. Увлекается фотографией, живописью. С 2018 г. является участником литературного объединения «Новое Переделкино». Рассказы печатались в сборнике «Сияние лиры» (Москва). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Рыжее «солнышко»

Рассказ

Было прохладно и сыро; дождь так и не затихал; и она чувствовала себя как-то неуютно на этой маленькой, неприглядной станции.

Часы показывали два часа ночи, и те немногие посетители привокзального кафе, сидевшие за столиками и ожидавшие своего поезда, выглядели уставшими и полусонными. Её взгляд был прикован к окну, как будто бы она неотрывно следила за чем-то происходящим там.

«Что делаешь ты здесь, в ночи, в этом незнакомом месте?» – этот вопрос она задавала себе уже дважды за то время, пока пила кофе. Поданный ей напиток так мало напоминал тот – из свежемолотых зёрен – ароматный, который она привыкла пить по утрам.

Она окликнула официанта, дремавшего у стойки, и попросила принести ей пачку «Мальборо»: ей вдруг так неистово захотелось закурить... Он выслушал её, посмотрел сквозь очки удивлённым взглядом и, не проронив ни звука, удалился такой же сонной походкой. Молодой человек не спешил. Появившись минут через десять, официант протянул пачку каких-то неизвестных ей, явно дешёвых сигарет и произнёс хриплым голосом:

– Это всё, что нашлось.

Она смерила его своим безразличным взглядом, но от сигарет не отказалась.

– Ну что ж, придётся довольствоваться тем, что есть...

Сигареты были не только дешёвыми и крепкими, но настолько дрянными, что, слегка затянувшись, она сильно закашлялась, нервно затушила недокуренную сигарету и поспешно выбросила всю пачку в урну.

Вот уже два года как она бросила курить, и это был первый случай, когда она поддавалась вдруг нахлынувшему острому желанию и невольно нарушила своё обещание, данное отцу. Ей стало как-то неловко и немного стыдно, ведь в своей повседневной жизни она старалась придерживаться своих обещаний и не нарушать их ни под каким предлогом, но...

«Да, теперь пора и свежего воздуха вдохнуть», – пронеслось в её голове. Быстро накинув на плечи свой тёплый свитер, взяв дорожную сумку, поспешно вышла в ночь, на пустой перрон...

Дождь не стихал и крупными каплями стекал по её щекам. Она слегка поёжилась. Как ни странно, но она совсем не боялась промокнуть и заболеть. Она просто продолжала стоять неподвижно в этой одинокой, осенней ночи и думать *ни о чём...*

Казалось, что время остановилось и хочет сказать ей что-то очень важное. Но что?! Что важное может *оно* сказать ей? И зачем? Изменит ли это что-нибудь? Этого она не знала. Этого никто не знал...

Дождь всё усиливался, а она так и продолжала стоять без зонта, в свитере, который изрядно намок. И казалось, что никто и ничто не смогут вывести её из этого состояния отрешённости... Холодные струйки воды лились по её щекам и напрочь размазали всю тушь на её ресницах. Откуда-то, совсем поблизости, доносился тихий писк, похожий на плач... Она невольно вздрогнула, как бы пробуждаясь...

«Похоже, это где-то под скамейкой?!..» – подумалось ей.

Нагнувшись, она увидела совсем крошечного, промокшего насквозь котёнка, который тихо мяукал и пищал, а вернее, плакал, прося о помощи. Она быстренько протянула к нему свои руки, и он совсем не испугался, у него просто не осталось для этого сил...

– Ну, что, бедолага, и тебе одиноко и сыро в этом неприглядном месте?!

Она прижала его крепче к себе и почувствовала тихое биение маленького сердечка. «Как хорошо, что ещё жив!»

Всё ещё очень осторожно продолжая держать его в руках, она поспешила к зданию станции. Открыв свою небольшую дорожную сумку, нашла пушистое полотенце и, прикладывая к промокшей шёрстке, стала обсушивать этот живой маленький комочек.

Малыш постепенно приходил в себя, его бледно-голубые глазки открылись и удивлённо смотрели на неё... Она невольно прижала его к себе ещё крепче, и на её усталом лице появилась улыбка.

Потом она быстренько подошла к стойке и попросила принести немного тёплого молока. Официант посмотрел на неё уже не сонными, а удивлённо-заинтересованными глазами и, улыбнувшись, поспешил исполнить её просьбу.

Через полчаса котёнок полностью обсох и был накормлен; сладко зевнув, он потянулся и тихо замурлыкал... Ему было тепло и уютно в её ласковых, добрых руках.

– Ты подожди ещё немного, – сказала она, обращаясь к котёнку, – скоро мы будем *дома*. «Дома, – подумала она и впервые за эти последние часы улыбнулась спокойно и уверенно. – Вот так и наша жизнь, возьмёт да и повернётся внезапно на сто восемьдесят градусов, когда мы вдруг почувствуем, что кому-то ещё нужны...»

Она неожиданно снова ощутила себя нужной кому-то и уверенной в себе женщиной.

– Господи, какой же ты *рыженький!* Как *маленькое солнышко!* – восторженно-тихо произнесла она и нежно погладила его по высохшей и распушившейся шёрстке.

Потом она подошла к окошку кассы и попросила поменять билет...

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ

г. Нижний Новгород

Автор 42 книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Аврора», «Звезда», «Студенческий меридиан», «Крылья Родины», «Крокодил», «Смена», «Знаменосец», «Турист», «Собеседник», «Нижний Новгород», «Земляки», «Вертикаль. XXI век» и др.. Лауреат премии по итогам творческого конкурса (Ставрополь), премии Союза писателей Латвии (за поэму «Красная Лиэпя», 1981 г.). Победитель в двух литературных конкурсах: имени Калинина и «Народный автор» (2010 г.).

Михаил Горбачёв

(записки о первом и последнем президенте СССР)

Фиг вам, не орехи!

Я жил в Ставрополе на одной улице с Горбачёвым, которая носила имя Дзержинского. После моего призыва в Армию я его не видел тринадцать лет. Как, впрочем, и его дочь Ирину. Я знал о её существовании, но нас разделял огромный временной пласт в одиннадцать лет. В 1978 году, когда я вернулся в Ставрополь, она училась в медицинском институте. Мой двоюродный брат Анатолий Тихонов, врач по профессии, знал её лично и охарактеризовал одним словом: фифа. Я пытался узнать, в какой школе она училась – бесполезно. Информацию об этом папаша засекретил. Для чего – непонятно. Я предполагаю, что заканчивала она ту же школу, что и я.

Когда я овладевал знаниями в пединституте, после сдачи какого-то экзамена Володя Астапенко предложил мне совершить экскурсию на Стрижамент. «Там развалины старой крепости, – сказал он. – Да и вообще есть на что посмотреть. Заодно и грецких орехов пособираем. Там их – море».

Ни Володя, ни я не знали тогда, что там построили дачу для Горбачёва, а территория охраняется.

Гора Стрижамент находится как раз посередине между Ставрополем и Невинномысском. Её высота – около километра. Наткнувшись на этот каменный заслон, река Кубань резко сворачивает на запад, к Армавиру. Возраст горы, как и всей Ставропольской возвышенности, по геологическим меркам, небольшой – несколько миллионов лет. Стрижамент поднялся со дна Среднесарматского моря. Это как бы трёхслойный морской пирог: сверху – мощный восьмиметровый пласт ракушечника, затем идёт мелкозернистый песок, а основание состоит из морских глин. Гора поросла лесом, здесь много источников, дающих начало реке Егорлык, пещер, причудливых нагромождений камней. Если вершина плато занята луговой разнотравной степью, то восточные, северные и западные склоны Стрижамента покрыты дубовыми, ясеневыми, буковыми и грабовыми лесами, растут также клёны, ильм, дикие черешни, яблони, груши, дикий виноград.

Но самый большой интерес представляли для нас с Володей развалины крепости, построенной здесь в 1789 году. Она называлась Темнолесский ретраншемент. У её ворот когда-то начиналась дорога, ведущая в Ставрополь.

До крепости мы добрались вполне сносно. Но она уже была совершенно разрушена. От артиллерийских бастионов по углам мало что осталось. Разве что только фундаменты зданий, находившихся внутри, – казарм, лазарета, гауптвахты.

Жители соседней Ново-Екатерининской станицы, которые до сих пор запаривают кадушки для засолки огурцов раскалёнными чугунами ядрами, нас предупредили, что дачу охраняют, что вблизи выпустили косуль, кабанов, даже оленей, и здесь нередко слышатся выстрелы – на этих зверей охотятся партийные бонзы. Издалека мы видели в бинокль красную черепичную крышу большого дома, лужайку перед ним и прочитали даже надпись на табличке: «Запретная зона. Стрельба без предупреждения». Вот так была приватизирована Горбачёвым удивительная красота, которая стала недоступной.

Потом я узнал, что у больших чиновников этот памятник природы вызвал неподдельный интерес после катастрофы пассажирского самолёта, который разбился на Стрижаменте в 1957 году. Он летел из Ашхабада в Симферополь, и тогда на место гибели людей выехали члены правительственной комиссии, расследовавшие эту трагедию. Но они не проявили такой настойчивости, как Михаил Сергеевич.

Вещи к нему не льнули

Тем временем Горбачев рвался к власти. Я знал его давно. Впрочем, в Ставрополе практически каждый каждого знал. Он был тогда невелик. Весь светящийся в оранжевом южном солнце, такой присмотренный, приветливый, благополучный. Тротуары, растекающиеся ручьями, сирень в палисадах, мохнатые ночные бабочки, похожие на маленьких сов, бесчисленные белые розы...

Я был влюблён тогда в этот город или, вернее, в то, чем он казался. Я учился в девятом классе, ещё не была нарушена целостность мира, казалось, что он просвечен до самых основ. А ещё только начались 60-е годы, ночами бродяжила за окном луна, и в этом лунном волшебстве жила какая-то надежда...

У меня был друг Павлик Будник. Он был самым младшим в многодетной семье. Помню его отца. Железный старик, высокий и сухощавый, неразговорчивый, сурового вида. Всю жизнь проработал на заводе слесарем. Воевал. Детей не баловал. Старшие сыновья тоже пошли по его стопам. Отец, кстати, был против того, чтобы Павлик поступал в институт. Согласился после долгих уговоров только на завод-ВТУЗ (тогда были такие высшее технические учебные заведения, которые создавались на базе крупных предприятий).

Но я не любил бывать во дворе дома, где жил Павлик. Там почему-то всё время ругались. А ругались по любому поводу. Дети топтали грядки с редиской – доставалось и им, и их мамашам. Те, в свою очередь, никак не могли поделить бельевые верёвки.

Тон этим разборкам задавала миловидная женщина с татарскими скулами. Отчаянно жестикулируя, она обрушивала на более расторопных соседок далеко не печатные выражения.

– Кто это? – спросил я однажды своего друга.

– Это Раиса, жена Горбачёва. Бывший комсомольский секретарь, сейчас в крайкоме партии каким-то отделом командует. И философию преподаёт в институте. То ли в медицинском, то ли в сельскохозяйственном.

О Горбачёве, который в 1966 году был избран первым секретарём Ставропольского горкома КПСС, ходили разные слухи. Вплоть до того, что на своей родине в селе Привольном Красногвардейского района во время фашистской оккупации в 12-летнем возрасте дал германским властям письменное обязательство о сотрудничестве. Это, конечно, домыслы, но мать Горбачёва, Мария Пантелеевна, рассказывала журналистам, что будущий генсек ошипывал гусей для немецких солдат и таскал им воду для бани. Этот факт отметил и в своей книге «Горбачёв: другое лицо» Анатолий Коробейников, работавший вместе с Горбачёвым секретарем Ставропольского крайкома партии. Сам же Михаил Сергеевич в своих воспоминаниях «Жизнь и реформы» писал, что при появлении в Привольном немецких мотоциклистов он скомандовал более старшим по возрасту друзьям: «Стоять! Мы их не боимся!».

Я видел Горбачёва тогда много раз. Сытое лицо, огромное красное родимое пятно на лбу. Чтобы скрыть его, низко надвигал шляпу. Но вещи к нему не льнули – костюм сидел как-то мешковато. Впрочем, неудивительно. Бывшего помощника комбайнёра трудно было научить хорошим манерам. Это проявилось и потом, когда он стал президентом бывшего Союза. С логикой он был явно не в ладах, да и с русским языком тоже. Выручали только интриги, в чём он весьма преуспел ещё в Ставрополе, и умение с непостижимой лёгкостью уходить от существа вопроса.

В начале «славных» дел

Между тем незадолго до этого карьера первого секретаря Ставропольского крайкома ВЛКСМ Михаила Горбачёва висела, что называется, на волоске. После трёх месяцев пребывания на этом посту бюро крайкома партии даже создало комиссию по проверке его деятельности. Она была признана неудовлетворительной, и Горбачёв должен был с треском вылететь из номенклатурной обоймы. Но тут подоспели реформы Хрущёва в области партийного строительства, и первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС Фёдор Кулаков дал Горбачёву ещё один шанс проявить себя в деле. Он назначил его парторгом территориально-производственного управления по сельскому хозяйству, объединившему три пригородных сельских района: Шпаковский, Труновский и Кочубеевский.

Но реформы Хрущёва продолжались. Областные и краевые комитеты КПСС, как городские и районные, разделили на промышленные и сельские. Людей не хватало, и Горбачёв попал в струю. Его назначают заведующим отделом партийных органов Ставропольского сельского крайкома. В ноябре 1964 года после смещения Хрущёва Кулакова переводят в Москву. Разделённые ранее партийные комитеты снова объединили. И Горбачёв получает такую же должность теперь уже в объединённом крайкоме.

Механика его учёбы

В том году я уже учился в другой школе, и с Павликом мы стали встречаться реже. О Горбачёвых как-то не вспоминалось. Но всё-таки я с ними соприкасался. Правда, заочно.

Был у меня хороший знакомый, Володя Данченко. Он поступил в сельхозинститут на вечернее отделение и там же работал. Однажды я зашёл к нему на кафедру механики, где застал его одного. Володя разговаривал по телефону.

– Эта... из крайкома партии, – донёсся до меня знакомый голос. – У вас эта... сегодня зачёт по механике? Так эта... придёт сдавать его Михаил Сергеевич Горбачёв – вы уж позаботьтесь, чтобы всё было как надо.

– А как надо? – с ехидцей спросил Володя.

– Неужели вам надо эта... объяснять? – прибавил металла в голос в трубке. – Эта... кто у телефона? Данченко? Немедленно найдите заведующего кафедрой, пусть он позвонит. Да, он знает, кому.

Звонил, как пояснил Володя, сам Горбачёв, хотя я сразу узнал его голос.

– Он, как мне кажется, ни одного экзамена не сдавал, – сказал Володя.

Я охотно ему верю, поскольку агроном-экономист, как значилось в его дипломе, в сельском хозяйстве напортачил так, как никто другой. Одни только загубленные виноградники, распаханнные под сахарную свёклу, чего стоят.

Интриган-подкаблучник

В семье Горбачёвых безусловным лидером была Раиса Максимовна. Михаил Сергеевич боялся её пуще огня. Она научила его интригам и умению не ссориться с нужными людьми, что обеспечило супругу карьерный рост. В 1966 году Горбачёва избрали первым секретарём Ставропольского горкома КПСС, а в 1968 году, несмотря на яростное сопротивление тогдашнего первого секретаря крайкома Леонида Ефремова, он под нажимом члена Политбюро Фёдора Кулакова стал вторым секретарём крайкома. Впереди открывались новые горизонты.

А вскоре у Горбачёва появились и более влиятельные покровители – Михаил Суслов, который в годы войны организовывал на Ставрополье партизанское движение на оккупированной территории, и шеф КГБ Юрий Андропов, который любил отдыхать в кисловодском санатории «Красный камень». Они и продвинули Михаила Сергеевича на пост первого секретаря крайкома партии. Это случилось в апреле 1970 года. Замечу, что апрель – вообще знаковый для него месяц. Спустя пятнадцать лет, в 1985 году, тоже в апреле, он затеял перестройку, которая привела к развалу страны.

Но тогда, в 1970 году, в тридцать девять лет Горбачёв стал князьком, хозяином богатого края. А через год в Минеральных Водах состоялась «встреча четырёх генсеков» – Леонида Брежнева и его сменщиков: Юрия Андропова, Константина Черненко и Михаила Горбачёва. И на Брежнева Горбачёв, похоже, произвёл впечатление.

Чем прославился Михаил Сергеевич на Ставрополье? Первым делом, он запретил автомобильное движение рядом со своим домом (к тому времени он переехал в другое здание всё на той же самой улице Дзержинского). Мне рассказывали, что утром к Горбачёву приходил массажист, а ел он только дома – пищу ему готовил личный повар. После обеда полтора часа спал. На людях появлялся редко.

Он безумно жаждал славы. Занялся созданием межхозяйственных предприятий и строительством животноводческих комплексов. В эти проекты вкладывались немалые деньги, но вскоре про них забывалось. Ни один из них не был завершён.

Помню, как рекламировалось строительство ирригационной системы на Ставрополье. Под это дело было выделено 525 миллионов рублей, огромная по тем временам сумма. Что в итоге? То, что из десяти километров канала только один километр имел надёжную гидроизоляцию.

В чём преуспел Михаил Сергеевич, так это в организации всяческих банкетов и просто застолий. Сценарий каждого из них разрабатывала супруга Горбачёва Раиса Максимовна. Она продумывала актуальные темы для разговоров, подбирала нужные цитаты классиков, которые Горбачёв использовал как бы экспромтом. И в результате Михаил Сергеевич поражал гостей своей эрудированностью. На самом же деле у него просто была хорошая память. Он мог вызубрить целую страницу текста, не вникая в его суть.

И на Ставрополье зачастили высокопоставленные гости: академик Евгений Чазов, дочь Брежнева Галина со своим супругом Юрием Чурбановым, Михаил Суслов, Андрей Громыко, Юрий Андропов, первый секретарь Московского горкома КПСС Виктор Гришин, министр внутренних дел Николай Щёлоков. Практически всем преподносились дорогие подарки за счёт налогоплательщиков. Знаю достоверно со слов близких к Горбачёву людей, что дочери Суслова Майе Михайловне по случаю дня рождения были вручены сувениры, которые оценивались в несколько тысяч рублей, внуку подарили ружьё для подводной охоты и кожаную куртку.

У меня был знакомый, который работал на Ставропольском ликёроводочном заводе. Он под большим секретом рассказал, что в канун свадьбы своей дочери Ирины Горбачёв заказал несколько ящиков изготовленного по особому рецепту коньячного напитка. И, конечно, не заплатил ни копейки.

Нашлись люди, которые сообщили об этом в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Но Горбачёв вывернулся. Всю вину взяла на себя директор завода Тамара Карлова. Её посадили, если мне не изменяет память, на четыре года. Горбачёв обещал ей помочь, но не шевельнул и пальцем.

Ипатовский метод

Горбачёв мечтал о Москве. Его новый проект получил название «Ипатовский метод». Это была очередная авантюра. Суть её заключалась в том, что в Ипатовский район, по указанию главы крайкома, была переброшена вся уборочная техника из других районов, где хлеба якобы созревали позже. И уборка завершилась в рекордные сроки. При этом в расчёт не брали то, что едва ли не треть урожая из-за спешки была потеряна.

В ЦК КПСС то ли об этом не знали, то ли факт этот просто проигнорировали. Было принято постановление «Об опыте работы Ипатовской парторганизации на уборке урожая», и тут завертелось...

Директор Ставропольского книжного издательства Александр Васильевич Коротин писал книги про декабристов. Современные реалии его волновали мало – он жил в той эпохе. Был человеком слабохарактерным и частенько закладывал за воротник, принимая ответственные решения в изрядном подпитии. Об этом знал Горбачёв и понял, что, если нажать на эту болевую точку, Коротин исполнит любой приказ, проявит послушание, ибо в любой момент его могут вытурить с директорского кресла.

На календаре был май. Коротин вызвал меня и ещё двух редакторов – Валеру Куролесова из сельхозотдела и Вадима Куропаткина из художественной редакции.

– Ребята, сказал он, – оформляйте командировку, дуйте в Ипатово. Надо выпустить брошюру за подписью Горбачёва. Срок – месяц. Если не уложимся, он не получит орден Октябрьской революции, к которому его представляют.

– Но у него уже есть два ордена Ленина, – сказал Вадим. – Тоже что ли коллекцию собирает?

Намёк был прозрачным. Более внушительной коллекцией наград обладал Леонид Ильич Брежнев.

Куралесов высказался ещё более резко:

– Я не поеду. Этот Ипатовский метод – полный бред. Если всю уборочную технику сосредоточить в одном месте, комбайны будут только мешать друг другу. Во-вторых, в центре Ставрополья созревание пшеницы происходит одновременно во всех районах. В-третьих, если собирать урожай в самом начале созревания зерна, из него ещё не выветрятся ядохимикаты,

которыми это зерно обрабатывают, дабы уберечь от вредителей и сорняков. Нет, это – натуральная афера. Я в ней не хочу участвовать.

Коротин, видимо, предполагал такой вариант развития событий. Редакционный народ взбунтовался. Я же сидел и молчал, поскольку ничего не понимал в сельском хозяйстве.

В директорском кабинете повисло тяжёлое молчание.

– Ну, хорошо, – сказал Александр Васильевич. – Никто не запрещает иметь своё мнение и высказывать его на страницах печатного издания. Давайте поступим так. Вы излагаете суть Ипатовского метода, развёртываете панораму событий и достигнутый результат. А в конце брошюры приводите мнения специалистов, которые высказываются за и против этого начинания. И короткое резюме. Что-то вроде того, что Ипатовский метод должен выдержать испытание временем, прежде чем его возьмут на вооружение во всех регионах страны. Такая постановка вопроса вас устроит?

Мы переглянулись. Во всяком случае, никто ничем не рисковал. Мы не знали о хитрой задумке Коротина – удалить комментарии в самый последний момент.

На следующий день мы отправились в Ипатово – от Ставрополя в 140 километрах. Первый секретарь райкома сразу же повёз нас на высокогорное пастбище, где нагуливали жирок тонкорунные овцы.

Увидев, что мы удивлены, объяснил: «Тонкорунное овцеводство тоже имеет к Ипатову самое непосредственное отношение».

Чабаны встретили нас водкой и бараниной. Чтобы списать вверенное им движимое имущество, составляли акты о том, что зарезанных овец съели ненасытные волки. Другие акты гласили, что бедные животные скончались от какой-то неизвестной науке болезни.

После недельного загула за нами наконец-то приехал Ипатовский партийный вожак. Мы раздобыли подшивку районной газеты и явились в Ставрополь. Брошюру сварганили очень быстро. Так же быстро её набрали. Сигнальный экземпляр, не подозревая, что там отсутствует комментарий, я отнёс референту Горбачёва Ивану Зубенко, в прошлом тоже газетчику. Надо было прочитать брошюру, но на это уже не было времени. Да и я просто не ожидал, что Коротин способен на такую подлянку.

Я был редактором этой брошюры, так как Куролесов и Куропаткин взяли отпуск. Но в тот же день Коротин пришёл в мой кабинет: «Собирайся, пошли, генсек вызывает. Готовься к головомойке».

Мы зашли в какую-то пельменную, выпили по стакану портвейна, поскольку Александра Васильевича била мелкая дрожь.

И вот мы в кабинете Горбачёва. Он стоял к нам спиной, смотрел в окно. Галстук его в отличие от прошлых лет был завязан математически правильно.

– Эта... чёрт знает что такое! – начал он, не здороваясь. – Что же эта... такое вы эта... прямо скажем, вытворяете? Как вы могли! Ведь там стоит моя подпись, а я прочитал только сегодня. Хотя... эта... по счастливой случайности ошибок вроде бы нет.

– Дело вот в чём, – начал было объяснять ситуацию Коротин, но Горбачёв не дослушал:

– Вы эта... всё усвоили?

– Конечно, – согласился Коротин. – Так нам не уничтожать тираж?

Горбачёв просверлил меня своим взглядом и ошастливил вопросом:

– Значит, вы редактор? Сдаётся мне, что мы раньше виделись.

– Да, по соседству жили, – успел сказать я.

– Ну, ладно, ладно, – вдруг помягчел Горбачёв. – Всё, разговор окончен. Идите и сделайте для себя эта... соответствующие выводы. – А книжка, – он сделал паузу, – в общем, пришлите мне ещё эта... экземпляров двести.

В том же году Михаил Сергеевич получил очередной орден. Как и следовало ожидать, за распространение передового опыта в сельском хозяйстве. А я до сих пор удивляюсь прозорливости Коротина. Невозможно даже представить, что было бы, если бы он не удалил комментарии.

Вскоре я вернулся в Черкесск. А там, в Эркен-Шахаре, который переводится с ногайского как «Город задницы» (в газете мы писали Эркин-Шахар) исчез незаметный экспедитор. Никто бы на это не обратил никакого внимания, если бы не одно: исчез он после того, как его вызвали повесткой на допрос в УВД. Как выяснилось потом, милицию интересовало, где он прячет деньги. Неприметный экспедитор был «по совместительству» кассиром организованной преступной группы.

Тут стали чистить Большой Ставропольский канал. Спустили воду из шлюзов и обнаружили труп экспедитора со следами пыток. Об этом каким-то образом узнали в Москве. Оттуда прислали следователей генпрокуратуры – местным стражам порядка давно уже не доверяли. Коррупция и в прокуратуре, и в милиции, и среди судей в Карачаево-Черкессии, как, впрочем, на всём Кавказе, угнездилась Бог знает когда.

Детали этого дела со временем я подзабыл. Но кое-что помню (у меня были надёжные источники). Обнаружилось, что, со слов информаторов (обвинительного заключения я не видел, так как процесс был закрытым), на Черкесском химическом заводе, который возглавлял Герой Социалистического труда осетин Захар Цахиллов, украли большое количество спирта. На сахарном заводе в Эркен-Шахаре этот спирт превращали в водку и реализовывали через официальную торговую сеть в Черкесске и других городах. Были свои люди и в типографии, которые печатали этикетки водки «Экстра».

Так всё совпало

Всеми этими и другими делами заправлял депутат Верховного Совета РСФСР Гаврилов. У него было несколько квартир в разных городах. Он превратил их в мини-фабрики. На одной шили джинсы «под фирму», на другой – изготавливали фурнитуру к ним и т. д.

Когда прокуратура получила добро на арест депутата, было уже поздно – Гаврилов слинял. Но спустя какое-то время его всё-таки изловили. И он якобы заявил: «Если мне дадут больше десяти лет, я сдам с потрохами и областного «папу», и «краевого», которые мне всячески покровительствовали, хорошо зная о моих неблагоприятных делах».

Областным «папой» был в то время Всеволод Мураховский, а краевым – Горбачёв. И происходят весьма странные вещи. Как-то подозрительно вовремя умирает секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Фёдор Кулаков. Его место занимает Горбачёв, а в кресло Горбачёва усаживается Мураховский. Помощник Горбачёва Ильченко спустя много лет рассказал о том, что, когда Михаил Сергеевич забирал свои личные вещи из кабинета первого секретаря крайкома партии, выносил два кейса из сейфа сам, не доверив их никому. Несомненно, в них было что-то очень ценное.

Возможно, Гаврилов и блефовал. Но настораживает другое: судебные заседания (уголовные дела, похоже, не без тайного умысла развели: отдельно судили бытовиков, милиционеров, торгашей, отдельно – Гаврилова) проходили в закрытом режиме. Я пытался получить разрешение присутствовать на них – не получил. Но долго ещё по Карачаево-Черкессии ходили всякие невероятные слухи.

А Горбачёв тем временем, уверовавший в свою безнаказанность, обтяпывал в Москве свои личные дела. Он добился, чтобы на улице Щусева ему выделили на двоих шестикомнатную квартиру, а дочери с мужем – трёхкомнатную в этом же доме. Мебель для этих квартир изготавливали на Кисловодской мебельной фабрике...

Игорь ФЁДОРОВ

г. Липецк

Фёдоров Игорь Борисович. Родился 9 февраля 1963 г. в Липецке. Образование высшее – Липецкий политехнический институт и Московский горный университет. Сценарист. Прозаик. В 2017 – 2021 гг. опубликована серия книг детских сказок «Хитрый Тим – приключения лисенка и его друзей», автор сценария фильма Наталья Бочкаревой «Свободный день». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Реквием бабьего лета

Рассказ

Конец сентября. Берн, Швейцария, наши дни

На одной из центральных улочекерна вызывающе выделяется двухэтажный особняк. Нет, не размерами или вычурной архитектурой. Практически все дома исторического центра, фактической столицы конфедерации, на одно лицо – окрашены в скучный серо-зелёный цвет и укрыты коричневой глиняной черепицей. И только этот привлекает внимание бордовым фасадом со вставками цвета слоновой кости и сверкающей на солнце медной кровлей.

Парадный вход особняка необычно скромнен. Небольшой аккуратный козырёк, тоже крытый медью, два чугунных льва, сторожащих массивную входную дверь тёмного дерева, и небольшая медная табличка с лаконичным названием ARCADIA BANK.

Этим сентябрьским днём в бордовом здании в самом центре Берна было непривычно суетно. По коридорам с панелями из морёного дуба сновали странные бородачи в джинсовой униформе, нагруженные катушками кабелей и предметами, сложенными в разнокалиберные чехлы. В большом кабинете председателя правления, обставленном антикварной мебелью Викторианской эпохи, другие бородачи чехлы распаковывали и собирали громоздкие осветительные приборы, которые тут же опутывали множеством проводов.

В центре этого хаоса металась молодая женщина, командно жестикулируя левой рукой, зажав в правой большой микрофон на кубической подставке. Волосатый длинноногий оператор с прямоугольной камерой на плече, следуя указаниям, плавно перетекал по кабинету от одного предмета к другому.

Женщина ненадолго задержалась у большой, если не сказать огромной, картины в причудливой золочёной раме.

– Вилли, закончишь с интерьерами, возьмишь за картину. Вначале вот отсюда... полностью, но потом обязательно детей, крупно. И отдельно родителей. Будет хорошо для перебивок.

С полотна на суетящихся с холодным равнодушием взирал крупный сорокалетний мужчина, прямо сидящий на стуле. Справа, положив мужу руку на плечо, застыла черноволосая красавица. На указательном пальце правой руки женщины поблескивал массивный перстень с большим зелёным камнем. На переднем плане, перед матерью, вытянулась пара близнецов-мальчишек, неуловимо похожих и на отца, и на мать. Дети аккуратно пострижены, с одинаковыми проборами и в белоснежных

рубашках, застёгнутых до последней пуговицы. Картина писана маслом и, бесспорно, мастером, сумевшим передать черты оригиналов – красоту матери, солидную серьёзность отца и лучезарную невинность деток.

За всей этой непривычной для банка сумятицей беспристрастно наблюдали двое: хозяин кабинета, утонувший в глубоком кресле за огромным, словно поле для мини-футбола, столом, и чуть позади здоровяк-телохранитель.

Обе фигуры по-своему колоритны. Пышущий здоровьем гигант втиснут в строгий костюм, швы которого, казалось, вот-вот разойдутся под напором мускульной массы. Бритую макушку охранника прикрывала кipa – традиционный головной убор убеждённого иудея, а спадающие на плечи витые пейсы красноречиво подчеркивали национальность и вероисповедание их владельца.

Хозяин кабинета, лысый старик с яйцеобразной головой и желтоватой, со множеством пигментных пятен кожей, напротив, очень тощ. Его неестественная худоба и тончайшие запястья, торчащие из рукавов строгого костюма, свидетельствовали об онкологии и курсах химиотерапии. Старика запросто можно было спутать с мумией, если бы не его глаза, удивительно живые и яркие для более чем почтенного возраста.

Столешница из дорогого азиатского тика сияла девственной чистотой. На столе отливала антрацитом ларингофон – спутник перенесших операции на гортани – и поблескивало старинное чёрно-белое фото в серебряной рамке на поставке.

Женщина с микрофоном окликнула крупную девицу, увлечённо листавшую смартфон у дальнего окна в кабинете:

– Герда, мы готовы?

– А? Да, конечно.

Толстуха со смущением вставила телефон в задний карман необъятных джинсов.

– А микрофон?

– Ой! – Девушка метнулась к хозяину кабинета, натыкаясь на стойки приборов и цепляя кроссовками за провода. После того как малюсенькая прищепка была благополучно прищиплена к лацкану пиджака, а провод от микрофона исчез за его полкой, девушка выпрямилась и выдохнула:

– Уф! Теперь все.

Женщина-корреспондент улыбнулась и произнесла:

– Хорошо. Герр Разумовский, прошу прощения, забыла представиться. Меня зовут Нора, я корреспондент пятого канала. Сегодня я буду брать у вас интервью. Говорят, ваше прозвище – Везунчик. Не могли бы вы рассказать, как вы его получили?

Эффектная женщина, да ещё и работник телеканала, Нора любила театральные жесты. Вот и сейчас она приблизилась на пару шагов к столу председателя и, приветствуя, протянула руку тыльной стороной вниз. То ли для рукопожатия, то ли для поцелуя. Старик в ответ приподнял своё запястье, едва ли не тоньше женского, и чуть прикоснулся к безукоризненным ногтям, покрытым бесцветным лаком.

– Итак, герр Разумовский, мы начинаем?

Разом вспыхнули лампы, заставив старика поморщиться, а охранника нацепить на нос тёмные очки-авиаторы. Оператор поднял камеру на плечо и занял позицию слева от письменного стола.

Пауза, возникшая после вопроса, сделала улыбку интервьюера более нелепой, чем обычно. Старик молчал и, не отпуская женскую руку, пристально вглядывался в кольцо на её указательном пальце. Пауза тянулась и тянулась, пока журналистка не выдержала и, убирая кисть, поинтересовалась, изображая участие:

– Герр Разумовский? Всё хорошо? С Вами всё в порядке?

Старик, словно очнувшись, прижал ларингофон к шее, справа от острого кадыка. Металлический хрип звучал громко и пугающе резко:

– Прошу прощенья. Покажите мне ваше кольцо.

Профессиональная улыбка Норы вернулась, но её моментально сменило выражение растерянности.

– Извините, что? Какое кольцо?

Теперь рука старика морщинистой ладонью вверх властно тянулась в её сторону.

– Ваше кольцо. Пожалуйста, дайте. И не волнуйтесь. Я только посмотрю.

На этот раз пауза была более продолжительной. Старик ждал с вытянутой рукой, охранник застыл невозмутимым сфинксом, в бородах осветителей спрятались недоуменные ухмылки, а рот недалёкой Герды приоткрылся от изумления.

Ситуация становилась нелепой. Нора осмотрелась, словно ища поддержки коллег, пожалала плечами, шагнула к старику и, с усилием стащив с пальца массивное украшение с крупным зелёным камнем, опустила в узкую старческую ладонь.

Банкир выудил из недр своего стола большую ювелирную лупу и погрузился в изучение украшения, словно забыв об интервью, людях в его кабинете и вообще обо всём на свете, кроме маленького кусочка тусклого металла.

Видя увлечённость старика и принимая её за причуду, Нора понемногу овладела собой.

– Оно у меня от мамы, а у мамы от бабушки. Говорят, прадед привёз его из России. А ещё говорят, что это кольцо самой царицы Екатерины. Там внутри гравировка, вы обратили внимание? «Анне от Е». Выдумка, конечно. Легенда. Если бы это было так, его место было бы где-нибудь в Эрмитаже, а не на блошином рынке Киева.

Старик оторвался от кольца, чуть повернув голову в сторону охранника. Этого движения оказалось достаточно. Гигант неуловимо быстро приблизился к хозяину и склонился к его губам. Выслушав короткое указание, произнесённое свистящим шёпотом, охранник отошёл к массивному и очень старому, как и вся мебель в кабинете, сейфу.

Квадратная фигура заслонила святителище от недоуменных взоров телевизионщиков, громко и отчётливо прозвучали щелчки механических замков. Не скрипнула, а, скорее, свистнула массивная дверь, и охранник вернулся к столу банкира с денежными пачками. Старик осторожно, словно хрупкую вещь, уложил кольцо перед собой, тонкими пальцами переложил пачки стопкой и пододвинул к краю стола.

Нора ожидала объяснения, явно ничего не понимая. Старик тронул шею ларингофоном:

– Сто тысяч евро, возьмите. Я прошу продать мне ваше кольцо.

Рот Герды раскрылся ещё шире, а глаза от удивления округлились. Шли минуты, но женщина всё ещё не понимала, что происходит.

– Я не знаю... Это всё так... Неожиданно. Я не собиралась, всё-таки семейная реликвия. Извините, конечно, но я, наверное, не могу...

Банкир нетерпеливым щелчком сухих пальцев вновь отправил охранника к сейфу. И на этот раз банковских упаковок было больше, гораздо больше.

Перед глазами изумлённой Норы на столе выросла внушительная денежная горка. Казалось, скрежет старческого голоса стал ещё более нетерпимым и неприятным:

– Вот миллион за ваше кольцо. Берите и уходите. Интервью окончено.

Не дождавшись ответа и зажав в кулаке кольцо, банкир закрыл лицо руками.

Плечи старика затряслись от беззвучных рыданий. Растерянная женщина переводила взгляд с плачущего банкира на деньги.

– Я не... У меня и положить-то их некуда...

Старик, не открывая лица, махнул охраннику. Атлет, словно фокусник, выудил из нижнего ящика секретера небольшую сумку, упаковал деньги и толкнул сумку женщине в руки.

– А теперь, пожалуйста, уходите. Аппаратуру заберёте завтра.

Охранник так серьёзно оглядел присутствующих, что возражающих не нашлось. Телевизионщики тихо покинули кабинет.

Минут через сорок, оккупировав угол полуподвального пивного ресторанчика, команда быстренько напилась, расслабилась, и все дали волю воображению. Версии лились и множились с каждой дюжиной высоких литровых кружек светлого пива с шапками густой белой пены. И только симпатичная молодая женщина сидела в глубокой задумчивости и практически не пила, прижимая к коленям сумку с неожиданно свалившимся богатством.

Охранник, проводив молодёжь, мельком бросил взгляд на шефа и, убедившись, что истерика прошла и старик вновь увлечён кольцом, неслышно испарился. С картины на стене всё с той же невозмутимостью смотрели мужчина, сидящий прямо на стуле, и красавица, застывшая рядом. На пальце правой руки женщины, обнимавшей плечо мужа, блестел перстень, точная копия причины сегодняшней неожиданной сумятицы.

Солнце миновало высшую точку подъёма и величественно поплыло в сторону горной гряды, готовясь нырнуть за её белоснежные шапки. Заканчивался тёплый сентябрьский день.

28 сентября 1941 года. Киев

Сентябрь в Киеве – месяц, считай, летний. Листва деревьев, ещё густая и сочно-зелёная, кое-где подёрнута желтоватой каймой, но нет даже намёка на багровые ковры, укрывающие мостовые – вечную головную боль дворников.

Начиная с конца июня, события в городе неслись и менялись с калейдоскопической быстротой, словно злой чародей юлой раскрутил волшебный фонарь. Бомбёжки, всё приближающаяся канонада, сумбур и суета эвакуации, уход Красной Армии и занятие Киева немцами и, наконец, взрывы и пожары в тщательно минированном центре города. Оставшиеся обыватели, стараясь лишний раз не высываться из домов, притихли в напряжённом ожидании.

Дома на Нагорной улице, что на северо-западе Киева упирается в Нагорный переулок и Николаевскую церковь, от бомбёжек и пожаров не пострадали. Семья Разумовских занимала две комнаты из шести большой коммунальной квартиры на верхнем этаже трёхэтажного дома номер четырнадцать – бывшего «Доходного дома Фитцлера».

Соседи по коммуналке, две семьи сотрудников профсоюза железнодорожников, с криками и руганью погрузили внушительный скарб на скрипучую полуторку и эвакуировались. Так что фактически Разумовские жили одни в огромной квартире, хотя двери комнат соседей были надёжно заперты, даже их шкафчики на общей кухне были увешаны массивными навесными замками.

Сам Аркадий Разумовский, сорокатрёхлетний муж красавицы Рахили и отец двух близнецов восьми лет, Яши и Фимы, никогда ни в профсоюзе, ни в партии не состоял, поскольку потомственно владел небольшой сапожной мастерской, переходящей от отца к сыну на протяжении уже пяти поколений. Как представитель чуждого пролетарскому государству «частного капитала» Аркадий не мог рассчитывать на централизованную эвакуацию, а самостоятельный отъезд стал невозможен из-за взлетевших до небес цен на гужевые подводы. Так что семья Разумовских осталась в Киеве, рассудив, что сапоги будут нуждаться в починке независимо от ног, на которых они рвутся, советских или немецких.

В тёплый, но уже не душный сентябрьский вечер, 28 сентября 1941 года, семья Разумовских собралась на большой кухне своей опустевшей коммунальной квартиры. Близнецы Яша и Фима, оседлав окованный железом сундук, играли с деревянной лошадкой в будённовцев. Рахиль чистила картошку у окна, и перстень с зелёным камнем на её правой руке отражал закатное солнце, разбрасывая изумрудные всполохи по кухонным шкафчикам и стенам.

Сейчас она прислушивалась к беседе за обеденным столом, укрытым цветастой скатертью с плетёными рюшами. Глава семейства спорил с сидящим напротив скверно выбритым, плюгавеньким мужичонкой – Миколой Красным, получившим прозвище за сизый, с красными прожилками нос и багровое, постоянно обветренное лицо. Микола жил в семнадцатом доме, на нечётной стороне, чуть ближе к Николаевской церкви. Он и не думал уезжать и одним из первых записался на службу к новой власти. Красный и все его многочисленные родственники приняли немцев с нескрываемым энтузиазмом и как могли старались извлечь из перемен максимальную выгоду.

Вот и теперь Микола елозил тощим задом на табурете, причмокивая большим зубом, и нервно разглаживал грязными ладошками мятый листок – циркуляр.

Потомственный сапожник, недоверчиво качая головой, открыто смотрел на соседа, словно пытаясь прямым взглядом остановить бегающие маленькие глазки мужичка.

– Они не могут так поступить! Это же культурная нация. Там же написано, читай: «... собраться на сборном пункте для переезда на другое место жительства». Понятно? На другое место. Это что-то вроде эвакуации.

Микола нервно хихикнул, бегая глазами по всей кухне.

– Ага! Эвакуации! Как же! У меня кум писарем в комендатуре, говорит, что позавчера зондеркоманда прибыла! Он сам ихнее требование выдал на патроны к пулемётам. Аж десять тыщ. Для кого, думаешь? А племяша моего, что в полицаи подался, уже три ночи гоняют в урочище между Лукьяновкой и Сырцом. Тута недалече. И копать, между прочим, заставляют. Траншеи. Для кого это? А? А я тебе скажу. Для вас это, Яша! Соберут всю жидовню с Киева, разом положат и прикопают. О как!

Аркадий с упрямством отрицательно качал головой:

– Нет. Быть такого не может! Вот же пишут – собраться для переезда.

Микола перестал рыскать взглядом по сторонам и, печально покачав головой, впервые посмотрел в глаза наивному работяге:

– А ты верь больше! Они тебе напишут.

По прямой и напряжённой, как струна, спине Рахили было понятно, что женщина внимательно вслушивается. Дети же были увлечены игрой и, как часто бывает, ссорились. Заводилой был Яша.

– Я буду красным будённовцем, а ты, чур, беляком! Видишь, у меня какой конь? Такие только у будённовцев!

Фима, всегда уступая брату в настырности и упорстве, на этот раз сдаваться не спешил.

– Это же я тебе коня отдал! Давай назад, я буду будённовцем!

– Ничего ты мне не давал! Играй давай! Будешь беляком, – хитрющий Яша тут же спрятал игрушку за спину.

– Сам играй беляка! Отдавай коня!

На сундуке назревала нешуточная ссора, которая вполне могла перейти и в драку.

– Дети! Ну-ка, потише! – окрик матери остудил перепалку, и близнецы притихли.

Рахиль развернулась и, подойдя к столу, припечатала своей красивой ладонью мятую бумагу:

– Яков, не глупи! Всё понятно, почему нас собирают. А ты, Микола, зачем пришёл? Не просто же так, нас предупредить?

Красный почмокал большим зубом, метнул косой взгляд на хозяйку и ещё чаще закружил, забегая глазами по кухне.

– Умная всё-таки у тебя жена, Яша. Мне б такую. Верно. Не просто так. Вы ж знаете, я навоз с немецких конюшен вывожу. Немцы – они чистоплюи, не хотят навоза в городе, требуют в лес вывозить. И документ, аусвайс по-ихнему, мне выправили. Чтоб, значит, через все посты ехал. Ну, так вот. Завтра поутру, часов в шесть, я повезу из города три бочки. Две уже заняты, а в третьей смогу кого-нибудь из вас вывезти.

Глава семейства озадаченно потёр лоб.

– Я ничего не понимаю. Ты навоз вывозишь, а мы-то при чём?

Жена покачала головой, удивляясь недогадливости супруга.

– погоди. Он говорит, что под навозом может людей вывезти.

Микола выудил мятый, видавший виды платок и шумно высморкался.

– Я же говорю, умная. Я о чём толкую? Две бочки уже заняты. Свободная одна. Кого-нибудь из вас могу взять. Но только одного. Звиняйте.

– Понятно. И что ты за это хочешь? – в ответственные моменты Рахиль бывала собранной и конкретной.

Взор соседа-хитрована блуждал по потолку и стенам кухни. Красный боялся продешевить.

– Понятно, что не бесплатно. Я же своей макитрой рискую. Не чужой.

Отойдя в угол и закрыв собою буфет, Рахиль достала давнюю заначку, пачку купюр, перетянутых бечёвкой. Из недр нижнего отделения появляются буханка хлеба, пара банок консервов, газетный кулёчек с сахаром. Всё богатство семьи Разумовских ложится на стол перед Миколой.

– Денег у нас, правда, немного. Вот ещё продукты, сахар...

Красный с кривой улыбочкой оценивает предложенную плату.

– Богато живёте... Консерва, сахар.

Показное добродушие тут же с него слетает, и Микола срывается на крик, вскакивая с табурета:

– Ты что, дура?! Какая консерва? Я свою башку подставляю из-за вас, жидов! Ты золото давай! Лучше царскими десятками или камни-брильянты! А деньгами своими вон печку растопите. У нас в городе теперь тока марки в ходу!

Брови сапожника поднимаются, и непонятно, чем он больше удивлён, запросами соседа или его неожиданной истерикой.

– Сосед, опомнись, какое золото? Мы ж с отцом всю жизнь сапожную лавку держали. Откуда у сапожников золото или камни?

И хотя рассудительный тон Аркадия успокаивающе подействовал на говновоза, за стол Микола вновь не сел.

– Всё у вас, у жидов, так. Вас спасаешь, а вы прибедряетесь! Небось, у самих всё добро по нычкам распахано? Ладно, что с вас, нищевродов, взять? Так уж и быть, спасу так, по-соседски.

Красный как-то по-особенному, словно облизываясь, осмотрел фигуру женщины, подошёл почти вплотную и обнял за талию.

– Но и ты, соседка, уж меня не обидь. Приласкай, вон прямо сейчас, в спальне.

Поднялся из-за стола и отец. Одной рукой за воротник оторвал соседа от жены, второй крепко сжал тонкое, покрытое седой щетиной до самого кадыка горло, припечатывая к стене тщедушное тело. Несостоявшийся любовник закатил глаза и засучил ногами. Громкий хрип постепенно переходил в тонкий писк.

Дети, поняв, что происходит страшное, обнялись в углу сундука, защищая друг друга, и притихли. Рахиль передёрнула плечами, не от испуга, а от безгливости.

– Не надо, Аркаша. Отпусти. Не стоит он этого. Да и детей перепугаешь.

Тяжело переводя дыхание, муж и отец нехотя ослабил хватку. Микола кулём плюхнулся на колени, жадно заглывая воздух широко распахнутым ртом. Немного отдышавшись, поднял голову и не сказал, а скорее, пролаял:

– Правильно немцы вас, жидов, расписать решили. Их спасти желаешь, а они – гады неблагодарные... Прощевайте, чего там.

Говновоз с трудом поднялся с пола, выпрямился и пошатываясь поплёлся к выходу. Женщина остановила Миколу властным окриком:

– Подожди! Ты драгоценности хотел?

Красный обернулся, замерев у входной двери. Губы соседа скривились в ехидной усмешке.

– А что, есть? Я же знал! Я всегда знал, что вы, жидовня, только прибедряетесь! Запрятали золотишко-то? Камушки?

Рахиль с усилием стащила с пальца перстень и протянула Миколу:

– Вот, возьми. Это будет хорошей платой.

Муж запротестовал, но как-то неуверенно и робко:

– Рахи, ты что? Не надо!..

Микола жадно вцепился в перстень и подбежал к окну. Осматривал драгоценность долго и тщательно. Зачем-то куснул кольцо из тусклого, тёмного металла, безгливо скривился и завизжал, тряся небритым подбородком.

– Ты что мне суешь? Оно даже не золотое! И что это за камень? Стекляшка какая-то. Ты мне золото давай! Брильянты!

Рахиль терпеливо смотрела на брызгавшего слюной мужичонку.

– Это лучше золота. В нашей семье одна из прапра... ну не важно, была повитухой. Её звали Анна, и роды она принимала у царицы Екатерины II, когда она рожала от Григория Орлова. Екатерина и подарила ей этот перстень. Там внутри гравировка. «Анне от Е». Перстень сам серебряный, но камень изумруд, большой и чистый, он дороже бриллианта.

Микола вновь приник к окну, осматривая перстень. Медленно шевеля губами, вслух читал гравировку.

– Анне от Е... Хм. Бреешь, наверное. Сами гравировали, а плетёшь, что царский. Вам, жидам, верить – себя обмануть.

Губы Рахили стянулись в тонкую строчку:

– Верни перстень!

Красный моментально спрятал драгоценность в бездонный карман грязных галифе.

– Ладно, ладно! Что-то вы, жида, стали уж больно обидчивые. Слова не скажи. Хорошо.

Пусть.

Подобревший и осмелевший, Микола вразвалочку, по-хозяйски прошёл к столу, выудил из кармана большой, не первой свежести платок и, собрав в него продукты, увязал в узел. Немного поразмыслив, отправил за пазуху и пачку денег. Выходя из комнаты, зацепил и женское пальто с вешалки.

– Это для ровного счёту. Утром, в шесть, выходите. Доброе у меня сердце, что ж тут поделывать. Вывезу одного, так уж и быть. И не опаздывайте. Ждать не буду.

Красный ушёл, с руками, занятыми узлом с продуктами. Дверь закрыла Рахиль, потом, вернувшись к примусу, установила на старенький, закопчённый агрегат большую кастрюлю, которую наполнила водой большим половником из ведра, и, чуть поведя плечами, смущённо улыбнулась мужу.

– На ужин только картошка. Хорошо хоть соли немного осталось.

В большой бутылки тёмного стекла керосина оставалось совсем чуть-чуть, поэтому приходилось экономить. Керагаз едва жужжал, выдавая крошечный кружок синеватого пламени. Картошка вскипала долго.

В традиция семьи Разумовских было использование времени с толком, поэтому в ожидании ужина Аркадий взялся за починку детской обуви, а Рахиль села подшивать одежду за напольную швейную машинку, занимавшую целый угол, справа от входа в кухню. Жужжание ножного привода успокаивало Рахиль, а необходимость следить за ровностью строчки отвлекала от мрачных мыслей.

Женщина не заметила, как подошёл муж и положил ей руки на плечи. Вздрогнула от неожиданности, сняла ногу с привода, останавливая шитьё, но не повернулась.

– Я думаю, что ехать должна ты. – Аркадий не шептал, но говорил тихо, наклонившись к жене и почти касаясь губами её смоляных волос.

Дети слезли с сундука, помирились и тихонько играли в противоположном конце кухни.

– Почему? – голос Рахили звучал неожиданно хрипло и напряжённо.

Аркадий же, наоборот, старался убедить жену мягким, спокойным тоном:

– Ты молодая. У тебя ещё будут и семья, и дети.

Теперь женщина повернулась и буравила мужа снизу большущими карими, полными слёз глазами.

– Дурной ты. Без тебя, без Фимы, без Яши? Я не смогу.

Улыбка сквозь слёзы сделала Рахиль такой беззащитной, что у Аркадия защемило в глубине груди, и он покачал головой.

Женщина, повернувшись, откинула каретку машинки, заканчивая работу, и встала, поправляя на плечах платок, к вечеру на кухне становилось прохладно.

– Картошка сварилась. Давайте ужинать.

– Дети! Марш за стол!

Отец и близнецы расселись по своим местам за обеденным столом. Рахиль поменяла цветастую скатерть на белоснежную, накрахмаленную и выставила столовые приборы от фамильного сервиза. Поставив в центр стола кастрюлю с немудрёным ужином, хозяйка завершила сервировку початой бутылкой водки с пробкой из плотно скрученной газеты. Всё это было проделано так быстро и ловко, что Аркадий только покачал головой.

– Ух ты! Да у нас сегодня праздник?

– Есть повод.

Рахиль протянула мужу бутылку. Она никогда сама не открывала и не разливала спиртное. Пока муж колдовал, отмеряя по маленьким стопкам прозрачное зелье, женщина раскладывала картофель по тарелкам.

Нетерпеливый Яша, прыгнув со стула, выхватил из кастрюли картофелину и тут же уронил, обжёгшись. Малыш затряс ладонью, отчаянно дую на пальцы:

– Ай! Она горячая! Больно!

Отец перехватил ладошку сына, капнул немного подсолнечного масла и нежно растёр.

– А спешить не надо. Сколько раз говорил? Поспешешь – людей насмешишь. Или пальцы обожжёшь. Давай почищу.

Брат, ревнуя, заныл:

– А мне кто почистит? У меня тоже горячая.

Мать улыбнулась, погладила любимчика по голове и усадила к себе на колени:

– Давай я помогу.

Забыв о своих остывающих тарелках и разлитой водке, родители чистили детям крупный, сваренный в мундире картофель. Словно продолжая спор с соседом, Аркадий высказался:

– А может, всё не так уж и плохо? Наверняка этот проныра всё придумал, чтобы нас подоить. Написано же – сбор для переезда. Посадят по вагонам и отвезут куда-нибудь подальше. В Польшу, например. А там работу дадут, жильё. Я работы не боюсь. Что скажут, то и буду делать. Кольцо твоё жалко. Да ладно, чего там, дело наживное.

– Наверняка придумал. Действительно, соберут и эвакуируют. – Рахиль подозрительно легко согласилась с мужем.

– Мам, а что такое – эвакуируют? – талантливый, с развитым музыкальным слухом, Фима на удивление правильно выговорил сложное слово.

– Это когда мы все уедем, – отец объяснил сыновьям суть, не углубляясь в тонкости.

– Далеко-далеко? Как к бабушке? – счёл правильным встрять в разговор Яша с набитым ртом.

– Как к бабушке. Может, чуть подальше. Жуй давай. – Рахиль не одобряла разговоров детей за едой.

– Я люблю далеко ехать. В поезде можно в окно смотреть, – услышав о путешествии, обрадовался Фима.

– А я ещё больше люблю далеко ездить! А в поезде можно ещё спать на верхней полке! Мам, чур, я буду на верхней! Можно? – Яша никогда не уступал брату, а особенно в таком важном деле, как путешествие к бабушке.

– Можно! Путешественники, доедайте, умывайтесь – и марш в кровать! А то поезд проспите. – Мать поставила точку в детском споре и семейном ужине.

Дети спешно отправили в рот оставшуюся на тарелках картошку и дожёвывали уже на пути к умывальнику. Рахиль грустно смотрела в свою тарелку, на очищенные нетронутые клубни. Тревога

передалась и детям. Присмирившие близнецы подошли, поцеловали родителей по очереди и зашлёпали сандаликами в спальню.

Ночь на 29 сентября 1941 года в Киеве была особенно тревожной. Навязчивый гул грузовиков, перевозящих кого-то и куда-то, перекрыл своим низким басом все звуки прифронтового города. Кроме прыгающего проблеска автомобильных фар, только полная луна своим круглым кроваво-бордовым диском освещала пустынные улицы, нарушая правила светомаскировки. Тёмные громады домов рябили тусклыми отблесками свечей, пробивающимися сквозь плотные шторы на окнах. Город не спал в ожидании исполнения непонятого и страшного приказа о переезде.

Аркадий с женой этой ночью тоже не спали, но свечей не жгли. Их осталось всего несколько штук, и рачительный хозяин решил приберечь ценность до обустройства семьи на новом месте.

Дети мирно сопели в кровати. Обычно близнецы спали порознь, для этого у них была двухъярусная кровать – причина постоянных споров, кто спит сверху.

Но сегодня дети уснули вместе, обнявшись, и Рахиль разрешила мужу детей не перекладывать.

Разумовские распахнули плотные шторы, и бордовая луна с безоблачного звёздного неба залила светом всю спальню: громоздкий старинный шифоньер, причудливый приставной туалетный столик с овальным зеркалом и массивную двуспальную хозяйскую кровать на резных ножках. Форточка была распахнута – Аркадий, лежащий поверх одеяла в белоснежном нательном белье, курил.

Рахиль в длинной ночной сорочке, укрывшись одеялом, прикипела к плечу мужа, и только по её редким глубоким вздохам сапожник понимал, что жене тоже не до сна.

Аркадий, спрыгнув с кровати, шлёпнул босыми ступнями о холодный дощатый пол, сильными руками подхватил жену, словно пёрышко, и поставил рядом. Крепкие руки скользнули по женским бёдрам, цепляя подол ночнушки и поднимая его вверх.

– Тише ты! Детей разбудишь! – её руки, словно крылья большой чайки, взлетели, помогая литому телу освободиться от рубашки, длинные и тонкие запястья обвили шею супруга, а полные губы призывно раскрылись, дразня и провоцируя.

В эту ночь Аркадий был неутомим и разнообразен, а Рахиль любила мужа страстно и пылко, и не было этой ночью для влюблённых ни запретов, ни табу, кроме, пожалуй, громких стонов и криков. Оба боялись разбудить сопящих близнецов.

...Рассветное зарево восходящего солнца возникло в свободном от тяжёлых занавесей окне. До шести оставалось не более часа. Надо было принимать решение.

Рахиль встала с кровати, легко и грациозно потянулась, и её нагой силуэт заслонил освещённый зарей оконный прямоугольник.

– Я решила. Пусть Фима едет, – голос матери звучал спокойно и уверенно.

– Почему Фима?

– Он такой музыкальный. Ты посмотри на его пальцы. Он прирождённый скрипач.

Рахиль, наконец, повернулась к мужу, но Аркадий уже не видел ни тяжелой груди, ни плоского живота – редкость для рожавшей женщины. Он думал только о мучительном, невозможном выборе не когда-то там, потом, а здесь и сейчас.

– Пальцы, положим, у них одинаковые. Просто Фима – твой любимчик.

– Глупости не говори.

– Зато Яша в математике силён. Он, может, будущий гений! Учёный, будущий Менделеев. Яша поедет.

– Ага, и в математике, и твой любимчик, – женщина начала сердиться. – Нет, Фима едет. После войны музыканты будут нужнее.

– Что за глупости ты городишь? Как это, музыканты нужнее учёных? Яша едет!

– Я сказала – Фима!

– Яша!

До серьёзной ссоры оставался малюсенький шажочек или брошенное в сердцах слово. Рахиль опустила глаза и, не глядя на мужа, которому ещё несколько минут назад отдавала всю земную любовь, прошептала:

– Поссориться хочешь? В это утро?

Аркадий как-то сразу сник и сдался:

– Хорошо. Давай тянуть жребий.

– Жребий? Пусть будет жребий. На спичках, и я сама прячу! А то я тебя знаю!

Это была прежняя Рахиль – решительная и способная собраться в сложный момент. Обнажённой фурией метнулась женщина на кухню. Шлепки её босых ступней гулко разносились по пустынному коридору. Через минуту перед Аркадием, кроме покачивающейся полной груди, замаячила сжатая ладонь с торчащими круглыми коричневыми головками двух спичек.

– Короткая – Яша едет, длинная – Фима. Тяни!

Тоненькая струйка крови из прокушенной нижней губы побежала по небритому подбородку Аркадия. Долгие секунды мучительного выбора набатным колоколом стучали в висках обоих родителей.

И Аркадий вытянул. Короткую.

Через несколько минут родители одевали и собирали в дорогу полусонного Яшу. После мучений с крепкими, хорошо выглаженными брюками из чёрной саржи и хлопчатобумажной рубашкой наступил черед тёплого свитера и холщовой жилетки без рукавов.

Ребёнок хныкал и капризничал, с закрытыми глазами подставлял руки и ноги и осознанно возмутился, только когда почувствовал на макушке картуз с бумбоном. Его Яша невзлюбил с момента покупки.

– Опять эта дрянь с бумбоном! Снимите! Он девчачий! Не поеду никуда!

– Ну-ка прекрати истерики устраивать! Как не стыдно, ты что, маленький? – тихонько прикрикнула Рахиль на сына. – Что бабушка скажет, когда узнает, что ты тут закатываешь?

– А мы что, уезжаем? К бабушке? – Яша моментально забыл о ненавистном картузе.

– Да, к бабушке. Ты поспи, сынок, ещё рано. А проснёшься уже у бабушки.

Мать уложила полностью одетого Яшу на край своей кровати, а отец аккуратно и тщательно зашнуровал начищенные ботинки на ногах засыпающего мальчика.

Рахиль расстелила на туалетном столике большой белый платок, уложила три холодные картофелины, тёплые шерстяные носочки с вязаными варежками и крепко, крест-накрест, перевязала концы. Получился небольшой узелок.

Женщина лихорадочно обшаривала комнату взглядом, словно силясь вспомнить о чём-то. На комод стояло семейное фото, ради которого Разумовские потратили половину законного воскресенья в шикарной фотостудии. Рахиль вытащила картонку из рамки и спрятала за воротом платья.

– Теперь всё. Он может ехать.

Лёгкий утренний ветерок легко пробирался сквозь одежду, и вышедшие заранее к подъезду Разумовские сильно продрогли. Рахиль ёжилась, кутая плечи широким платком, а Аркадий вынужденно согревался, перестукивая ногами в тяжёлых ботинках. Руки отца были заняты спящим Яшей.

Звон подков, гулко разносившийся по округе, издали предупредил о приближении соседской телеги. Микола, одетый тепло, в засаленной фуфайке, грязных стеганых штанах и кургузой шапчонке с поднятыми и подвязанными ушами, подъехал и подтянул поводья, воровато оглядываясь по сторонам. На телеге стояли три большие грязные бочки, поставленные «на попа» и свитые для надёжности пеньковой верёвкой.

– Тру-ууу. Ну, решили, кто едет?

Рахиль шагнула вперёд и положила ладонь на худую шею лошади.

– Яша. Вывези сына.

Микола подтянул под себя ноги в старых, давно не чищенных кирзачах и встал на телеге у ближней бочки. Тележные доски под сапогами возмущённо заскрипели.

– Ладно. Давайте вашего везунчика. Только быстро.

Отец бережно передал сына соседу, и тот аккуратно уложил мальчика в бочку, укрыв куском дырявого брезента, а сверху засыпал сухим навозом из мешка, лежавшего тут же, в телеге.

– Всё, прощайте!

Приладив крышку на бочке, Микола уселся, поднимая вожжи. Рахиль спохватилась, хватая лошадь под уздцы и останавливая трогаящуюся телегу.

– Ох! Чуть не забыла. Передай тем людям, что Яшу приютят. Пусть будет ему на память. –

Женщина втолкнула недовольному соседу картонку с семейным фото.

– Микола, ради всего святого, ради твоих деток, отдай Яшу хорошим, добрым людям.

– Ладно. Не бойсь. Сделаю в лучшем виде! Но-о, поехали! Чо как мёртвая?!

Убрав картонку с фото за пазуху, Красный щёлкнул вожжами. Лошадь медленно, словно нехотя, зацокала по мостовой.

И всё-таки конец сентября – это прощание с летом в ожидании осени. Ещё стоят тёплые дни и далеко до жёлто-багровых листопадов, ещё жарко светит полуденное солнце, весело плещется в Днепре лить-верховодка, но по ночам холодная роса, предвестник инея, обильно покрывает траву, уже готовую пожухнуть и спрятаться под коростяной наст до весны.

Ранним утром 29 сентября 1941 года в лиственном перелеске на северной окраине города, спрятавшись между двумя ярко-алыми рябинами, мёрз и скучал пост из двух полицаев. Они согревались, толкаясь, подпрыгивая и кутаясь в чёрные шерстяные бушлаты с белыми повязками на рукавах.

Вначале услышав, а потом и разглядев в рассеивающемся утреннем тумане приближающуюся к посту телегу, один из полицаев, маленький и тщедушный заморыш, властно вскинул левую руку и шагнул навстречу.

Микола правил лошадьёю и, подхихикивая, радовался своей удаче. Говновоз благополучно миновал три поста в самом Киеве и один на выезде. Хотя навоз он возил недавно, его узнавали, аусвайс работал исправно, а грязные, дурно пахнущие бочки чистолюи постовые и не думали досматривать.

Бумажка с лиловой печатью комендатуры, заискивающая улыбка Красного, пара непонятных солдатских острот на языке, смахивающем на собачий лай, и все дела – езжай, Микола, как говорится, на все четыре.

Микола катил в сторону ближайшего листового леса, в мыслях подсчитывая будущие барыши. «Если жидовню и взаправду будут в расход пущать, это сколько ж можно на их вывозе заработать? К примеру, за неделю? Надо только цену установить твердую – никаких вещей и продуктов. Золото, бриллианты и ничего больше. Жить захотят – заплатят!».

Мечтая о будущем богатстве, Красный не сразу заметил в размытом туманном воздухе маленькую фигуру со вскинутой рукой. А заметив, мысленно перекрестился и натянул вожжи. Скрипя плохо смазанными ступицами, телега подкатила к посту.

Маленького полицая, остановившего на пыльной дороге телегу, звали Олесь, а его товарища, вышедшего на дорогу из-за рябин, худющего флегматика – Тарас. В детстве Олесь за приступы необъяснимой ярости прозвали Шалым. В школе даже присказка ходила: «Дурный, як Олесь Шалый». Тарас, наоборот, был умным, наблюдательным и себе на уме. Благодаря учителю, обрусевшему немцу, неплохо знал немецкий. Из Красной Армии Тарас благополучно дезертировал.

Олесь неторопливо подошёл справа от телеги к лошади и перехватил уздечку.

– Стоять! Куда едешь? Что везёшь?

Микола с заискивающей улыбкой склонился к полицая:

– Доброго утречка, господин-пан полицейский! Так это ж, за город едем, навоз вывозим, вот у меня и аусвайс.

Красный совал в руки Шалого заранее заготовленную бумагу. Его напарник еле сдерживал злорадный смех:

– Ты чо пристал? Это ж Микола-говновоз. Он за немецкими лошадьми дерьмо вывозит.

Маленький полицай с подозрением оглядел Красного.

– Микола, не Микола, а проверить надо. А вдруг у него в бочках чего не того?

Тарас уже откровенно смеялся.

– Чего там может быть не того? Говно – оно и есть говно!

– А вот и посмотрим!

Малыш-полицай вскарабкался на телегу, и подобострастная улыбка Миколы стекла в гримасу страха. Из-под треуха покатались предательские капли пота.

Красный застыл от ужаса, не в силах заставить себя повернуться. Олесь с видимым усилием раскрыл первую бочку и невольно отшатнулся от ударившего в ноздри запаха.

Довольный Тарас заржал в голос:

– Ха-ха-ха! Что, проверил? То это говно или не то?

Олесь спрыгнул с телеги и презрительно плюнул:

– Ладно! Вези отсюда своё дерьмо!

Сердце Миколы радостно застучало, и Красный, льстиво улыбаясь и благодарно кивая, подобрал поводья и тронул лошадь. Но маленький Шалый передумал.

– Стой! – хлестко прозвучала команда, и Красный, оторопев от испуга, тормознул повозку, натянув поводья.

Со злорадной ухмылкой полицейский стянул карабин с плеча и дослал патрон в патронник. Микола шевелил губами беззвучную молитву. Олесь, прицелившись, выстрелил в первую бочку, передернув затвор, – во вторую и, вновь перезарядив, – в третью.

Три выстрела гулко разнеслись по округе, подняв стаи расшумевшихся галок.

Бочки были настолько грязны, что бурая кровь, выступившая из пулевых отверстий, была практически незаметна.

– Ладно, вали отсюда, быстро!

Красный хлесткими ударами кнута пустил бедное измученное животное лёгким аллюром. Спустя минуту телега исчезла за клубами дорожной пыли.

Настенные ходики мерно отстукивали секунды и показывали семь сорок пять. В циркуляре было приказано прибыть на сборный пункт к восьми утра. Идти было недалеко, всего полквартала, но опаздывать не хотелось, и Разумовские торопились.

Фима, уже полностью одетый, стоял перед отцом и с интересом разглядывал новенькие лаковые ботиночки, купленные весной по случаю на знаменитой киевской толкучке. В центре комнаты хозяев ждали перетянутый ремнями обшарпанный чемодан – вечный спутник путешественников – и большой узел из простыни с зимними вещами.

Рахиль с задумчивым видом осмотрела комнату и обратилась сама к себе:

– Так, подумай ещё раз. Ты ничего не забыла? – И повернувшись к мужу: – Ты все документы собрал?

Аркадий прикрикнул на сына, которому завязывал шнурок:

– Фима, стой спокойно! Вон они, в конверте на столике.

Рахиль уложила конверт в самое надёжное место – за ворот платья.

– Мама, а где Яша? – робко подал голос ребёнок, впервые за утро интересуясь братом.

– Сынок, а Яша уехал с дядей Семёном.

– А почему они меня с собой не взяли?

Отец, успокаивая, погладил сына по голове:

– Ты спал крепко. Вот они и уехали.

Мальчик горько вздохнул:

– Могли бы и разбудить. Мне без Яши плохо.

Мать, смахнув слезу, присела на корточки и обняла сына:

– Всё. Пора выходить. Давайте присядем на дорогу.

Аркадий скривился, прокушенная ночью губа вспухла и болела.

Микола остановил телегу на маленькой полянке перед выездом из перелеска и, крестясь, поднялся к бочкам. Маленьким перочинным ножом перепилил верёвки.

– Господи, Иисусе Христе, прости нас грешных...

Красный, нутужась до вздувшихся вен на висках, подкантовал тяжёлую бочку к верхней слеге телеги и сбросил вниз, на маленький куст папоротника.

Полная тяжёлая бочка с глухим стуком ухнула и раскрылась. Верхний слой навоза рассыпался по начавшему желтеть ковру дикой земляники.

Красный спустился на траву к бочке и робко заглянул внутрь. Там в позе эмбриона скорчился черноволосый подросток с простреленной головой.

– Царица небесная, спаси нас грешных и помилуй!

Микола высморкался в загаженную навозом траву, вскарабкался в телегу и с трудом, пыхтя и отдуваясь, сбросил вторую бочку. Она плюхнулась на полянку рядом с первой и чуть откатилась, но не раскрылась. Пришлось говновозу лезть открывать её самому и руками выгребать свалевшийся мелкими комочками навоз. Во второй бочке лежала маленькая девочка, лет десяти, в тёплой стёганой курточке и подвязанной под подбородком вязаной шапке. Пуля Олеся пробила девочке грудь.

Микола перекрестился и полез к третьей бочке. Сбросив и её, Красный оторвал крышку и отодвинул край брезента. Из бочки на мужчину тарачились круглые, сонные, ничего не понимающие глазёнки Яши.

– Здравствуйте, дядя. А где бабушка?

Микола только и смог что раскрыть рот в немом удивлении.

– Э-э-э... Какая бабушка? Да ты живой!

Микола вытащил мальчишку из бочки, поставил на ноги и отряхнул его пальто от остатков навоза. Поднял свалившийся на траву картуз, зачем-то просунул палец в дырку от пули и удивлённо помотал головой:

– Да ты и вправду везунчик, жидёныш.

Он нахлобучил картуз малышу на голову и сунул в руки картонку с фотографией:

– На вот, спрячь. Это тебе мать передала.

– Дядя, а где бабушка? – Яша с явным недоумением, но аккуратно отправил картонку с фото в карман.

Красный, на секунду задумавшись, почесал под носом.

– А она тебя уже ждёт! Ты иди по тропинке, вот туда, только не сворачивай. Там деревня, это недалеко, с версту. Там и найдёшь своих. Ты ступай, а то мне возвращаться надо.

Микола ногой спихнул с дороги мешавшие проехать телеге бочки, влез на место возницы. Лошадь, пятясь, развернулась, трогаясь в обратный путь.

Яша побрёл в сторону деревни, поворачиваясь и оглядываясь вслед удаляющейся телеге.

Солнце стояло уже высоко и освещало большую часть Нагорной, когда трое Разумовских с узлом и чемоданом вышли из подъезда бывшего «Доходного дома Фитцлера». Внизу, у нижней ступеньки парадной лестницы, глядя вверх на выходящих жильцов, ехидно и мерзко скалился молодой парень, почти мальчик, в чёрной форме и карабином через плечо.

– Ну, чего встали, жида? Бегом, там вас уже заждались!

В сторону Никольской церкви по улице, как по реке, плыла толпа тепло одетых фигур, нагруженных нехитрым скарбом. Наверху, над горизонтом, ярко светило нежаркое сентябрьское солнце. Яркий диск частично закрывала невесть откуда взявшаяся чёрная туча, напоминающая крест.

Конец сентября. Берн, Швейцария, наши дни

В Швейцарии, как и в любой горной местности, день заканчивается всегда неожиданно. Сумерек почти нет. Вот светло так, что можно читать газету, а вот уже хоть глаз коли, но тут в дело вступают лампы искусственного освещения.

На приметном особняке BANKA ARCADIA фасадные фонари вспыхнули вовремя, как и было заложено в программе управления. Только что разъехались сотрудники, разошлись по домам изрядно набравшиеся телевизионщики, покачиваясь и шаркая кроссовками по мостовой, ушла пьяненькая Герда. Ехала домой, в пригород, в сидячей электричке молодая женщина, обхватив двумя руками сумку с миллионом. Гигант-охранник всё с тем же видом египетского сфинкса сидел в опустевшей приёмной банка.

Старик-банкир с закрытыми глазами тонул в шикарном кресле в своём кабинете. Правый рукав пиджака плетью свисал над старомодным начищенным паркетом. На практически пустом столе перед банкиром отсвечивало старинное, отреставрированное семейное фото в серебряном окладе. Упавший ларингофон чернел на паркете рядом с креслом. Гаджета чуть касался желтоватый ноготь указательного пальца с кольцом тусклого металла и зелёным камнем.

Никто в банке, даже гигант-охранник, не знал, спал Яков Разумовский или уже покинул этот мир. Телохранилитель терпеливо ждал. Заканчивался сентябрь, заканчивалось бабье лето.

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

г. Москва

Коренная москвичка, драматург, член Союза писателей России, Национальной ассоциации драматургов, участник литературного объединения «Точки» и Лондонского литературного клуба. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, Патентный институт, Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Автор ряда книг стихов, прозы и пьес.

Публиковалась в журналах «Юность», «Русский пионер», в альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот», в ежегодных коллективных сборниках: «Точки», «Русский стиль», «Лучшая одноактная пьеса», в онлайн-журналах «Клаузура», «Вторник», «Что есть истина?». Дипломант международных литературных и драматургических конкурсов.

Утренний туман

Рассказ

На занятия по вокалу Нина пришла в приподнятом настроении, в предвкушении, что сегодня будет разучивать «Ave Maria» Каччини. Педагог, дородная Клавдия Ильинична, предложила новую распевку. Аккомпанируя себе на пианино, Нина несколько раз протяжно пропела, то повышая, то понижая хорошо поставленным, сочным голосом:

– У-уу-у-тренний ту-уу-ма-аан...

И вдруг ей вспомнилось далёкое детство. Нине лет пять или шесть. Большая, просторная комната в Вадковском переулке. Она сидит на корточках на крышке рояля рядом с высокой комнатной пальмой, в руках крутит маленькую плюшевую мартышку. Мордочка у мартышки потешная, она всегда улыбается Нине, в отличие от куклы Китси, которая часто бывает грустная, и даже злая.

Нина смотрит на бабушку, которую она зовёт мама. Бабушка Лёля – самая красивая на свете, но она сейчас плачет. Глаза её смотрят с невыразимой мукой. Её нежная, будто изломанная рука, тянется к стакану с водой, другой она нервно тербит скомканный носовой платочек. Рядом, нависая над ней как гора, возвышается дед Степан – большой, багровый, лысый, страшный. Он гневно кричит на бабушку: «Лёля, отвечай, как его фамилия? Нина, как его фамилия?». Лёля рыдает. Нина сидит на рояле, прячется под пальмой, затем высовывается и, гримасничая, выставляет руку с мартышкой, и тоненько пищит: «Обезьянкин, Обезьянкин – его фамилия!».

Нина как попугай повторяет эту шутку и не может остановиться. От этого дед багровеет ещё сильнее, большие голубые глаза превратились в тёмные щёлочки.

Почему любимый Нинин дед вдруг превратился в чудище?

Это дед выпытывает у бабушки фамилию её сердечного друга.

А дело было так. Родители Нины были очень молоды. Они работали, учились, развлекались. Нина жила с бабушкой и дедушкой, а мама с папой жили недалеко за Миусским кладбищем, на Надеждинской улице (её сейчас нет), в старом, полуразвалившемся деревянном доме, в восьмиметровой комнате с протекающим потолком. В общей кухне стояло двенадцать керосинок и висело двенадцать рукомойников, уборная была во дворе. Конечно, бабушка с дедушкой не могли допустить, чтобы их внучка росла в таких условиях. Когда Нине исполнился месяц, обвалился потолок, малышка чудом осталась жива. Родители приходили только в выходной. Папа пел и играл на рояле, а мама крутилась перед зеркалом в красивом платье. Иногда они брали дочку гулять и закармливали её сладостями и мороженым. С ними было очень весело, но они часто ссорились. Нина звала бабушку мама – большая, а маму – мама маленькая. С бабушкой Нине спокойно, она уверена, что та любит только её. Однажды Нина слышала, как бабушка шёпотом сетовала деду: «Вот, прибегут, обкорнят Ниночку чем-нибудь или простудят, и исчезнут на недели, пока деньги не кончатся, а мне лечить. Всё порхают, забывая, что у них ребёнок».

Нина знала, что бабушка любила поворчать, но обожала своего сыночка – Нининого папу. Девочка не обижалась, что родители убегают в свою взрослую жизнь и им не до неё. Она была совершенно счастлива с бабушкой Лёлочкой.

Нина в основном жила с бабушкой вдвоём. Дед часто и подолгу – на три-четыре месяца – уезжал в командировки. Варя с бабушкой скучали, но не унывали. Они часто ходили на Миусское кладбище, где похоронен бабушкин отец – Алексей Васильевич Соколов.

На кладбище девочке очень нравилось. Тишина, как в лесу, птички поют. Бабушка молится у могилки, а Нина играет с мартышкой или мечтает, сидя на скамеечке.

Рядом с могилой прадедушки, как клумба в цветах, могилка молодой женщины. Её часто посещал очень красивый, статный полковник. Звали его дядя Коля. Они с бабушкой с ним подружились. После кладбища они втроём часто ходили гулять в детский парк Дзержинского. Дядя Коля ласково держал Нину за руку, и она чувствовала, что он добрый, и любит и её, и бабушку. Он, полковник, вдовец, без памяти влюбился в кроткую и нежную красавицу Лёлочку.

Дядя Коля с бабушкой решили пожениться и, конечно, Нину взять к себе. Когда месяцами не появлялись ни родители, ни дед, то бабушка, наверное, считала, что они с маленькой Ниночкой никому не нужны...

Нина припомнила один очень тёплый сентябрьский денёк на даче в Ивантеевке.

Нина с бабушкой жили в уютном маленьком сарайчике, поделённом на три части: в центре кухонька, а по бокам две комнатки: для бабушки с дедушкой и для Нины с родителями. К сарайчику пристроена маленькая терраска, вся увитая плющом, там семья обычно обедала за большим столом.

День был настолько солнечный и тёплый, что бабушка выставила на солнышко перед крыльцом детскую алюминиевую ванну, нагрела на керосинке в ведре воду. Маленькая Нина сидит в ванночке и блаженствует. Бабушка её намыливает, трёт мочалкой и подливает тёплую водичку из ковшика. Искрящиеся мельчайшие капли воды нимбом мерцают над девочкой. Звенит птичьими

голосами высоченное синее-синее небо. На огороде, как большие зелёные мячи, на грядках кочаны капусты, на клумбах цветут пышные тёмно-бордовые георгины и ярко-розовые гладиолусы, вдоль забора тянутся вверх заросли золотого шара. По нагретой дорожке, важно ступая толстыми лапами, идёт по своим делам хитрющий кот Барсик. Милая бабушка, ей тогда было пятьдесят, в цветном сарафане с неизменной брошкой, причёсанная, бровки и губки подведены, ласково смотрит на внучку бесконечно добрыми серо-карими глазами. Слышно кудахтанье кур у соседки Дуни, лай собак. В золотистом воздухе проносятся две большие, изумрудно-синие стрекозы. Потом бабушка приносит большую китайскую розовую махровую простыню, и, нежно завернув Нину в неё, берёт на руки, и садится на скамеечку. Бабушка вытирает внучке волосы, напевая слова и мелодию «хора девушек» из оперы Верстовского «Аскольдова могила»: «Ах, подруженьки, как грустно...». Звенит голос бабушки нежно, чисто и совсем не жалобно, а даже весело. И Ниночка подпевает во время проигрыша тоненько: «Та-та-та-та-а-та...».

Потом бабушка приносит блюдечко с поздней малиной и чашку с молоком.

Какой неповторимый был вкус сладкой, нагретой солнцем, сочной тёмной, крупной ягоды, как вкус далёкого, невозвратного, райского детства.

Через много лет бабушка рассказывала Нине, что, оказывается, это было самое трудное лето. Дед Степан был с начала июня в экспедиции за Уралом, родители Нины уехали на юг к морю. Деньги кончились, и продукты были на исходе.

Заканчивался сентябрь. Казалось, все о них забыли, и никто не приезжал... Бабушка очень страдала от неизвестности и одиночества. Внушенька же была её единственной заботой и усадой.

Дед скоро приехал. Он навёз подарков и жене, и любимой внучке, но вскоре опять отправился в экспедицию на Урал – деньги зарабатывать, чтобы на даче рядом с сарайчиком поставить деревянный сруб. Вернулся он только в конце апреля.

И вот тогда и случился тот скандал, когда бабушка сообщила деду о своём решении уйти от деда и забрать внучку.

Нина очень хотела жить с бабушкой и с дядей Колей Тумановым. Он ей дарил игрушки и пел бравую песню: «Так громче музыка играй победу!..».

И вот эту его фамилию – Туманов – Нина и не должна была выдать. Это важная взрослая тайна, и она не выдала её, как дед не допытывался.

Ударили старинные часы. Закатное солнце озаряло золотым светом всё в комнате: тюль на окнах, мраморный рукомойник с зеркалом, поблескивающее на раковине лезвие опасной бритвы, буфет с цветными стёклышками, старую потемневшую картину «Море», пузатый чайник на круглом столе, придвинутого вплотную к выемке рояля, белую дверь, ведущую в общий коридор их коммунальной квартиры. Глаза у Нины слипаются, ей уже пора спать, она сняла байковое платье и сидит на рояле в трусиках и маечке, прижимая к себе любимую игрушку – плюшевую мартышку. Нина уже не радуется, что знает тайну. Она устала от скандала и мечтает, чтобы бабушка перестала плакать и уложила поскорее её в постель, накрыла одеяльцем и перекрестила на ночь.

Больше дед Степан в командировки не ездил. Больше дядю Колю Туманова Нина никогда не видела. Нина, бабушка и дед стали жить опять счастливо втроём, и родители забегали к ним по воскресеньям. Бабушка и дед прожили вместе ещё 30 лет до его смерти.

Вот какие воспоминания пробудила у взрослой Нины слова вокальной распевки «У-у-уу-тренний ту-у-ма-ан».

Любые воспоминания о детстве можно озаглавить «Утренний туман». Наверное, это прекрасно, что в детстве всё кажется необыкновенно загадочным, туманным, и думаешь, что когда вырастишь, то туман рассеется и увидишь, что жизнь ещё прекрасней, чем в детстве. Ведь казалось, что у взрослых столько возможностей, они такие большие, красивые и умные. Но удивительно, когда Нина подросла, она увидела, что почему-то они почти все несчастны.

Только у бабушки и деда были счастливые, светящиеся лица. Да у некоторых старых людей – яркие, уверенные, светящиеся добром и участием глаза, откровенные, дружелюбные лица.

Вот бабушка родилась в 1905 году в семье дворянина. Он был инженером, имел собственный дом на Тихвинской улице, большую семью, четверо детей. Лёля – старшая. Училась в гимназии... Потом революция, голодовка, НЭП, война, эвакуация, возвращение в Москву – в занятую квартиру...

Чем можно объяснить внешнюю красоту, лучистый взгляд и в старости? Только благородством души. Может быть, у некоторых в старости тело дряхлеет, а душа светлеет, возвышается?

После того как бабушка Лёля воспитала всех детей и внуков и похоронила мужа, она пошла работать санитаркой в роддом. Ухаживать за людьми, помогать больным, вот в этом радость её. Радость отдачи себя страдающим, страждущим людям. В больнице пациентки, а особенно роженицы, Лёлочку обожали: даже называли в честь неё новорожденных девочек. Правда, она рассказывала, что некоторые вредные медсёстры травили её и сплетничали, но все врачи ценили и уважали. «Когда дежурит Елена Алексеевна, мы спокойны», – говорили они про неё.

Нина с сестрой тогда не могли понять, зачем идти работать за копейки, в таких тяжёлых условиях?

Ответ – милосердие! Ныне забытое, почти неодоушевленное для нас слово.

Вот подумала Нина слово «нас» – и стало стыдно за то, что так обобщает: «Это не у каких-то «у них», а у меня самой – у Нины – не развито чувство милосердия».

Годы проходят. Утренний туман рассеивается, и оказывается, что прекрасное будущее прячется за ещё более плотным туманом, пробиться сквозь который становится всё труднее и труднее. Но напрасно сожалеть о годах бессмысленной «борьбы за справедливость» и об упущенных возможностях проявления собственного милосердия. Остаются хорошие воспоминания. Добрые, милые лица...

– Нина, Нина, – вдруг громко звучит сочный голос Клавдии Ильиничны. – Ещё раз и на октаву выше, не зажимайся, распеваемся: «У-утренний туман-а-ан...».

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Никита БРАГИН

г. Москва

Брагин Никита Юрьевич (1956 г.р.), москвич, член Союза писателей России. Автор 12 книг стихов. Публикуется в «Литературной Газете», газете «День Литературы», журналах «Москва», «Наш Современник», «Подъём», «Александр», «Нижний Новгород», «Краснодар Литературный», «Двина» и др.. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2018), Всероссийского фестиваля авторской песни им. Валерия Грушина (2013, 2014, 2019, 2020, 2021), международного поэтического конкурса «45 калибр» (2014, 2019, 2020), международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019), Большого дистанционного литературного конкурса МГО СП России (2020, Гран-При), XXVIII международного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце» (2021), открытого литературного проекта «Поэзия русского слова» (2022). Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института Российской Академии наук. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«В час последнего грома»

Угасание дня,
увядание солнечных листьев,
бескорыстная щедрость
золотых и румяных деревьев,
а по небу летят
облаков серебристые кисти,
и склоняется солнце,
ладони зари обогрев.

Вот бы в дальнюю даль
улететь, ускользя от мрака
на крылах у зари,
в алых перьях, медовом пуху...
Там слова самородны,
и каждая строчка – оракул,
и цветы под ногами,
и синие звёзды – вверху!

Замечаешься так –
и внезапно ни света, ни звука,
лишь чернильная ночь
неподвижно стоит под окном.
Лампа, столик, тетрадь,
философия, вера, наука,
и любовь, и печаль,
и анапеста метроном.

Северный ветер

Словно сырость подвала,
где сетка в окошке стальная,
словно тягостный текст
с изложением бед мировых,
непогода нависнет,
снега и дожди рассыпая,
опадая на крыши
и чёрную слизь мостовых.

На неделю придёт,
и ещё на неделю застрянет,
сея южную сырость,
и западной гнилью дыша
на поникшие кроны
и стены ветшающих зданий,
штукатурку с лепниной
уродуя, словно парша.

Вот бы завтра задул
светлым холодом северный ветер,
паруса облаков
раздирающий на лоскуты,
ветер, чистый как иней,
и самый свободный на свете,
в серебро и лазурь
оправляя дворцы и мосты.

Широко и легко
напевая и слёзы сдувая
с тихих липовых веток
и колких еловых ресниц,
пролетев по проспектам,
стрелой обгоняя трамваи,
разметав по газонам
пожухлые листья страниц!

Будет звонкое небо,
и вдох что глоток родниковой
заповедной воды,
и дыхание вешней травы,
будет вольный полёт
долгожданного чистого слова
от моста до моста
над суровым простором Невы.

В час последнего грома

Через многие-многое годы наступит весна –
в час последнего грома и первого вздоха сирени
внучка тихо попросит,
забравшись к тебе на колени –
расскажи, что такое война.

И тогда на мгновение ты онемеешь,
и промчатся сквозь память жестокие майские дни,
где в крови лепестки,
где встают смоляные дымы,
извиваясь по небу, как змеи.

Но затем ты расскажешь о том, что любил и мечтал
о зелёных полях и садах в подвенечном уборе,
и о городе белом у самого синего моря,
где в печах-исполинах рождался металл.

И о том, как алеет заря над золой террикона,
как проснулись подсолнухи и серебрится река,
и война умирает слезой на щеке старика,
и Азовское море смеётся на детской ладони.

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич. Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражистъ». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншана, г. Синьян. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Июнь 2023

За пределом слова –
Беспредел,
Всё, чего так друг мой захотел...
Альманахи,
Полные зауми...
В академии с зеркальными залами –
Игры прошлого – от ума...

Повторяющие –
Эх, ма! –

Отделение тени от тела...
Жизнь,
Ты этого захотела?

Ничего у тебя не выйдет!
Тень моя
Никого не обидит.

Ах, среди неожиданных бурь
Где ты, жизнь, –
Бирюза и лазурь?

Не хочу комментировать факты:
Ни теракты,
Ни акты иные...

Половые ли,
Потолочные,
Ах, ни очные,
Ни заочные...

Не хочу.
И – к чему бы всё это
Нехотение звука и света?
Соловьиного пения, роз?
Не хочу отвечать на вопрос.

И тем более
Не хочу
Обращаться, как к Богу,
К врачу,
Потому что ни этот, ни тот,
Зная всё, –
Никогда не соврёт.

Повсюду – нежный шёпот, страстный ропот
Я слышу от зари и до зари...
Деревня рода женского, а город –
Мужского... Если можешь, повтори.
Не слышишь? – ничего не говори.
А я пока замечу между строк:
И там, и там всех ждут судьба и рок.

Читальный зал

Да, в стихах должна изюминка
Быть! И некая безуминка...
Ни к чему стихов тома
Мне,
Где горе – от ума:
Стеллажи – за томом том –
Для прочтения
Потом...

Хорошо лежать под солнцем
На ромашковом лугу!

Из новой книги четверостиший

Наши пальцы

Наши пальцы –
Р-раз! –
Со-единились...

И разъединиться не хотят...

Стадо

Рёв быков, коров мычание, –
Отрицают умолчание...
Потому что всех подряд
Вакцинировать хотят...

Поэт твердил, что он бессмертен –
Как солнце в облаках, как ветер...
Но я-то видел, что к чему...
И не завидовал ему.

Как доллар к рублю:
Ворчу – не ворчу...
Шучу – не шучу...
Хочу – не хочу...

Пчела жужжит... Ребёнок трусит...
Она – не враг, он – не злодей.
– Убей её! А-то укусит! –
Отец кричит: – Убей! Убей!

Скрипач

– В жизни суть одна:
Некого винить...
Лопнула струна –
Так тому и быть...

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол, Вологодская обл.

Нина Павловна Гаврикова – поэт, прозаик, детский автор. Выпускница Высших Курсов литературного мастерства под руководством А. В. Воронцова. Член Академии российской литературы, творческого объединения детских авторов России. Участница литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России и городского лито «Сокол». Руководитель международного детского литературного клуба «Озарёнок». Редактор литературного журнала «Союз писателей» (Новокузнецк). Автор 4 книг стихов и прозы. Лауреат I степени международной премии «Филантроп» в номинации «Поэзия» (Москва, 2020) и всероссийского творческого конкурса «Зоя – жизнь» в номинации «Проза» (Москва, 2021). Бронзовая медаль X международного конкурса «Искусство. Совершенство. Признание» осеннего сезона «Art Excellence Awards» (в номинации «Литература», Москва, 2020). Дипломант III степени премии «КНИГА.РУ: новые литературные имена» (Барнаул, 2020) и I международного литературного фестиваля-конкурса «ЛитКузница-2021» в номинации «Проза» (Самара, 2021).

«Веретень жизни»**Бессонница**

Царит предутренний покой.
Из дома гонит прочь бессонница.
Туман кудрявый над рекой
И над полями за околицей.
В кустах, в сплетении ветвей,
Тревожит душу серенадою
Сладкоголосый соловей.
А ночи белые с прохладой!
Под снежно-кремовой фатой
Подруга-вишня заневестилась.
На Вологодчине родной
И я с тобой когда-то встретились.
Колосья дней из года в год
Бросала в жернова скрипучие,
Перемололся прах невзгод –
В воспоминаньях только лучшие!

Рябиновый рассвет

Словно на ладони вся округа.
Неба польхает окоём,
Свет зари рябиновой над лугом,
Над рекою, лесом и жнивьем.
Долгая дорога тянет в детство
В нашу деревушку за мостом,
Где осталось главное наследство:
Ласточек гнездо и старый дом.
Памяти счастливые мгновенья,
Как источник радости и сил.
Новое сменилось поколеньем.
Край родной, ты часть святой Руси!

Закатное зарево

В костюме модном с позолотой,
Окутан сладостной дремотой,
Вдоль трассы лес густой стоит.
К себе пускает с неохотой:
Порядок предков сторожит.
Смотрю вперед с благоговеньем
И замечаю с удивленьем
Меж сосен на закате дня,
Коротким ярким озареньем
Взметнулись всполохи огня.
Природы сказочное диво –
Медовый отблеск торопливо
За окоёмом туч погас.
Умеет солнышко красиво
Нас удивить в прощальный час!

Не марионетка

Облаков лохматые лоскутья
Ветер гонит с юга на восток.
Выхожу одна на перепутье,
Свежести вдохнуть живой глоток.
Бóрозды натруженных ладоней,
Грубые мозоли от труда,
За достатком в бешеной погоне
Многого не видим иногда.
Как за ниточки марионетку
Ловко тянут в интернет-постах
В мировую паутину-клетку,
Чтоб зажать безжалостно в «тисках».
И не выбраться никак из «плена»
На свободу, на раздолье трав.
Кардинальная должна быть перемена,
Чтоб манеры изменить и нрав.
Чтоб увидеть красоту природы
Безграничный северный простор,
Прочь гоню бездушных кукловодов,
Поступаю всем наперекор.
К облакам, белеющим лоскутьям,
Подниму ладони тонких рук,
Прогуляюсь по лесным угодьям
И впитаю русской жизни дух.

Веретень жизни

Пустошь – эпицентр вселенной,
Северный российский уголок.
Луговые травы по колено.
Речки торопливый говорок.
Перелётных птиц многоголосье,
Каждый куст дарует им приют.
Перистые облака-колосья
Колорит особый создают.
Жизнь – консервативная рутина.
Время – центрифуги круговерть,
Будто с незаконченной картиной
Наклонился в сторону мольберт:
Грубый холст, потёки свежей краски,
Грусть и радость вписаны в пейзаж.
Видно, не прожить без перетряски,
Миру нужен новый антураж.
У войны зловещие оттенки –
Чёрным следом красный карандаш.
Общая идёт переоценка,
Всю палитру чувств не передашь...
«Пристань детства» в мире этом тленном,
Лучшая средь русских деревень,
Где прядётся так же неизменно
Дней вчерашних жизни веретень!

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ

г. Ашдоа, Израиль

Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем – институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатрировался в Израиль. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдоадский дневник». Автор более 10 книг стихов и поэтических переводов.

Разбуженные мысли

Онегинский венок

1.

Ещё вчера шальное солнце
С утра сулило вечный зной,
И детский щебет у колодца,
И тульский пряник расписной,
И чай с вареньем пополудни,
И сбор соседей многолюдный,
И разговоры за столом,
И хороводы за селом,
Когда уже сгустятся тени,
И, приближая час ночной,
Прохлада лёгкою волной
Смирят летнее смятенье...
Все ждали осени, хотя
Вовсю палило не щадя.

2.

Вовсю палило не щадя
Светило на исходе лета,
Нет ни волнушки, ни груздя,
Земля на вырубках прогрета,
Давно небесной влаги ждёт,
Но, как заметил Геродот,
Впустую сожалеть негоже
О том, что изменить не можем.
Как видно, горний счетовод,
Сводя цифирь своих тетрадок,
Задумал навести порядок
И ввёл учёт подлунных вод, –
И дождь не там где надо льётся,
А где-то, кажется, в Олόνце.

3.

«А где-то, кажется, в Олόνце,
В губернском тихом городке,
Три брата жили, три чухонца,
Я с ними был накоротке...» –
Так начинал рассказ неспешный
Мой старый друг, грибник успешный,
Охотник, знатный рыбовод,
И книгочей, и острослов.
Тем временем давно смеркалось,
И трёхведёрный самовар
Пускал уже не первый пар,
И сказка к ночи зачиналась,
Мол, там, где церковь без гвоздя,
Давно нет спасу от дождя.

4.

«Давно нет спасу от дождя
На дальнем острове Буяне,
Там печи по домам чадят
И вечером, и утром ранним,
Там льёт и льёт который день,
И солнце скрылось за плетень,

Гребут по острову на лодке –
Кто в гости к теще, кто – к молодке...» –
Неспешно двигался рассказ
Про остров на земле карельской,
И шуткою первоапрельской,
Немыслимой в столь поздний час,
Окно внезапно распахнуло, –
Сегодня осенью дохнуло.

5.

Сегодня осенью дохнуло,
Вдруг вышла полная луна,
И облака как будто сдуло,
И ночь уже не так черна,
И ковш повис на небе звёздном,
Пока осеннем, не морозном,
И даже дальняя сосна
Как будто вспряла ото сна,
Засуетились короеды,
И дятел, спавший до сих пор,
Стучит на весь сосновый бор,
Едва заслышав их беседы.
Внезапно лето промелькнуло,
Но как-то вяло, как-то снуло.

6.

Но как-то вяло, как-то снуло
Вступает осень в свой черёд:
Вот, вроде, солнышко блеснуло,
А тут, поди ж ты, дождь идёт,
Но мелкий, словно через сито, –
Он намекает деловито,
Что лёгкий дождик в сентябре
Не редкость – осень на дворе.
И снова солнышко сквозь тучи,
И снова дождь, опять грибной,
А не занудный затяжной –
Погоды не бывает лучше,
И в том беда невелика –
Полило дождичком слегка.

7.

Полило дождичком слегка,
И наступило бабье лето –
Украдкою, исподтишка,
Земля с дерниною прогрета,
Но в переулках жёлтый лист
Кружит, под солнцем золотист,
Слетая с дуба или клёна,
Трава пока ещё зелена,
Но предосенний листопад
Приводит загодя в смятенье,
И листьев плавное паденье –
Как угасание лампад,
И вот, как будто на века,
Затмили небо облака.

8.

Затмили небо облака,
 Природа ждёт грозы, ненастья,
 Но, видимо, свои срока
 Для искушенья и причастья.
 Ах, как любил я эти дни,
 Когда всё что ни есть – сродни,
 И даже сумрачный прохожий
 Не кажется бандитской рожей,
 Непримиримого врага
 Вдруг хочется обнять как брата,
 И это небольшая плата
 За то, что в небе облака
 Сквала вялая усталость, –
 Но вмиг их стая разбежалась.

9.

Но вмиг их стая разбежалась,
 И нет ни облачка, и зной
 Вернулся, а ведь нам казалось,
 Что грянет дождик затяжной –
 Как минимум, на две недели,
 Но капли быстро отзвенели...
 Тут клином в небе журавли
 Напомнили, что отцвели
 Денёчки северного лета,
 Пора по ягоды-грибы
 Тропою верной из избы –
 Прибежища анахорета,
 Пока маслёнок маслянист
 И воздух стал прозрачно-чист.

10.

И воздух стал прозрачно-чист,
 Давно такого не бывало,
 Да, я, конечно, урбанист,
 И поздно начинать сначала,
 Но предосеннею порой
 В лесочке за Сулажгорой
 Опят мы столько раздобыли –
 Мы их мариновать любили, –
 Что мигом полон был кошель
 И всё что под руки попало –
 А сколько там ещё осталось! –
 И удивлялись мы: ужель?!
 И плыл над лесом, голосист,
 Скворцовый разудалый свист.

11.

Скворцовый разудалый свист
 У нас в саду, конечно, проще,
 Но всё же более речист,
 Чем трели в соловьиной роще.
 Да, соловей воспет в стихах,
 Его рулады – ох и ах! –
 А что скворец, меж птиц – дворняга,
 Я с расстоянья полушага
 Его разглядывал. Скворец
 Мне воробья напоминает,
 По жизни весело порхает
 И, главное, он не подлец.
 Он пел и пел. Уже смеркалось.
 Внезапно смолк. Какая жалость!

12.

Внезапно смолк – какая жалость! –
 Осенний запоздалый гром,
 В природе всё перемешалось,
 Блеснуло небо серебром
 Далёких звёзд и их созвездий.
 Каких мне ждать от них известий?
 Увы, неведомо. Почти...
 Ты можешь их прочесть? Прочти!
 И расскажи, как звёзды станут,
 И опиши мою судьбу.
 Но нет, повремени. Табу!
 Хочу быть звёздами обманут.
 Светлеет – и уходит ночь,
 Едва успев начаться, прочь.

13.

Едва успев начаться, прочь
 Стремглав несётся бабье лето,
 И воду в ступе зря толочь
 Нет времени, уже раздета
 Берёзка, зябнет голый клён,
 На ели глядя, изумлён,
 А те готовы к непогоде,
 Не оголив при всём народе
 Свою особенную статью,
 Но защитив её хвоёю
 От зимних холодов с лихвою
 И зная: это благодать.
 Под вечер, как всегда – точь-в-точь,
 Уходит день куда-то в ночь...

14.

Уходит день куда-то в ночь,
 И я прощаюсь с ним до завтра.
 Чтоб всё задуманное смочь,
 Нет подходящего стандарта,
 Но завтра с самого утра
 Скажу себе: «Дружок, пора!
 Зовёт разбуженная память,
 Друзья давно уходят в зámять».
 Я в эти дальние края
 Не тороплюсь, я вспоминаю,
 Записываю всё, что знаю,
 Пишу с усердьем муравья
 О том, как грело у колодца
 Ещё вчера шальное солнце...

15. (Магистрал)

Ещё вчера шальное солнце
 Вовсю палило не щадя,
 А где-то, кажется, в Олонец
 Давно нет спасу от дождя.
 Сегодня осенью дохнуло,
 Но как-то вяло, как-то снуло,
 Полило дождичком слегка,
 Затмили небо облака,
 Но вмиг их стая разбежалась,
 И воздух стал прозрачно-чист,
 Скворцовый разудалый свист
 Внезапно смолк. Какая жалость!
 Едва успев начаться, прочь
 Уходит день куда-то в ночь...

30.09.2014; 01 – 07.02.2020

Сергей ШИЛКИН

г. Салават, Республика Башкортостан

Шилкин Сергей Васильевич. Родился 29 марта 1954 года в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Автор 4 книг стихов, изданных в России и за рубежом. Публиковался в ряде журналов и альманахов России и зарубежья. Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013 год. Дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», международного литературного конкурса «Русский Stil – 2021» в номинации «Адам и Ева», литературного конкурса «Поэтическая радуга» в номинации «Поэзии бессмертная строка» (2022).

Из новых стихов

Варяжская сага

Из Арктик холод дюжий,
Усилий не жалея,
Норманнов лепит души.
Мне ближе и милее
Они сынов Багдада.

Средь снега, а капелла,
В безмолвии когда-то
Песнь скорби Сольвейг пела.

И с севера, и с зюйда
Свистят ветра, а также
Рукой подать отсюда
До русской Кандалакши.

Несутся вдаль олени –
В бубенчиках упряжка.
Меня в глухом селеньи
Ждёт юная варяжка.

Её, как Ладу-Весту
(хоть кружит смерч, лютуя),
Как царскую невесту
Из царства, украду я.

Но как быть с пограницами,
До денег что охочи?
Быть может, с бубенцами,
Засаду мы проскочим.

Под всполохи зарницы
(всё небо, как в соляре)
Мы мчимся до границы
По тундрам заполярный.

Ко мне, как к дон Кихоту,
Льнут беды беспардонно.
Вдруг выскочил – по ходу –
Скит вражьего кордона...

Меня «порвут» норвеги,
Как старую афишу.
И я тебя вовеки
Отныне не увижу...

Монолог с монолитом

Здравствуйте, Владимир Маяковский,
Знаменитый памятник московский!
Быть и мне на улице Покровской,
Ежели немного повезёт.

Ты Поэт. И я, совсем немножко.
На свои мои года помножь-ка.
Время, как змея-сороконожка,
Мимо нас в грядущее ползёт.

Покрывают нас эфира волны.
Был певцом ты – звонче певчей жолны* –
Но уста из бронз совсем безмолвны.
Я стою, в душе огнём горя.

Сто годин почти, как роль вакантна
Русской революции ваганта.
Снизу-вверх смотрю я на гиганта –
На бойца, горлана, главаря:

Не понять, чего сулит грядущий –
Тучи над тобой всё гуще, гуще,
И уже не спрятаться за кущи.

Но, пока не взведены курки,
Ты, минуя ямы и пригорки –
Будто за тобою мчатся орки,
Нарезаешь с Лилей Брик на «Хорьх»**
От Кремля спиральные круги.

Дух гордецкий твой сошёл с орбиты –
К миру непрощённые обиды.
Все плоты любви о быт разбиты –
Это всё шальной Судьбы штрихи.

В пиджаке от модного портного
Бродишь ты аллеями Цветного.
В этой жизни умирать не ново***.
Ново – через боль рождают стихи...

*Жолна (устар.) – иволга.

**Хорьх – марка старинного немецкого авто.

*** – строка предсмертного стихотворения С. Есенина.

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

г. Москва

Член МГО Союза писателей России. Театровед по образованию: окончила ГИТИС имени А. В. Луначарского. Автор 3 книг стихов: «Таинственное ремесло» (М.: Композитор, 2014), «На кукушкиной зорьке» (М.: «Чернильная роза», 2017), «Земля-скрижаль» (Коломна: Серебро слов, 2019). Публиковалась в журналах и альманахах России, Украины, Германии. Лауреат ряда поэтических премий, победитель и призёр ряда международных и всероссийских поэтических конкурсов. Член жюри (2020) Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле» (Псков), член жюри (с 2018 года) поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия».

«Ничего на земле нету вечного...»

В Пушкинских горах

Пол-июня откушено земляничкой с куста,
Сан-Сергеича Пушкина ныне кружка пуста.
Цвета вишен Тригорского зори белых ночей.
Сад уютный Петровского, да в кувшинках ручей,

Да проказы потешные для господских утех...
Поцелуя поспешного обжигающий грех.
Всё аллеи, да мостики, да от писем зола...
Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!

В синей роще за Соротью снять раскрыла зонты.
Ну а мы, коль по совести, все пред Богом чисты?
Катит лето каретою, льёт туман молоко.
Это время заветное так от нас далеко!..

От гусяного пёрышка на коленях труха.
Александр – наш – солнышко!
Светлый ангел стиха...
Сыплет деревце вьюжное белым цветом с плеча.
Панихида отслужена... Но не гаснет свеча.

Колечко

Не осенним махаоном,
не скворцом,
не люпином, наклонённым
над крыльцом, –
я к тебе приду, дружочек,
просто так,
синей августовской ночи
сняв колпак...

Свет потёмки распугает,
настежь – дверь...
В то, что я теперь другая,
ты не верь!
Это время нас морочит,
всех подряд...
Только вижу я: не очень
ты мне рад!

Смотришь долго, удивлённо:
– Вы к кому?
– Я... к оставленному клёну
моему.
Ветви трогают за плечи,
за лицо...
Положу твоё колечко
На крыльцо.

Твоя комната

Композитору Александру Флярковскому

Я ныряю в комнату твою,
Как ныряет утка – в полынью...

В мир вещей, живущих в тишине.
Образ этой комнаты – во мне.

Твой домашний войлочный пиджак
На привычном месте – добрый знак.
А из белой рамы на меня
Смотрит мама в отблесках огня.

Мама на Монмартре (месяц, год).
Тот художник был моделью горд...
Твой рояль... он губы сжав, молчит.
Дождь в окно мелодию стучит.

Стол рабочий ждёт знакомых рук,
Над бумагой нотной – лампы круг,
И глядят задумчиво со стен
Пушкин, Шостакович и Шопен.

Я вхожу из гула суеты...
Заливаю каждый раз цветы...
Я хочу понять: а где же ты,
папочка?

Осока

Реке Рузе

Где осоки колеблются лезвия
И звенит вечерами мошкá,
Катит волны, как девочка, резвая,
Не глубокая с виду река.

Тишина здесь лопочет синичково,
Зависая, гудит стрекоза –
Два часа из Москвы электричкой
На простор – и увидят глаза

Лопухов полинялые платяца,
Колокольчиков синих огни...
Трёх царевен – увёртливых ящериц,
На пеньке задремавших в тени,

Августовское небо высокое
И, неволью почувствовав грусть, –
Напоившую древними соками,
А теперь позабытую Русь.

Не гони меня в город, орешина,
От ладони не пятася, река!
Это вы от рожденья безгрешные,
Это вам незнакома тоска.

Вот и я не хочу лицемерия
На пороге обещанных гроз,
А «стою ли на камени веры я» –
До поры безответный вопрос...

В молоке закипающем вечера
Я иду, не сминая траву.
Ничего на земле нету вечного,
Но спасибо за то, что живу...

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Публиковалась в российских и зарубежных литературно-художественных журналах, антологиях, коллективных сборниках. Участница пяти Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

«Аquarelle узорной дали...»

Уральский лазурит

Урал – несметными истоками
Богатый край, где с древних горных лиц
Глядят озёра гладью синеокою
С опушкой темнохвойною ресниц.

Мой город заповедным зеркалом
Уральский дух могучий отразил:
Живут в нём люди творческие, крепкие,
Исполненные мужества и сил.

Озёрск, защитник¹ ты и труженик!
Неопалимый дух в тебе горит².
Тебя назвать бы «синяя жемчужина»,
Но мне родней – «уральский лазурит»³.

«Маяк»⁴ – оплот во дни затмения.
Он воссиял, как первая звезда,
И подарил грядущим поколениям
Энергию для жизни и труда.

О город с юною историей,
Твой верный атом Родину хранит!
Вовеки стой над синими просторами,
Страны родной и жизни мирной щит!

Озёрск, защитник ты и труженик!
Неопалимый дух в тебе горит.
В дали лесной зарницами разбуженный,
Неси покой, Уральский Лазурит!

¹ Город Озёрск – первенец атомной промышленности СССР. Здесь был построен первый в Советском Союзе атомный реактор.

² Неопалимый дух в тебе горит. – На флаге и гербе Озёрска изображена огненная саламандра как символ стойкости, мужества, храбрости, добродетели и лидерства.

³ Название символично. Лазурит добывают на Южном Урале. Синий цвет камня перекликается с цветом флага и герба Озёрска. С вершины горы Сугомак Озёрск кажется синим городом.

⁴ Производственное объединение «Маяк» – градообразующее предприятие Озёрска.

Грёза Петербурга

Задремал над водой демиург –
Вскинул крылья мостов Петербург.
Сон зеркальной наплыл пеленой,
В ней купается облик иной.

Современность рассеялась в пыль
Вещих звёзд, и забрезжила быль:
Отражением грезящих лет
Проступает старинный портрет.

Фонари оживляют тона,
Разгораясь во мгле полотна, –
И взмывают сквозь память ночей
Кисти пламенных шлейфов свечей.

Тихо сходятся к свету дома
Из покоев, где нежится тьма:
В глубине, в поволоке волны,
Им фасады усадеб видны.

Обрамленье картины – гранит –
Тайный след поколений хранит.
Гладкий камень-альбом испещрён
Отпечатками пальцев времён.

Незабвенно прекрасный мираж!
Рассвело... И весь хрупкий витраж
Просиял, рассыпаясь... И вслед
Тень истории вытеснил свет.

Дивный город, бывшее ценя,
Пробудился к реалиям дня,
И склонились изящно мосты,
Замыкая тайник темноты.

Ускользящее море

Как немислимо и ясно,
Что морское полотно
Ускользяще прекрасно –
Сквозь вагонное окно!
Рельсы словно утонули
В изумрудах и лазури.
В небесах, волну целуя,
Мчится поезд ввысь на дно!

По волнам влечёт куда-то –
В полусне иль наяву –
Луч лилового заката,
Блики ластятся к стеклу.
Солнце ало-золотое
Изливается слезою
В замечтавшееся море,
Провожая вдаль стрелу.

Сизый воздух, тени, горы.
Красноватый тает круг...
Миг – и чудо. Солнце в море!
Из воды зарделось вдруг!
В забытье воспоминанье,
Серебристое касанье.
Волны небом осияны,
Светом невесомых рук.

Вихри, стрелы и спирали
Вьются вязью по воде.
Аquarelle узорной дали
Ускользает в полутьме.
То затейники-дельфины?
Или кто неуловимый
Свёл высоты и глубины
Воедино на холсте?

В тёмно-синий тёплый бархат
Мрак укутал города.
Море плещет, словно арфа...
Ах! И скрылось навсегда.
Но плывёт по небосклону,
Серебром пронзая полночь,
От волны с веленьем «Помни!»
Путеводная звезда.

Григорий ГАЧКЕВИЧ

г. Кишинёв, Молдова

Гачкевич Григорий Миронович. Родился в 1973 году в г. Бендеры (МССР). Окончил Молдавскую экономическую академию по специальности «финансы и кредит». Награждён государственными наградами Республики Молдова: орденом «Слава Труду» и медалью «За гражданские заслуги». В 2023 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор 15 книг стихов для детей. Лауреат международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси-2022», «Славянское слово-2022», «Открытая Евразия-2021». Автор ряда публикаций в российских журналах «Мурзилка», «Невский альманах», «Сура» и др..

Летняя подборка для детей и взрослых

Солнечный ручей

В небесах бежал ручей,
Весь из солнечных лучей.
По утрам, размяв бока,
В нём купались облака.
А ручей их умывал,
Тёплым солнцем согревал.
Прилетали также птицы –
Из ручья того напиться!

Добрые пираты

Проложило солнце в море
Позолоченный проспект,
По нему, с волнами споря,
Мы идём за солнцем вслед.
Катер наш – совсем не шхуна,
Не трёхмачтовый фрегат,
Но мы счастливы безумно:
Я и Макс, мой младший брат!
За штурвалом – сильный папа,
Он сегодня – Чёрный Боб,
И чернее ночи шляпа
Прикрывает папин лоб.
Макс сегодня будет Биллом,
Я решил, что буду Пью,
Кровь быстрее мчит по жилам,
И от счастья я пою!
А пою я над волнами
Про сундук и мертвецов,
И хохочет папа с нами,
Самый лучший из отцов!
Да, сегодня мы — пираты,
Только добрые вполне!
Вот и рыбы очень рады
И взлетают на волне!
Знаю, будет нам непросто:
Ждут нас штормы на пути,
Но я верю, новый остров
Вместе сможем мы найти!

К морю

С младшим братом встанем рано,
Лишь забрезжит чуть рассвет,
Среди нежного тумана
Мы проложим к морю след.
За плечами будут снасти:
Рыба с морем заодно.
Буду думать я про счастье,
Брат – про новое кино.
А потом с ним слушать будем
Тихий шелест спящих волн,
И шутя, бычков наудим,
Встав на пирсе голубом.

Будем слушать чаек крики –
Жаль, для них карман наш пуст –
И считать на волнах блики,
А собьёмся – ну и пусть!
И, вдохнувши настоящий
Воздух утренний морской,
Мы вернёмся в дом наш спящий,
Тёплый, ласковой родной.

К дедушке

Я поеду в гости к деду,
Целый год я встречи ждал!
И как только я приеду,
Будет зоокарнавал!

Встретит там меня корова:
«Машка – белые бока»,
И с дороги я парного
С пенкой выпью молока.

После к кроликам зайду я,
У меня – морковь для них,
В нос их нежно поцелую,
Прочитаю громко стих,

Загляну я к поросётам,
Поприветствую свинью,
А затем воды утятам
В миску медную налью.

Заскочу в курятник шумный,
Петуху скажу: «Привет!»,
Гвалт в курятнике безумный –
Целый день покоя нет!

Ближе к вечеру, встречая
Над деревней диск луны,
Вместе с дедом выпьем чаю,
А потом посмотрим сны.

Птицы, рыбы и лето

Хорошо быть просто птицей:
Ей на месте не сидится,
Будь ты стриж или синица —
Тянет в небо упорхнуть.
Рыбой тоже быть приятно,
Под водой всё так занятно,
Можно плыть туда-обратно:
Рыбе сложно утонуть.
Но всего прекрасней лето:
Можно то и можно это –
Даже с самого рассвета
Взять на речку побежать!
К голубой воде стремиться
И лететь, почти как птица,
А нырнув, с рекою слиться
И, как рыба, там нырять!

Владислав БУСОВ

г. Кашира, Московская обл.

Владислав Бусов родился 20 сентября 1946 года в городе Мариуполь. Окончил Ждановский металлургический институт, по образованию инженер-металлург. Член городского литобъединения «Зодиак». Публиковался в коллективных поэтических сборниках, альманахах и журналах «АлександрЪ», «Арина НН», «Рукопись», «Бийский Вестник», «Новый Свет», «Образ», «Ковчег» и др..

«Дежавю»

Выйду в поле, гляну в небо –
Синева пленяет взор.
Мне ромашки жёлто-белый
Стелют под ноги ковёр.

Васильки лазурью светят
И, качаясь на ветру,
Поднимают волны – это...
Плещет море на лугу.

Уплывает берег дальний,
Я смотрю из-под руки:
Выступают детства грани
В памяти моей легки.

То ли море, то ли поле,
Это точно не пойму.
Только синее раздолье
Любо сердцу моему.

Над равниною небо синее,
Средь полей течёт широка
Наречённая светлым именем,
Как невеста, эта река.

Берега её – зелень дивная,
Даль туманная так легка,
И бурлящие плёсы длинные
Имя звонкое ей – Ока!

Собирая потоки водные,
Наполняет свои берега.
На земле Руси чувства добрые
Пробуждает в сердце река.

Вот и осень пришла незаметно,
Наступили прощания дни.
Слышен клич в небесах безответных,
И в кострах догорают огни.

Солнце нежит поля бабьим летом,
Луч пронзает всю рощу насквозь.
Золотые вплетает он ленты
В изумрудные косы берёз.

Что шумите, берёзы, под ветром,
В синем небе оставив следы?

Не дожидаться от вас мне ответа,
Всё опавшие скроют листья...

Упадут янтарём на поляны
И зажгут золотистый огонь.
В роще голой, осенней, усталой
Обретут они вечный покой.

В эту пору блаженные мысли
Навещают меня иногда.
Я смотрю в поднебесные выси
И считаю, как листья, года...

Дежавю

Опалённый осенним дыханием
Сбросил листья багряные клён.
Был вчера в кружевном одеянии,
Он сегодня стоит оголён.

Поредели кусты возле речки,
И прощальные крики гусей
Не слышны у родного крылечка
Под сияньем холодных лучей.

Одинокий стоит и заброшенный
Пятистенный бревенчатый дом
И калиткой своей перекошенной
Мне напомнит как холодно в нём.

Кинокадром под звуки маэстро
Он уходит в тумане густом.
Дежавю, я знакомое место
Видел в детстве далёком своём.

Словно колокол медный звенит
Одинокая в поле берёза,
Листья жёлтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром её ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

И как Лебедь она проплывёт,
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришёл в её жизни черёд
Обручиться с Есенинским Клёном...

Евгений КУРОЧКИН

г. Дмитров, Московская обл.

Курочкин Евгений Александрович. Поэт, писатель-краевед. Член Союза писателей России.

Лауреат конкурсов «Северная звезда», VIII открытого литературного конкурса им. В. В. Карпенко, Московских областных конкурсов им. Р. Рождественского и М. Пришвина. Публиковался в газетах и журналах России, Белоруссии, Украины, Молдовы и Узбекистана. Автор 3 книг стихов и 3 книг прозы.

«Нас не догонит осень!»

Этот полдень был явно холодным.
Бабье лето – не лето совсем.
Вы дрожали в прозрачно-неплотном
Платье цвета «грущу по весне».

А вокруг все куда-то спешили.
Ветер листья с деревьев срывал.
Вы стояли на площади... Или –
Вы спешили, а город стоял!

Вы спешили за солнца лучами,
За сбежавшим из дома теплом,
В этом платье – нелепом, отчаянном,
Цвета грусти, подёрнутой льдом.

Вы спешили, назло и не вместе:
«Поднажать, торопиться, а то...».
Ну а город – топтался на месте
В своём сером дерюжном пальто...

Улетели птицы вольные,
Не оставили следа.
Я дорогами окольными
Всё ходил туда-сюда.

Тут – берёзки над ромашками
Да болота в комарах.
Там – пуститься во все тяжкие,
В смертных потонув грехах.

Тут – своё, родное, больное,
Прикипело – не отнять.
Там – плечистые, довольные,
Поминают нашу мать.

Тут – некопано, непахано,
Мелкой былью заросло.
Там – поохали-поохали,
Да забыли как назло.

Тут – запутанные улицы,
Там – болотная вода.
И куда же мне притулиться?
И приткнуться мне – куда?

Осень молчала, золото
Сыпала нам в карманы.
Прятали руки – холодно;
Прятались от желаний.
И расходились в стороны,
Каждый – себе навстречу:

Осень дарила золото,
Миг превращая в вечность...

Миэлика*

Миэлика пахнет мёдом,
Льноволоса, белокожа.
Ты – смугла и тёмноока,
На неё ты не похожа.

Уходил я в лес всё чаще
Не в болотах брать бруснику,
А кричать в карельской чаще –
Миэлика! Миэлика!

А она плыла меж сосен –
Недоступна, многолика.
Зачастила ливнем осень...
Миэлика? Миэлика?

Я с тобой бываю грубым.
Ты подходишь тихо-тихо...
Пахнут мёдом твои губы...
Миэлика... Миэлика...

* – богиня леса («Калевала»).

Нас с тобой обоих нет, не найти.
Я пропал на полпути в сентябре.
Выходила обнажённая ты,
Всё искала на вечерней заре.
Выходила каждый вечер встречать –
Заболела сентябрём вслед за мной.
Стал прохожий в наши окна стучать,
Но ответил дом густой тишиной...

Нас догоняет осень –
Лошадью блекло-рыжей.
Ты же, конечно, спросишь.
Я же в ответ – обижу.
Ты улыбнёшься грустно.
Я – ухмыльнусь устало.
Осенью в небе – пусто.
Осенью в сердце – мало.
Осенью в сердце – нечет.
Осень снова и снова
Листья краплёные мечет,
Словно сдаёт в подкидного;
Только дурак – известен.
Видишь там в небе – просинь?..
Мы улыбнёмся – вместе:
Нас не догонит осень!

Виталий КУЗНЕЦОВ-НОВОЧЕРКАССКИЙ

г. Новочеркасск

Виталий Владимирович Кузнецов родился 24 февраля 1955 года в г. Таганроге Ростовской области. Окончил Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Долгие годы работал по оборонной и космической тематике в ОКТБ «Орбита» (г. Новочеркасск). Публиковался в поэтических сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске, Туле, Гомеле. Автор книги стихов «Прощание с миром» (2013, 2014 – дополненное переиздание)).

«На древе жизни...»

Новочеркасск

Эти улицы, эти дома –
Здесь впечатана в камни история.
Память прошлого сводит с ума –
С настоящим бываю в раздоре я.

Здесь булыжник асфальтом залит,
Не услышать вновь цока копытного.
Но Собор полон звуков молитв,
Как и прежде – в года незабытые.

Пусть нелепый турецкий фонтан
Встал на площади, кровью умытою,
Город мой не забыл страшных ран –
Раны ведь не бывают забытыми.

Город мой – милый Новочеркасск.
Знаю всё я о нём с ранних лет его.
Дорог мне от родительских ласк
До приюта земного, последнего.

... На прогулку идёт детский сад.
Взгляды ясные, светлые, чистые.
Я спокоен, я счастлив, я рад:
Город жив, и в него верю истоиво.

Друг мой кошка

Мерседесная мордочка кошки
Повернулась ко мне настороженно.
Захотелось ей ласки немножко –
Значит чем-то душа растревожена.

Что ж, и мне захотелось участия.
И в душе настроение скверное.
Хоть мастак в поэтической части я,
В жизни многое сделал неверно я.

Ну, давай исправлять ситуацию –
Вместе сделаем дело любимое:
Ты за птичкой взлетишь на акацию,
Я ж исправлю всё «неисправимое».

Я желанной скажу, что желанная –
Слишком долго продлилось молчание.
И стихи я доделаю ранние,
Что пылились в чулане сознания.

А потом мы отметим события,
Я куплю тебе корм восхитительный.
Приступ наш пессимизма забыт, и я
Начинаю свой путь победительный!

Летнее солнцестояние

Дни разгораются длинные
Летнего солнцестояния.
Улицы странно пустынные –
Чувство такое, что я не я.

Чудится, видится - я плыву
Медленно, медленно, медленно.
Словно во сне я – не наяву:
Нет меня, нет меня, нет меня.

Будто бы раненый ранее
Молча бреду я сквозь марево.
Быстро прошло утро раннее –
Скоро вечернее зарево.

Жизнь обративший в пустыню я,
Жду и надеюсь пока ещё...
Но далеко небо синее –
Близко земля так пугающе.

Закончен бой

Не пришедшим с войны посвящается

Наташенька, идёт дождь?!
Наташенька, идёт снег?
Какая-то в ногах дрожь –
Как будто бы пришла смерть.

А, впрочем, почему смерть?
Я чую, я лечу, я жив!
Я чувствую земли твердь.
Всё вижу, чуть глаза смежив.

... Я вспомнил – ведь закончен бой,
И вот разрывы не слышны.
Пора проститься нам с тобой –
Я больше не приду с войны.

Уходит

На древе жизни ещё кольцо –
Точней, петля!
Чужим я вижу своё лицо.
Идёт всё зря.

Закат пылает – очаг тоски.
Длиннеет тень.
Из жизни тихо, по-воровски,
Уходит день.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

«Но выход есть...»

Отбросив путы суеты,
Дни убегают всё быстрее.
Забыты прежние мечты,
И трубка разума не тлеет.

Болтаюсь в океане чувств,
Как щепка в штиль, и жажду бури.
Она умчит сомнений груз
И трубку молнией прикурит.

Тогда сквозь разума дымок
Увижу будущие дали,
Где всё, что в жизни я не смог,
Другим для воплощенья дали.

И кто-то там, в грядущих днях,
Сумеет жизнь вдохнуть в идеи,
Что зрели в наших головах,
Но распуститься не успели.

Нас обступают неудачи,
А мы презрительно спокойны.
К чему нам мелочные войны?
У нас совсем не та задача.
Нас неудачи обступают,
Но в месте главного удара
Их силы постепенно тают,
А значит, мы живём не даром.

Ветер унёс стадо слонов
Прочь от родного дома.
Сюрреализм призрачных снов –
Как это нам знакомо.
Явь или сон – разницы нет,
Все их границы смыты.
Слепит глаза истины свет
В капле слезы пролитой.
Время течёт, тихо журча,
Снова к своим истокам,
И, трепеща, разум-свеча
Гасится сим потоком.

Над широким волжским плесом
Чайки носятся крикливо.
А вдали за тёмным лесом
Наползают черносливом
Туч клубящихся громады,
Горизонт во тьме скрывая.
Побелевших волн армады
Берег пеной заливают.
Ощущеньем скорой бури
Воздух до краёв наполнен.
С нетерпеньем бурю жду я
И вдыхаю ветер вольный.

Пусть безумствуют стихии!
Надоел застой покоя.
И предчувствую стихи я –
Это чувство много стоит.

Мы в этой жизни игроки
Или актёры – что досталось:
Но от того, о чём мечталось,
Мы равно страшно далеки.
Зато близки к тому, что даже
Представить не могли в мечтах,
Что, потеряв себя в летах,
Мы выставим их на продажу,
И нас раскупят по частям.
Смысл жизни мне – и аз воздам.

Нередко болезни, всё чаще поминки.
Сужается круг самых верных друзей.
Казалось: прошедшие годы – разминка
Пред штурмом встающих вдали рубежей.

А разум зудит: «Ты планировал плохо.
Не всё совершил из того, что ты мог.
К чему отговорки, мол, это эпоха,
Коль в горле застрял оправданья комок».

Вот так и живём, не найдя адвоката
Бездействию, лени, ошибкам своим.
И только бессильно считаем утраты.
Которые сами всю жизнь и творим.

Душа как вспаханное поле;
Там, в глубине, процесс идёт.
И повлиять не в нашей воле
На нежелательный исход.
Душа то вдруг вскипит страстями,
То с головой уйдёт в себя,
И всё, что происходит с нами,
Забудет, разом отрубя.
Но не найти в себе ей места,
Душа стремглав назад бежит,
Являя миру в знак протеста
Свой оскорблённый внешний вид.

Который день ищу строку,
В которой будут мысль и чувства.
Как будто выдернул чеку,
А взрыва нет – и нет искусства.

Нет вихря мыслей, бури чувств,
И в голове гуляет ветер.
Но выход есть: бежать к врачу.
Жизнь – самый лучший врач на свете!

Александр ПЕНЗЕНСКИЙ

г. Липецк

Родился в 1979 году в Липецке. Автор сборника рассказов, повести и двух романов, изданных в 2021 году издательством АСТ: «Улыбки уличных Джоконда» и «По высочайшему велению». В 2023 году вышел из печати роман «Красный снег». Публиковался в журнале «Петровский мост» - Липецк (лауреат премии журнала, 2021 г.). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«На далёких берегах...»

Опять пустая ночь стучит в окно...

Опять пустая ночь стучит в окно,
Опять осколки неба гладят стёкла.
Дворы пусты, и осень вся промокла,
И звёзды тихо падают на дно.

Холодный свет целует тротуары.
Пустые зеркала разбитых луж.
И город молча принимает душ,
Пытаясь смыть неоновые бары.

Он верит, что с потоком сточных вод
Он сбросит с плеч привычную усталость —
Ведь скоро снег, ещё чуть-чуть осталось,
И всё уснёт, и всё опять уснёт,

Укрывшись снегом, спрятавшись от сплетен,
От лжи любовниц и предательств жён,
От вереницы стёршихся имён,
От стальных звёзд, чей свет в ночи так беден.

Забывать, простить, уснуть, не видя снов,
Не слыша криков ночи, пьяных песен,
И жить, дышать мечтой грядущих весен,
Расписывая зеркала домов.

А там весна, и воды по-другому,
Уже смывая снег как белый сон,
Поют с любовью новой в унисон
И гонят прочь в шальную ночь из дому.

А там опять дожди, снега, ветра,
Предательства, обманы и обиды —
Сменяют за окном друг друга виды,
И снова всё закружится с утра.

Поезда

Уплывают в небеса
Все бумажные мечты,
Все чужие голоса
И ты...
Все зелёные дожди,
Все холодные ветра.
Не грусти и зря не жди —
Пора.

В поездах, в пустых вагонах
Улетают наши сны.
На забытых перегонах
Розовые спят слоны,
На ушах — останки лета,
Под ногами — три зимы.
Может, точно также где-то
Будем спать с тобой и мы.

Чашка кофе на столе,
Не дочитана газета.

Город утонул в золе
Рассвета.

В поездах, в пустых вагонах,
На далёких берегах,
На подземных перегонах
Белый свет живёт впотьмах.

Расколосось небо-крыша.
Даже стоя на краю
Легче крикнуть «ненавижу»,
Чем шепнуть «люблю».

Город

Я и сам не пойму,
почему этот город мне дорог,
И за что я люблю
эти спальни многоэтажные,
И опавших сердец
тополиных асфальтовый шорох,
И держащие небо
костлявые краны монтажные.

Его вечно коптящие
небо котельные,
Раскалённый заводом
закатный румянец,
И июньские ночи
пушисто-метельные,
И ноябрьского утра
расписанный бисером глянец.

Запах пыли, разлитый
дождём над дорожками,
И зашторенный старыми
липами белый рассвет.
Старики с голубями
и хлебными крошками,
И фонтан сторожащий
годами чугунный квартет.

Здесь по тёмным аллеям
расселись забытые песни,
Двухэтажные домики
спорят лениво с высотками,
И дождливую зиму
от долгой тяжёлой болезни
Лечит доктор Весна
соловьями и дачными сотками.

По проталинам люков,
под скрип почерневшего наста,
Повторяя ручьёв
акватории замысловатые,
Вместе с грозной армадой
корабликов из пенопласта
Уплывают в туман
наши детские восьмидесятые.

Олег ШУХАРТ

г. Липецк

Публиковался в журналах «Петровский мост», «День поэзии», альманахе-реконструкции «Время». Автор книги стихов «След тишины». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«... и скроюсь осенью вдали...»

Сначала было слово,
что стеблем проросло
сквозь пустоту пустого,
сквозь мутное стекло.
И стало первым гостем
в одну из чёрных сред,
и за последним тостом
мне подарило свет.
Жизнь не имела смысла –
теперь же бьёт ключом.
Сон – шаг за шагом сбился,
я – заново рождён.
И я шагаю следом
за чередой зим,
ступая пыльным летом –
и тает третий Рим.
И тает на рассвете
в часах песочных – час,
в песке играют дети,
похожие на нас.
Похожие на капли
немыслимой воды,
и уплывают в дали
гренландские киты.

В его карманах только дыры,
в пустой душе нет места вере,
он не выходит из квартиры
заколотив крест-накрест двери.

Распятый на заре рекламы,
в его ладонях те же гвозди.
Он смотрит, как летят сквозь рамы
и гаснут вспыхнувшие звёзды.

Кровоточат стихами раны
и капают на лист бумаги,
след оставляя красно-алый,
как та дворянка после драки.

Простым умам не по карману
бесславного поэта нравы:
Не просит он небесной манны,
не ищет радости в нирване.

Очистив прошлое от спамов,
переписав судьбы сюжет,
он всё ещё живой – тот самый
Последний проклятый поэт.

Той глубины печальных глаз,
где тонешь, не коснувшись дна,
той нежности полночных фраз,
что расплескала тишина –
здесь нет... но, где? Мне не понять
ни сном, ни духом, ни умом,
хоть километры прошагать

мне по воде – святым Петром.
Хоть наизнанку шар земной
я выверну, верну назад,
голодным волком под луной
сойду с ума... и буду рад!
Под стук сердец, трамвайный мат,
под визг истёртых тормозов,
сорвавшись в пропасть круглых дат
я вновь приду к любви на зов.

Не у дел...

Часы – час за часом спешат
в неведомую страну,
их чётко рифмованный шаг
всю ночь не даёт уснуть.

Сдуваю белёсую пыль
с нависшего потолка,
и весь мой неистовый пыл
остыл, как к утру река.

За временем не слежу,
спасения не ищу
и, множа на час тишину,
на ладан давно дышу.

Глядят образа сквозь меня
на рукопись старика,
в замочную скважину дня
и дальше, за облака.

А совесть бесшумно ворчит
про избранный путь. Другой.
И время вдруг встало, молчит,
как в ссылке больной изгой.

А где-то сороки галдят,
и школьник взял в руку мел.
Забыв про часы, я рад
остаться на миг не у дел...

Я – лист, меня терзает ветер,
но я с живым огнём в глазах,
страх позабыв, смотрю на север
и жду, когда сверкнёт гроза.

Не верю в гуру и пророков –
поющих суете хвалу,
за смелость, обречён я роком
ходить по битому стеклу.

Я – лист и скоро стану пеплом,
но знаю, что дождусь любви,
найду я счастье жарким летом
и скроюсь осенью вдали.

Лишь дети счастливы и верят,
что жизнь красива и добра,
а пепел стылый землю греет,
сверкая синью серебра.

Валерий МАЗМАНЯН

г. Москва

Мазманян Валерий Григорьевич. Родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего. В 1975 году окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Жасмин туманом плыл у окон»

И рыжий одуванчик распушил...

Встревожит память уходящих лет
крикливых чаек пересуд,
где ивы горстью золотых монет
бросают блики солнца в пруд.

Начну винить кого-то – согрешу,
не в тягость думать о пустом,
а облачко прибилося к камышу
бумажным скомканным листом.

Для уток хлеб достану – и к воде,
вспугну невольню сизаря,
не ту струну в твоей душе задел,
но встретил я тебя не зря.

Вдали от шумных улиц и машин
ни вздохов, ни житейских гроз...
и рыжий одуванчик распушил
копну нечесанных волос.

И вдалеке раскаты грома...

Собрались тучи возле дома,
и сумерки стирали грани,
и вдалеке раскаты грома
пугали веточки герани.

И монотонный стук баюкал,
и память прошлого тревожил,
а дождь на ниточках, как кукол,
водил по улицам прохожих.

Молчали мы и каждый помнил –
нас не любовь, а время судит,
а на окне изломы молний
чертили нам зигзаги судеб.

Пусть наша грусть не станет мукой -
прощальные слова в прихожей...
а дождь на ниточках, как кукол,
уводит в прошлое прохожих.

Давай на грусть наложим вето

Давай на грусть наложим вето,
когда не спится до рассвета,
когда ты в зеркало не глядя,
седые вспоминаешь пряди.

Молчание плетёт интригу,
не делай вид – читаешь книгу,

печаль плетёт у сердца кокон –
постой со мной у синих окон.

На город лёг туман акаций,
душа зовёт в нём потеряться,
а ветер вишню в белой шали,
слегка касаясь, утешает.

Поплачься, если станет легче,
а майский дождь у окон шепчет,
что за весной не осень – лето...
давай на грусть наложим вето.

Ронял шиповник в травы...

Недолго дождик капал,
вздыхала зря река,
сосна мохнатой лапой
прогнала облака.

В дремоту впали тени,
ветра сморила лень,
и в облачке сирени
пропал гудящий шмель.

Будила чайка криком
грозу и спящий гром,
хотелось о великом,
а слово – о земном.

Века меняют нравы,
но не разлук обряд...
ронял шиповник в травы
по капельке закат.

Жасмин туманом плыл у окон

Июньский вечер звуки прятал,
в дремоту погружались дали,
и облака бумагой смятой
в закатном пламени сгорали.

Берёзы белые колени
прикрыли тени кружевами,
что этот день отдали лени
забыли, не переживали.

Жасмин туманом плыл у окон,
лилось вино и лились речи...
и грусти нераскрытый кокон
до осени припрятал вечер.

Обратная связь

... самая лучшая критика – это письма читателей.

Валентин Григорьевич Распутин

Новая книга.....

Читайте! И пусть в вашей жизни не будет ни одного дня, когда бы вы не прочли хоть одной страницы из новой книги!

Константин Паустовский

Книга в подарок

О книге Наталии Ячеистойой «Тонкая грань»*

В стародавние времена мои одноклассники, приглашённые на день рождения, частенько сталкивались друг с другом в книжном магазине, располагавшемся напротив моего дома. Там мы выбирали подарки. Помню и храню томики классиков с незатейливыми, добрыми надписями. Вспоминаю голоса, лица...

Теперь, когда в моих друзьях появились писатели, продолжаю получать книги в подарок. Каждая из них дорога, ведь в них не только автограф, а душа, переведённая на язык слов. То перечитывая их, то просто останавливаясь перед стеклянной дверцей шкафа, ещё и ещё раз радуюсь встрече в жизни с талантливыми людьми. Кто-то одарил одной, двумя книжками, у кого-то льётся через край, набирая силу, множась в сюжетах, городах и странах. Книги Наталии Ячеистойой выстроились в ряд: толстенький «Туманган», лёгкие, будто невесомые пёрышки, прилетевшие из зарубежных путешествий, фотохроники, великолепные «Голландские изразцы» и многие другие.

Ароматом типографской краски и лёгкой палитрой обложки выделяется в шкафу новая книжка Наталии «Тонкая грань». Как и другие её прозаические сборники (а она пишет и стихи!) – это рассказы. Их объединяет лирическая интонация, дар автора увидеть за простой жизненной ситуацией одновременно что-то вечное и неповторимое. Художественное восприятие действительности, её переложение с бытового на поэтическое с соблюдением прозаических заповедей (глубокий смысл, погружение в психологию героев, хронотоп), прекрасный русский язык приближает произведения к образцам классической русской прозы.

На обсуждении проекта книги в литературном объединении «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России руководитель ЛИТО, писатель Андрей Воронцов, отметил не только достоинства произведений включённых в сборник (их более шестидесяти!), но и то, как мастерски составлена книга. Каждый раздел сборника («Тонкая грань», «Цветы бугенвиллеи», «Дорога среди камней», «Падает снег») мог бы быть самостоятельной книгой, поскольку отражает законченное высказывание. Соединённые воедино, они представляют творчество Наталии Ячеистойой во всём многообразии тем и их переплетений. Трудно выделить наиболее сильные рассказы, поскольку именно в единстве они приобретают ту глубину, которая свойственна этому автору. И всё-таки не удержусь, и назову те, которые мне наиболее близки. Это «Компас любви», «Голосов овраг», «Тонкая грань», «Брат мой», «Малер предупреждает», «Синие туфли».

Уверена, что каждый читатель найдёт в сборнике те произведения, которые ему полюбятся и запомнятся.

Я же дорожу этим прекрасным подарком, буду перечитывать книгу ещё не раз, открывая для себя новые грани глубокой и современной прозы.

Нина Кромина, член Союза писателей России,
руководитель литературной лаборатории «Красная строка» (Москва)

Аннотация

В книгу Наталии Ячеистойой «Тонкая грань» вошли рассказы о наших современниках – любящих, ищущих, противоречивых. Тонкая, едва заметная грань отделяет порой добро от зла – так, что человеку приходится применить усилие, чтобы не ошибиться.

Ячеистова Наталия Изяславовна, москвичка. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Член МГО Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Голландские изразцы \ Nederlandse Tegels» (Amsterdam) и «Пути земные и небесные», ряда книг прозы – «Туманган», «В закоулках души», «Остров Белых», «Рассказы за чашкой чая», «Москва моего детства», «Тонкая грань» и др. Имеет публикации в литературных журналах. Рассказы Н. Ячеистойой включены в сборник «Сила молитвы» (издание Сретенского монастыря, 2022). Лауреат международных литературных конкурсов. В 2022 году награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам международного конкурса духовной художественной литературы «Молитва».

* Тонкая грань. Наталия Ячеистова. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2023. – 360 стр.

С юбилеем, дорогие «Огни»!

В апрельском номере журнала «Северо-Муйские огни»/2023/ опубликован мой первоапрельский материал «Мир выжил, потому что смеялся».

В этом году исполнилось 15 лет со дня основания этого журнала.

У журнала всегда яркие и красивые обложки, притягивающие к себе взгляд. Тираж не очень велик (500 экз.), но выходит журнал регулярно шесть раз в год: с 2008 года по сегодняшний день увидели свет 96 номеров. Учредитель, издатель и главный редактор – известный писатель Виталий Кузнецов.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Журнал отнюдь не «местечковый». В его редколлегию и творческий совет входят писатели из разных городов России. Да и публикуются в журнале авторы «с южных гор до северных морей». В апрельский номер, например, вошли произведения литераторов из Магадана, Владивостока, Ангарска, Омска, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга, Удмуртии, Краснодара, Крыма, из Республики Беларусь, Польши, Германии и других стран и городов.

Приятно отметить, что у меня с журналом «Северо-Муйские огни» в этом году тоже совместный юбилей – 10 лет сотрудничества. Именно в 2013 году в журнале была напечатана подборка моих стихов. С тех пор мои очерки и рассказы время от времени появляются на его страницах.

Поздравляю коллектив сотрудников журнала «Северо-Муйские Огни» с юбилейной датой!

Желаю всем здоровья, успехов и счастья! А журналу – больших тиражей, хороших авторов и огромную армию читателей!!!

С любовью, Тамара Митрофановна Гордиенко
(член Союза писателей России, г. Севастополь).

С Днём России и юбилеем «Северо-Муйских огней», родные наши Огни!

Согласитесь, что соединение этих дат очень вам к лицу, ведь журнал с корнями из БАМа поистине русский, наш. И очень важно держать это направление. Особенно сейчас, когда русскую культуру (вкуче с литературой) прессуют изо всех сил и со всех сторон.

Вот и желаем вам стойкости, мужества, вдохновения и великого множества талантливых произведений!

От имени Крымской литературной академии имени Ю. В. Бондарева редколлегия «Манускрипта»: Михаил Голубев (главный редактор), Юрий Иваниченко (ведущий редактор) и Андрей Облог, Лев Рябчиков, Валерий Чепурин.

Уважаемый Виталий, уважаемая редакция журнала СМОг!
Сердечно поздравляю с юбилеем любимого журнала!

У журнала есть свой неповторимый стиль, своё «лицо», узнаваемый дизайн и замечательные многолетние традиции. Любовь к природе и родному краю, уважение и бережное отношение к авторам, сочетание накопленного опыта публикаций и открытости к новизне неотделимы от впечатления о журнале. Приятно поражают многообразие и география информационных и литературных партнёров журнала.

Бесконечно рада быть одним из авторов, опубликованных на страницах издания.

Желаю безусловного процветания, интересных новинок, литературных открытий и известности!

С бесконечным уважением, любовью и признанием
Ирина Апарченко (г. Ангарск, Иркутская обл.).

Дорогие Виталий Яковлевич Кузнецов и Татьяна Борисовна Логинова!

Примите мои самые искренние поздравления в связи с 15-летием выхода в свет первого номера журнала «Северо-Муйские огни».

Я тоже в это время отмечаю свой небольшой литературный юбилей – 15-летие издания книги моих документальных повестей «Мы строили БАМ не в белых перчатках».

Нас объединяет общая история создания наших творческих планов.

Ваш журнал родился в небольшом таёжном посёлке, построенном на трассе Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Волей судьбы я имел честь 48 лет назад (в 1975 году) в числе первопроходцев строить этот посёлок и его легендарный тоннель – Северо-Муйский.

В следующем году наша страна готовится отметить 50-летие с начала строительства БАМа. Своё достойное место в этой истории занимает и ваш замечательный литературный журнал, который проложил духовный, временной мост между прошлым и настоящим. Журнал пользуется большим авторитетом не только в России, но и за рубежом.

Являясь постоянным читателем «Северо-Муйских огней», наслаждаюсь их удивительным содержанием. В моём бамовском архиве бережно храню все получаемые от вас экземпляры журнала. Это для моих потомков.

Возвращаясь к истории создания журнала, хочу воспроизвести строки небольшого стихотворения, автором которого является Алексей Тишаков, один из героев моей книги:

Далёкий БАМ, приветствую тебя!
И кланяюсь тебе, тоннель Северо-Муйский.
До слёз обидно, память теребя,
Осознавать, что я уже не муйский!

Желаю всем создателям этого журнала крепкого здоровья и дальнейших творческих свершений!
Пусть никогда не погаснут яркие Огни Северомуйска в Восточной Сибири!
Ваш Анатолий Подзарей /85 лет/, 26 июня 2023 года (г. Протвино, Московская обл.).

Уважаемые создатели и авторы журнала «Северо-Муйские огни»! От всего сердца поздравляю вас с 15-летием этого прекрасного издания! Рада войти в ваш дружный круг.

Желаю успехов и процветания, новых идей и знакомств, впечатлённых рецензентов и верных читателей!

Юбилейный выпуск СМОг № 3 (97) 2023 май-июнь изумителен, как и все остальные номера.

С удовольствием познакомилась с подробной историей журнала и творческими биографиями членов редколлегии.

Увлечённо прочла поэтические обзоры Александра Балтина. Всегда жду их с интересом и волнением. Признательна Александру Львовичу за глубокие, изящные отклики о моих стихотворениях. Так приятно и важно получать внимание к творчеству, видеть, что прожитые и прочувствованные строки увлекают и трогают читателей!

С восхищением открыла на страницах истории авторов журнала. В каждом литературном мире хотелось погостить подольше – охватить его разумом и чувствами.

Большое спасибо за яркие эмоции и впечатления, за вдохновение и возможность поделиться творчеством, за прочтение моих стихотворений и за мысленные отзывы на них! Мне очень дорога поддержка, и даже отклик в чьём-то сердце на вес золота.

С юбилеем!!!

Алёна Иванова (г. Озёрск, Челябинская обл.).

Читая «Северо-Муйские огни»

Небывалая жара, сгубившая надежды сельских труженников на урожай этого года, внесла коррективы в повседневную жизнь не только аграриев омского Прииртышья.

Желая взбодрить и порадовать своих коллег, И. В. Егоров, главный редактор журнала «Иртыш-Омь» и альманаха «Тарские ворота», прислал по электронной почте версию журнала «Северо-Муйские огни» №3(97) 2023, где опубликованы подборка его стихов и доброжелательные отзывы на стихи омских авторов, представленных в предыдущем выпуске СМОг. И хотя, по моему наблюдению, жара как-то легче переносится не в сидении за компьютером, а в движении и в занятиях физическим трудом – я не пожалела, когда открыла журнал, заглянула в его содержание и стала выборочно читать. Прежде всего, меня привлекло и воодушевило с первых строк стихотворение главы Республики Бурятия Алексея Самбуевича Цыденова, напечатанное под рубрикой «Поэтический взгляд на политические события». Я читала и думала: вот кто продолжатель державинской традиции Словом и делом служить Отечеству. Такое редкостное сочетание государственного деятеля и литератора в одном лице говорит нам, что есть! есть у нашего президента В. В. Путина резерв помощников и среди литераторов, особенно ярко проявивших себя сегодня стремлением к служению на благо народа и государства. Мы с особой гордостью вспоминаем в эти дни Гавриила Романовича Державина в его юбилейный 280-тый год со дня рождения. С его величавой строкой «Гром победы, раздавайся!» перекликаются вдохновенные, исполненные гражданского звучания строки Цыденова:

*Мы не танцуем под чужие бубенцы.
Мы помним, как сражались наши деды.
Как поднимали Родину отцы...
... Мы победим, как это было прежде.
И мы дождёмся этих светлых дней...
... Для нас зажглась победная звезда.
Мы сильные, мы сможем, как всегда!*

И ещё в памяти зазвучал суровый голос и послание от Анны Андреевны Ахматовой «Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет».

А ещё меня порадовал журнал своим публицистическим содержанием. Названия работ притягивают внимание и призывают читать и перечитывать отечественную классику: «Вороха загадок булгаковского романа» Александра Балтина, «Пушкин, Бенкендорф и Николай I в исторической драме «Борис Годунов» Александра Костерева, «Поэт Пётр Чайковский» Максима Орлова, «Встреча с Визбором» Сергея Степанова-Прошельцева. В работе Алексея Яшина «Не в свои сани не садись, а севши – под гору катись» речь идёт не о русском фольклоре, а с горечью рассказывается о наболевших вопросах выживания современной литературы, о проблемах литературного процесса и месте писателя в быстротекущем потоке событий XXI века. В частности, говорится о тяжкой участи издаваемых журналов: «Нынешние журналы – тягловые лошади исчезающего литературного процесса». Проза в журнале представлена рассказами 12-ти авторов. В рассказе Юрия Егорова «Попутчики» описан случай, произошедший в вагоне поезда, пассажиры которого становятся свидетелями хулиганских выходов подсевших молодых безбилетников. Читая этот рассказ, становишься невольным соучастником происходящего и решаешь для себя, как надо поступить в необычной ситуации: сделать вид, что она тебя не касается или вмешаться и пресечь действия распоясавшихся хулиганов.

В богатом разделе поэзии представлены стихотворения 26-ти авторов, живущих в разных уголках нашей страны и в дальнем зарубежье. Чувства радости, единения, душевного подъёма охватывают, когда

читаешь строки, пришедшие из Москвы, Самары, Симферополя, Владивостока, Тулы, Республик Карелии и Башкортостана, Краснодар, ДНР и ЛНР, из Красноярска и моего родного Омска. В них бьётся и трепещет пульс добра, чистоты, красоты человеческой души и природы. Было бы несправедливо не отметить ещё одну замечательную работу – очерк о строителях БАМа, написанный участником исторических событий Анатолием Подзареем.

А закончить свои беглые заметки хочу сердечным пожеланием редакции «Северо-Муйских огней» продолжать служение нашему народу, его культуре, традициям и великому русскому языку, ведь он – по слову поэта Льва Рябчикова из Симферополя – родимый наш!

Валентина Останина,

член Союза писателей России, р.п. Таврическое, Омская область

Журнал-праздник

Прочитана и перевёрнута последняя страница журнала «Северо-Муйские огни» (№3/97), а ощущение праздника осталось.

Невольно ловлю себя на мысли, что продолжаю улыбаться. И эта улыбка не сходила с моего лица весь период чтения любимого журнала. Это улыбка радости от причастия к хорошему делу, чудесным людям и их интересным произведениям.

Журнал по праву признан одним из лучших литературных изданий Сибири, но назвать его региональным будет неправильно: он всероссийский, потому как публикуются в нём авторы из разных уголков нашего Отечества. Журнал – скрепа как для маститых литераторов, так и для начинающих, он действительно соединяет не только авторов, но и читающую публику, даёт представление о всём разнообразии литературного процесса России.

По меркам молодого журнала, моё в нём участие такое детское – всего-то шесть лет (с 2017 г.), но стали эти годы такими насыщенными, такими нескучными, такими запоминающимися: и открытие для себя поэзии и прозы Донбасса, русскоязычной творческой братии, живущей на разных континентах, и узнавание и любовь к новым именам российской литературы, и крепнущая дружба с главным редактором В. Я. Кузнецовым, который сумел сделать журнал читаемым, познавательным, разноплановым и таким... светлым. Да, да, именно светлым, далёким от литературных междоусобиц, смакования жареных фактов. Журнал отражает лучшие черты национального характера русского человека: его широту души, его любовь к «... отеческим гробам», его юмор и смекалку. Об этом из номера в номер и рассказывают наши «Огни» его многочисленными рубриками.

С большим удовольствием читаю я публицистику, документальные материалы не только по истории БАМа, поэтические обзоры А. Л. Балтина (отдельное спасибо ему за тёплые слова и о моём стихотворении в «Женском букете весеннего выпуска»). Для меня рубрика «Привал на поэтической тропе» (одно название какое тёплое) вообще одна из любимых!

Застреваю на прозе. Открытием прошлого года стало для меня имя Дмитрия Епишина с его повестью «Халабола, или Записки кадрового разведчика». Журнальная площадь не позволила её публикацию, но позволила познакомить нас с этим именем в обзоре по этой книге Владимира Спектора «Иного не дано», прочтя который так захотелось найти эту самую «Халаболу». И... это осуществил наш замечательный Виталий Яковлевич, соединивший меня с автором. Дмитрий Епишин с радостью откликнулся на желание книгочех из Сибири. Мы с мужем провели несколько упоительных вечеров за чтением электронной версии этих записок разведчика.

Благодаря же нашему редактору, завязалась и дружба с поэтами из Восточной Сибири – Николаем Ерёминым и Максимом Орловым, выславших мне свои книги.

Сколько любимых авторов у меня появилось посредством нашего журнала: к перечисленным ранее добавлю Алексея Яшина, Александра Балтина, Дарью Фомину, Александра Кобелева, Алёну Иванову, Анжеллу Седых и нами любимого Виталия Кузнецова.

Благодарна Игорю Владимировичу Егорову, что знакомит северомуйских читателей с омской поэзией. Рада, что в этом деле есть и моя малая частичка: имя поэта Виктора Гаврилова и прозаика Сергея Прокопьева, поэтесс Валентины Останиной и Ирины Резник стали известны вам благодаря моим скромным возможностям члена Творческого совета журнала.

Как не упомянуть и такие рубрики журнала, как «Рыбохотобзор», «Сатира и юмор», «Обратная связь». О первой из перечисленных скажу, что мне, как дочери рыбака и охотника, всегда интересны байки и нестандартные случаи, описываемые здесь. Сразу вспоминается мой папа – человек бывалый – Саблин Иван Фёдорович, ходивший в тайгу за женьшенем, видевшим тигра не в зоопарке, удачливым рыбаке и охотнике. Ну а о второй рубрике сказано в названии – и разве найдётся человек, не любящий добрую шутку? Таких нет. Как нет и тех авторов, кто б не читал рубрику «Обратная связь», в тайне надеющихся найти хотя бы упоминание о запомнившейся кому-либо своей строчке. И это правда жизни. Ведь не в стол же мы пишем?..

В этом же номере (№3/97) мне показались очаровательными рассказы Натальи Ячеистойой, Андрея Новикова, Сергея Кротова, Ивана Цуприкова. В сердце отозвались стихи Ольги Борисовой, Ивана Нечипорука (особенно «Колос»!!!), Владимира Спектора, Светланы Донченко, миниатюры Любови Дубковой, Марка Польшковского (особенно «Пилигримы!»), Якова Шафрана, Светланы Аниной, Сергея Подольского, Николи Воскресной. Не упоминаю имён давно мною любимых авторов, чьё творчество тоже есть в этом номере, дабы не повторяться.

Поразил список «Коротко о членах редколлегии журнала «Северо-Муйские огни». Вот теперь мы точно знаем все регалии и заслуги нашей команды и его капитана, чьим водительством и плывёт наш журнал по морю российской литературной периодики! Счастливого и долгого плавания, любимый журнал!

Светлана Казакова,

член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни», г. Омск

К 15-летию «Северо-Муйских огней», или «Подростку-долгожителю» – 15!

Открылось окно в новую эпоху – эпоху юности, так говорят в день рождения, когда тебе исполняется 15. Так, наверное, можно сказать и о журнале, если сравнить его существование с временным периодом человеческой жизни.

В 15 лет у подростков уже сформировался и свой круг интересов, знакомств, увлечений. Многие определились и с будущей профессией. Мечты! Всё обязательно сбудется в прекрасной юношеской поре! Всё только начинается...

Но в современном литературно-издательском мире про 15-летие уже говорят так: «О! Долгожитель! Поздравляем!».

В чём же секрет такого долголетия?

Прежде всего в том, что журнал интересен широкому кругу читателей. Вас пригласили на осенний бал? Подбираете стихотворение для выступления? В «золотых» пятых номерах «Северо-Муйских огней» океан поэтических ноктюрнов и прелюдий! Совсем не страшно и утонуть.

Только как же бал без вашего выступления?

В зимние каникулы вечера не покажутся такими длинными, если провести их за чтением новогодних и рождественских историй, представленных в первых и шестых номерах.

В летние отпуска увлекательным будет прочтение третьих и четвёртых номеров. Встречаем лето и проводим его с «Северо-Муйскими огнями»!

Вторые номера журнала до 2018 года были посвящены Великому Дню Победы: хроники, факты, воспоминания. В этих выпусках представлены стихи о Великой Отечественной войне наших дедов, отцов, а также нынешнего поколения поэтов.

В 2022 и 2023 годах незабываемые подарки преподнёс редактор журнала прекрасной половине человечества. Авторами публикаций стали женщины, а в публицистическом разделе журнала опубликованы статьи, очерки о великих и знаменитых женщинах.

Все, в том числе и любители прозы, поэзии, публицистики, в один голос говорят о содержательности журнала. Для библиотекарей, филологов, историков – это просто кладёшь литературных материалов в проведении уроков, лекций, викторин и других творческих мероприятий!

Не оставит никого равнодушными рубрика «Рыбохотобзор», думаю, что именно она является объединяющим звеном всех почитателей журнала. Каждый раз удивляют истории, рассказы, байки охотников и рыболовов.

Моё знакомство с журналом произошло в 2015 году. «От корочки до корочки», на одном дыхании я прочла тогда номер журнала. «Северо-Муйские огни» стали моей настольной книгой. Каждый раз новые выпуски дарят мне столько впечатлений и размышлений! Ко многому прочитанному в журнале возвращаюсь вновь и вновь. К произведениям, затронувшим струны моей души относится и эссе Ларисы Калининой «Месса си минор» (№2 /84/, 2021 г.) Философское произведение о том, что музыка вокруг нас, а природа наделена душой. Уверена, что после истории, которая произошла на острове Дятлинка в древних Великих Луках, многие читатели ещё не один раз слушали музыку бессмертного сочинения И. С. Баха.

Сейчас проходят митинги, встречи, концерты в поддержку СВО, издаются стихи солдат, которые на передовой, а тогда, в 2014 году, о событиях на Украине россияне узнавали лишь просмотрев новости или политическую программу на ТВ. С этого времени с творчеством поэтов Донбасса знакомит и журнал «Северо-Муйские огни». С 2016 года была представлена и проза – в №5 (57) был напечатан рассказ «Проверка» Сергея Тарана.

Недавно вернулась опять к прочтению этого произведения и вновь сопереживала героям психологической драмы, которая произошла в 2015 году в районе города Горловка.

Журнал становится всё более и более популярным. Презентации его проходят во многих городах России. Проходили они и раньше. Вспоминаю, как была участницей одной из них в родном городе Усолье-Сибирское. Тогда, весной 2017 года, она состоялась на железнодорожном вокзале. Усольчане и гости, только что прибывшие в наш город, были в изумлении, смотрели и слушали, как усольские поэты, листая журнал, восторженно читали свои стихи.

Валерий Туровец, председатель городского литературного объединения им. Ю. Аксаментова, был ведущим программы, рассказывал об истории создания журнала, его вдохновителе. В завершении встречи поэты и все присутствующие на вокзале совместно исполняли бамовские песни.

А вот ещё одно яркое воспоминание. Мероприятие посвящено 45-летию БАМа.

6 июля 2019 года. Железнодорожная станция – Северомуйск. Жители посёлка с флажками и бамовской символикой встречают ветеранов БАМа, которые прибыли на праздничном поезде «Москва – Тында». Среди них и легендарный Александр Бондарь. Ветераны, все в медалях и орденах, спешат к сувенирным рядам, где подготовлены специальные подарочные выпуски «Северо-Муйских огней».

... Ясный день, улыбками озарены лица людей. Они прижимают к сердцу журнал, ведь на его страницах рассказана история их юности, которая стала одной из страниц летописи эпохальной стройки.

Да, все эти события остались в прошлом, но у журнала есть и настоящее – сегодняшний день. А есть ли будущее?

Наряду с постоянными авторами, редактор открывает для читателей и новые имена – молодых, юных поэтов и писателей.

Искренне поздравляю всех участников «Северо-Муйских огней» с 15-летием издания! Желаю «подростку-долгожителю» процветания и ещё многая лета! Авторам – здоровья и новых творческих свершений!

Елена Зяблова,

член редакционной коллегии журнала Северо-Муйские огни, г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новонкутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.